

В. Е. КОНОВАЛОВА

ПСИХОЛОГИЯ
В
РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВИЩА ШКОЛА»
1978

158+34С65
К64

Психология в расследовании преступлений, Коновалова В. Е. Харьков, издательское объединение «Вища школа», 1978.

Монография посвящена актуальным, мало разработанным в советской криминалистической литературе вопросам использования данных психологии в расследовании преступлений. Исследуются проблемы места и роли психологии в научной организации следственной деятельности и использование ее закономерностей в процессе осуществления отдельных следственных действий.

Предназначена для научных работников и специалистов.

Список лит.: 65 назв.

Рецензент: д-р юрид. наук, проф. Л. Е. Ароцкер,

Редакция гуманитарной литературы,
Зав. редакцией Г. И. Шинкаренко.

11002-479
—78

(с) Издательской объединении «Вища школа», 1978,

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.	3
-------------------	---

Глава I.

Место и роль психологии в научной организации следственной деятельности

§ 1. Психологическая характеристика следственной деятельности.	5
§ 2. Использование данных психологии в научной организации работы следователя.	17

Глава II.

Познавательная функция психологии в производстве отдельных следственных действий

§ 1. Осмотр места происшествия	
Место происшествия как источник познавательной информации в расследовании.	49
Решение мыслительных задач при производстве осмотра места происшествия.	59
§ 2. Познавательная функция психологии при допросе	
Роль психологии в диагностике личности допрашиваемого	63
Система психологических приемов, способствующих получению информации.	74
Способы оценки информации, полученной в процессе допроса	74
§ 3. Обыск	
Психология сокрытия. Рефлексивное управление	75
Психология обнаружения. Розыскные версии	84
§ 4. Психология предъявления для опознания	
Психологические закономерности восприятия внешности человека, предметов.	90
Идентификационная сущность опознания.	98
Тактика предъявления для опознания. Оценка результатов.	105
§ 5. Психологические основы следственного эксперимента и проверки показаний на месте	
Психологическая характеристика следственного эксперимента.	107
Психологические основы проверки показаний на месте	117
§ 6. Психологические проблемы назначения и производства экспертизы	
Экспертные версии, их природа и роль в исследовании	123
Психология формирования выводов эксперта	129
Список литературы.	139

ВВЕДЕНИЕ

Одной из программных задач Коммунистической партии Советского Союза является всемерное укрепление законности и правопорядка. В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева XXV съезду партии указывается: «...Мы уделяли и будем впредь уделять постоянное внимание совершенствованию деятельности милиции, прокуратуры, судов, органов юстиции, которые стоят на страже советской законности, интересов советского общества, прав советских граждан» [1, с. 82]. В осуществлении этих задач значительное место принадлежит использованию данных психологии. Исследование психологических характеристик деятельности следователя, психологических основ научной организации его труда, производства отдельных следственных действий позволяет определить роль психологии не только в практике расследования преступлений, но и в теоретических аспектах. В этом отношении известный интерес представляет психологическая структура деятельности группы следователей, классификация решаемых мыслительных задач, связанных с расследованием и предупреждением преступлений, возможное проявление конформности в определенных ситуациях. В процессе расследования преступлений, как процессе познания, специфика и методы которого определяются предметом познания, определенная роль принадлежит данным общей и судебной психологии, способствующим его осуществлению. Именно в этом плане анализируется в книге познавательная роль психологии как в производстве отдельных следственных действий, так и в разработке теоретических сторон расследования, связанных с построением

мыслительных моделей, рефлексивным управлением, исследованием идентификационной сущности отдельных следственных действий. Так, в изучении психологии осмотра места происшествия главное внимание сосредоточено на решении мыслительных задач, в допросе выясняется роль психологии в диагностике личности допрашиваемого, в предъявлении для опознания рассмотрены психологические закономерности восприятия внешности человека и т. п. Исследование названных вопросов, представленное в ряде случаев фрагментарно, направлено на совершенствование следственной деятельности по предупреждению и расследованию преступлений.

Активизация деятельности следственных органов, ее высокая эффективность являются важной задачей, поставленной КПСС. Ее решению будет способствовать новая Конституция СССР. Как отметил Л. И. Брежнев, она «должна привести к значительному улучшению работы всех органов, на которые возложено обеспечение строгого соблюдения требований советских законов... Партия ждет от всех этих органов еще большей инициативы, принципиальности, непримиримости в борьбе с любыми нарушениями советского правопорядка» (Л. И. Брежнев. О Конституции СССР, Доклады и выступления. М., Политиздат, 1977, с. 21—22).

Глава МЕСТО и РОЛЬ психологии в НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1. Психологическая характеристика следственной деятельности

Психологии принадлежит значительное место в организации человеческой деятельности. Психика человека во многом определяет его способность участвовать в общественном труде в соответствии с избранной профессией. Современные исследования профессиональных качеств той или иной области работы привели к обнаружению целого комплекса психических показателей, которые позволяют изучать и отпочковывать в самостоятельные отрасли знания такие науки, как инженерная, военная, космическая, медицинская психология, психология труда, искусства, спорта и др.

Изучая закономерности психической деятельности человека в связи с его профессиональной принадлежностью (в силу необходимости или по призванию), мы выясняем те особенности, которые способствуют, с одной стороны, познанию организационных основ выполняемых профессиональных функций и, с другой стороны — совершенствованию организации их выполнения. В этом отношении большой интерес представляет следственная деятельность. С точки зрения психологических показателей она является наименее изученной областью профессиональной деятельности человека, между тем именно такое изучение во многом способствует решению многих проблем, связанных с ее научной организацией. К их числу, наряду с профессиональным отбором и подготовкой

лиц для работы в этой отрасли, относятся проблемы, связанные с созданием психологически совместимых коллективов следователей в масштабе прокуратуры района или следственного отделения УВД, с возможностями быстрой ориентации в решении мыслительных следственных задач, с необходимой оперативностью в осуществлении намеченных планов, с преодолением возможной профессиональной деформации и др.

Решение названных проблем может происходить в двух взаимосвязанных направлениях. С одной стороны, в изучении психологических показателей следственной деятельности, с другой — во внедрении результатов этого изучения в практику. При изучении психологических показателей следственной деятельности обращает на себя внимание ее специфика, определяемая познавательными целями, которая отличает эту деятельность от других, где познавательная цель либо отсутствует, либо представлена в свернутом виде, подчиненном иным целям. Так, выполнение однотипных функций в работе бухгалтера, счетовода, продавца не несет в себе цели познания. В деятельности иных лиц эта цель не является первоочередной и не составляет смысла всей работы, так как может вытекать из ее результатов. Что же касается деятельности следователя, связанной с расследованием преступления, то она подчинена установлению объективной истины по делу, познанию конкретного и в психологическом плане является работой исследователя, протекая по законам осуществления познания вообще. Психология исследования — это психология раскрытия тайны в конкретной области: в археологии, физике, химии, биологии и т. п. Но раскрытие тайн в области науки носит иной характер, чем при расследовании преступления, так как социальный смысл этих тайн различен, различны последствия их раскрытия. Однако психологическое состояние исследователя во многих своих характеристиках совпадает так же, как и совпадает степень сложности решения мыслительных задач, использование профессиональной интуиции, психической напряженности в стремлении к достижению цели.

Познавательный характер деятельности, осуществляемой следователем, в психологическом отношении является чрезвычайно сложным. Это объясняется главным образом тем, что эта деятельность требует не только многообраз-

ного решения мыслительных задач различного плана и трудности, но и организации, практического их осуществления. При этом деятельность чисто мыслительная, имеющая целью построение следственных версий, составление планов проведения отдельных следственных действий и планов расследования вообще, соединяется с практической организацией работы, реализующей мысленные схемы и решения. С точки зрения психологического состояния лица, выполняющего эти задачи, осуществляемая деятельность требует гибкости, способности переключения усилий и изменения психической настроенности [см. 62, с. 19]. Это и объясняет в отдельных случаях неумение лица осуществлять названную работу, ввиду ее сложности, обусловленной соединением сторон исследования и оперативной организации. Поэтому при профессиональной подготовке следователей необходимо учитывать этот фактор и строить программу таким образом, чтобы она включала в себя элементы полной имитации схемы, модели реальной следственной деятельности. На это следует обращать внимание также в процессе проведения практических занятий и семинаров как со студентами, так и со следователями.

К числу психологических характеристик деятельности следователя относится также правовая регламентация — наиболее яркая особенность этой деятельности, которая означает ее строгое правовое регулирование, возведенное в норму закона, а следовательно, обязательное для исполнения. Эта особенность отличает работу следователя от многочисленных отраслей человеческой практики, где выполнение работ определяется общими планами или инструкциями и создает широкую возможность для свободного осуществления своих личных представлений о наиболее эффективной организации труда. Правовая регламентация подчиняет деятельность следователя порядку, строго установленному нормами закона. Это, однако, не означает, что следователь не свободен в своих волеизъявлениях, в выборе средств осуществления деятельности, ее наиболее рациональной и эффективной организации. Такая свобода существует, она реальна. Вместе с тем она подчинена принципам закона и не может простирается далее оперирования уже сформулированными в законе требованиями и порядком деятельности следователя.

Правовая регламентация не только как психологическая характеристика, но и как содержательная сторона

следственной деятельности находится в тесной взаимосвязи с научной организацией труда следователя. Предусмотренный законом порядок деятельности следователя, является выражением ее наиболее оптимальной организации. Отдельные нормы уголовно-процессуального закона, предусматривающие такие акты, как возбуждение уголовного дела, принятие его к производству, привлечение лица в качестве обвиняемого, прекращение дела, выделение части материалов следственного дела в отдельное производство и т. п. представляют собой нормы, имеющие большое организационное начало. Более того, отдельные нормы достаточно подробно регламентируют производство отдельных следственных действий, являясь обязательной основой его организации. Но это не означает, что положения закона не могут быть усовершенствованы. Предложения по научной организации следственной деятельности, сделанные на основе анализа и обобщения ее опыта, имеют своей целью совершенствование уголовно-процессуального законодательства.

Научная организация работы следователя может осуществляться и в рамках действующего законодательства. В этом отношении достаточно широкий простор для деятельности дает следственная тактика, как система методов и приемов, обеспечивающих наиболее эффективное расследование по делу. Именно в рекомендациях тактики по наиболее эффективному производству расследования могут найти свою реализацию рекомендации по научной организации труда следователя. Однако методы научной организации труда следователя, которые регулируют только организационные основы деятельности, нельзя смешивать с приемами выполнения этой деятельности. Так, если обратиться к рекомендациям по научной организации труда следователя и тактическим приемам, используемым в расследовании преступлений, мы увидим, что по своей сущности и характеру применения они различны. Рекомендации по научной организации обеспечивают высокий уровень деятельности и ее эффективность, а тактические приемы расследования (как расследования в целом, так и производства отдельных следственных действий) являются приемами собственно деятельности, преследующей цель познания истины. В тех случаях, когда тактические приемы в силу их специфики обладают подготовительным

и организационным характером, они могут совпадать с рекомендациями по научной организации труда¹.

Обратимся в связи с этим к анализу такого следственного действия, как допрос. В числе тактических приемов подготовки к нему можно обнаружить рекомендации по научной организации работы, к которым можно отнести рекомендации, связанные с выбором места и обстановки допроса, изучением материалов дела и данных о личности допрашиваемого и т. д. Что же касается приемов осуществления самого следственного действия и достижения истины, то они носят чисто тактический характер. К числу таких приемов относится избрание метода допроса, времени и вида предъявления доказательств, определение характера вопросов, их последовательности и сочетания, выбор наиболее целесообразных приемов психологического воздействия и т. п. Однако рассматривать тактические приемы расследования как превалирующие над рекомендациями НОТ нельзя, ибо они находятся во взаимосвязи, которая заключается в их психологическом единстве.

К психологическим характеристикам деятельности следователя большинство авторов [49; 59], рассматривающих названную проблему, относят наличие полномочий власти, что означает обязательность распоряжений следователя для отдельных лиц и организаций. Обладание властью и возможность распоряжения ею отличает служебные функции следователя от функций лиц, осуществляющих свою деятельность в иных областях. Психологическое состояние лица в этом отношении определяется прежде всего высокой степенью ответственности, а применение им своих полномочий предполагает решение ряда мыслительных задач, позволяющих определить необходимость и разумность последнего, его законную основу. Нередко решение подобной задачи может иметь несколько вариантов и поэтому характеризуется особой напряженностью.

Психологическое отношение лица, в частности, следователя, к использованию своей власти может быть различным. Разумное ее использование предполагает вынесение обоснованных и обдуманых решений. Однако

¹ Н. И. Порубов, исследуя вопросы научной организации работы следователя, отмечает приоритет тактических приемов над рекомендациями НОТ [см. 46, с. 106].

в практике применения следователем своих полномочий иногда имеют место две отрицательные тенденции. Одна из них заключается в чрезмерном использовании полномочий, которое может повлечь за собой злоупотребление служебным положением или находится на грани последнего. Это является следствием недостаточного понимания ответственности или небрежного отношения к последствиям решения, продиктованного неправильным представлением об объеме своей власти. Чаще всего такие нарушения выражаются в необоснованном возбуждении уголовного дела или его прекращении и т. д.

Другая отрицательная тенденция заключается в нерешительности, продиктованной сомнениями в целесообразности применения полномочий и чувством страха по поводу возможной ответственности. Наилучшим выходом из положения в этих двух случаях является принятие решений на основе всестороннего изучения следственных материалов и сложившейся ситуации при строгом соблюдении требований социалистической законности. Это создает психологическую уверенность в правильности принимаемого решения.

Обладание властью и процессуальная самостоятельность являются очень важными предпосылками для научной организации работы следователя. Связь процессуальной самостоятельности с научной организацией его работы проявляется в самоорганизации при выполнении всех следственных функций. Это прежде всего касается распределения рабочего времени, а также порядка осуществления расследования, в смысле избрания необходимых следственных действий и их последовательности. Разумеется, такая самоорганизация индивидуальна и зависит от множества факторов, влияющих на нее. К их числу относятся темперамент, воля и характер следователя, состояняя работы в конкретный момент (число уголовных дел в производстве, степень их сложности), а также факторы, определяющие степень работоспособности и вдохновения (успех расследования или отсутствие положительных результатов). Однако, как не велика самоорганизованность каждого следователя, он должен ее совершенствовать, используя не только личный опыт, но и рекомендации по научной организации следственной деятельности, которые являются результатом обобщения и анализа передового опыта.

Полномочия, которыми наделен следователь, также взаимосвязаны с НОТ и находят свое выражение в его распоряжениях, направленных на общую организацию расследования (совместное планирование расследования, координация деятельности, отдельные поручения органам дознания и оперативно-розыскным органам) и на организацию отдельных следственных действий (осмотра места происшествия, обыска, очной ставки и др.)- Во всех названных действиях полномочиям следователя принадлежит большая роль, которая определяет организационное начало его деятельности. Именно поэтому их применение должно быть обоснованным и разумным, иначе оно теряет свой смысл или приобретает искаженный характер.

Хотя расследование каждого преступления глубоко индивидуально, все же известная типизация в методах его организации и в применении в этих целях следователем своих полномочий существует, что позволяет в каждом случае организовывать работу в соответствии с оправдавшими себя ранее рекомендациями.

Психологической характеристикой деятельности следователя является также дефицит времени, выражающийся в строгом временном режиме не только общих сроков расследования, но и сроков, связанных с процессуальными этапами движения уголовного дела. К психологическим характеристикам дефицит времени может быть отнесен потому, что именно время, регулирующее деятельность, психологически воздействует на человека, делая его труд более напряженным. В этом отношении работа следователя, имея в виду ее интеллектуальный характер, является почти единственной из отраслей человеческой деятельности, которая строго ограничивается временными рамками. Регулирование работы следователя находит свое отражение и в решении мыслительных задач. Психологическая напряженность влияет на этот процесс, обнаруживая более эффективное решение, требующее мобилизации всех сил.

Дефицит времени зависит от трех причин, обладающих различной социальной, правовой и личностной определенностью. Первой из них является практически мало поддающееся заранее устанавливаемому учету количество и характер совершенных преступлений. Прогнозирование в этой области в настоящее время еще не дает возможности координировать планы следственной деятельности соответственно его данным. Другой причиной является

правовая регламентация сроков следственной деятельности. Она обладает свойством ограничения действий следователя, создавая предпосылки для экономии процессуальных средств и рационального планирования расследования. Положительные качества дефицита времени, которые обусловлены сроками, обозначенными в уголовно-процессуальном законе, не снимают самого дефицита, вызывающего значительные перегрузки. И, наконец, третьей причиной, является личностный фактор, относящийся к самоорганизации деятельности следователя, которая определяется многими моментами, связанными с опытом работы, с профессиональной подготовкой, с вдохновением, состоянием здоровья и др.

Отдельные авторы не считают правильным отнесение дефицита времени к психологическим характеристикам следственной работы. Так, И. Ф. Пантелеев отмечает, что в деятельности некоторых следственных аппаратов действительно наблюдаются перегрузки следователей из-за недостатка времени, что ведет к нарушению процессуальных сроков, к снижению качества расследования. «Но это отнюдь не закономерность данной стадии уголовного процесса, а порок, серьезный недостаток в работе, порождаемый плохой в ряде мест организацией труда следователя, недочетами в подготовке и расстановке следственных кадров, промахами в организационной и воспитательной работе» [41, с.218–219].

Дефицит времени не является закономерностью и по своей природе может быть отнесен не к стадии предварительного следствия, а к психологическим характеристикам деятельности следователя, которые вычлняются судебной психологией в плане анализа труда следователя с целью его наиболее эффективной организации. Рекомендации научной организации труда в связи с этим заключаются в совершенствовании организации следственной деятельности, при которой дефицит времени можно было бы устранить.

В исследованиях затрат рабочего времени следователя с целью внедрения рекомендаций по научной организации труда устанавливается объем времени, фактически используемый для расследования преступления. В результате применения одного из методов изучения затрат рабочего времени — самофотографирования установлены интересные данные, свидетельствующие о том, что около 60%

времени следственной деятельности посвящается выполнению чисто следственных функций, в остальное же время работа носит подготовительный, канцелярский, совещательный характер [см. 57, с. 20]. Несомненно, такие исследования позволяют направлять рекомендации по научной организации труда на устранение непроизводительных затрат времени или сведение их к минимуму.

Психологическим фактором, отрицательно влияющим на самоорганизацию работы следователя, является нарушение необходимой сосредоточенности при решении мыслительных и организационных задач, что вызывается тратой времени на непроизводительную деятельность: машинопись, выписывание повесток, организацию вызова свидетелей или обвиняемых и т. д. Поэтому рекомендации НОТ в этом отношении должны быть направлены на такую обеспеченность обслуживания следователя, которая бы высвобождала максимум времени, необходимого для выполнения следственной работы.

К таким рекомендациям можно отнести интенсификацию деятельности канцелярии, обслуживание следователей специально выделенными машинистками, закрепление за следователями оперативных машин и т. п.

К психологическим характеристикам деятельности следователя следует отнести коммуникативность, как способность общения с широкой по своему диапазону социальной средой¹. Некоторые авторы, которые исследуют вопросы психологии труда следователя, полагают, что свойство коммуникативности присуще всем лицам, выполняющим те или иные рабочие функции в обществе.

На наш взгляд, коммуникативность следователя отличается своей спецификой. Главное отличие коммуникативности следователя от коммуникативности иных лиц, выполняющих функции в самых разнообразных областях человеческой деятельности, заключается в многосторонности, в исключительном ее характере. Многосторонность

¹ Исследование психологических характеристик деятельности следователя отдельными авторами рассматривается с позиций системно-структурного анализа, при этом выделяются психологические характеристики иного плана, чем названные нами. Так, в частности, В. Л. Васильев и А. В. Дулов к психологическим характеристикам следственной деятельности относят: познавательную деятельность, конструктивную, воспитательную, коммуникативную, организаторскую, поисковую и т. п. [см. И, с. 23; 26, с. 35-45; 25, с. 252-270].

коммуникативности следователя состоит в том, что он общается с различными возрастными категориями, с людьми, имеющими разное процессуальное положение. Это требует знания психологии человека вообще, психологических особенностей, определяемых возрастом и процессуальным положением (психология свидетеля, психология обвиняемого, психология потерпевшего и т. п.). Наряду с этим необходимы знания о собственном психологическом статусе (собственном характере, темпераменте, воле, подверженности эмоциональному влиянию и т. п.). Коммуникативность как черта характера может превращаться в профессиональную коммуникативность в том случае, если ею обладают до избрания профессии следователя. В тех же случаях, когда необходимость коммуникативности постигается в процессе следственной деятельности, она неизбежно приходит, и практика деятельности способствует ее совершенствованию.

В основе коммуникативности, проявляемой в общении с лицами, попадающими в орбиту судопроизводства, лежит умение устанавливать психологический контакт. Последний, как чувство взаимного расположения, вызываемого различными обстоятельствами (естественными и искусственно создаваемыми), обычно является началом действия коммуникативности. Уровни контакта, как и его глубина и продолжительность, могут быть самыми различными и зависят как от личности, с которой такой контакт устанавливается, так и от целей его установления. Так, формы установления контакта с обвиняемым, свидетелем, подозреваемым, потерпевшим существенно отличаются друг от друга. Коммуникативность — черта, необходимая для организации производства отдельных следственных действий. Если при производстве допроса коммуникативность находит свое выражение в установлении психологического контакта, то при осмотре места происшествия или обыске коммуникативность находит свое выражение в умении организовать эти действия так, чтобы их результаты были наиболее эффективны. Здесь коммуникативность следователя направлена на организацию деятельности следственных групп, оперативно-розыскных мероприятий, определение целей и задач следственного действия, охват идей расследования всех работников.

Отличительной чертой коммуникативности следователя является то, что она требует перевоплощения. Необходи-

димось этого объясняется ваяшностьЪ установления психологического контакта со всеми лицами, участвующими в судопроизводстве.

Чтобы расположить к себе свидетеля или обвиняемого, потерпевшего или подозреваемого, следователю важно знать черты его личности (такое знание не всегда является результатом предварительного изучения данных о личности, его можно получить в общих чертах уже в процессе следственного действия). Изучение данных о личности предоставляет в распоряжение следователя определенный материал для выработки поведения в процессе следственного действия, а также и для возможного перевоплощения. Конечно, неизбежны случаи, когда следователь ошибается в избрании приемов психологического контакта, тогда он или исправляет свои ошибки, или вовсе отказывается от прежней линии поведения.

Перевоплощение в известной мере зависит от того эмоционального фона, на котором происходит следственное действие. Слезы, отчаяние, раскаяние, как выражение эмоционального состояния, или, напротив — наглость, уверенность в своей правоте являются тем фоном, на котором следователь обычно начинает избрание роли, необходимой для установления контакта.

Установление контакта здесь преследует двоякую цель. С одной стороны — получение информации и создание для этого необходимой обстановки, с другой — возможность и необходимость выполнения воспитательных функций в отношении лиц, контакт с которыми устанавливается. Поэтому деятельность следователя по установлению контакта в психологическом отношении чрезвычайно сложна, так как предполагает одновременное решение многих задач: диагностику психологического статуса, избрание собственной роли и поведения, осуществление воспитательного воздействия, выполнение процессуальных обязанностей, оценку результатов своих действий. Наряду с такой особенностью коммуникативности следователя, как ее многосторонность, она обладает и другой особенностью — исключительностью. Исключительный характер коммуникативности следователя, на наш взгляд, заключается в том, что ее целью является, главным образом, получение информации от лиц и организация их деятельности в соответствии с получаемой информацией, то есть осуществление эффективного познания. Таким образом,

коммуникативность, как психологическая характеристика, способствует претворению познавательной функции психологии в процессе расследования.

Одной из психологических характеристик работы следователя является также наличие отрицательных эмоций. Последние обусловлены тем, что работа следователя преимущественно связана с расследованием и предупреждением преступлений, которые, как правило, вызывают резко отрицательную оценку общества и порождают отрицательные эмоции. Тем более, преступные проявления порождают такие эмоции у следователя, работа которого связана с тщательным расследованием каждого факта преступления. Поэтому его деятельность, протекающая на фоне отрицательного эмоционального воздействия, с психологической стороны представляется чрезвычайно сложной. Отрицательные эмоции создают большую психологическую напряженность в работе следователя. Какими же факторами такая напряженность может нивелироваться, и что способствует длительности этой работы, связанной с постоянными отрицательными эмоциями? Существует, по наш взгляд, два фактора, устраняющих или притупляющих отрицательную эмоциональную напряженность. К ним можно отнести прежде всего чувство большой общественной полезности своей работы, а также моральное удовлетворение, рожденное каждым случаем раскрытия преступления, как итога интеллектуальной и организационной победы. Каждый случай положительного разрешения конкретного проявления в расследовании или предупреждении преступлений вызывает положительные эмоции, позволяющие оценивать свою деятельность как сложную, но чрезвычайно важную. Этими факторами и определяется широкая возможность нивелирования отрицательных эмоций. Не последнее место в формировании чувства удовлетворения от результатов своего труда занимает деятельность следователя, связанная с воспитательным воздействием на человека, совершившего преступление. Именно следователь нередко является тем первым человеком, перед которым раскаиваются в совершенном преступлении и который объясняет антиобщественный характер содеянного, вызывая к гражданским чувствам преступника. Начало процесса перевоспитания преступника, проявления в нем положительных моральных качеств приносит удовлетворение следователю. Следствен-

ная практика изобилует примерами того, как именно к следователям обращались со словами признательности лица, отбывающие наказание. Кроме того, огромное удовлетворение приносит следователю установление истины в случае невинности обвиняемого, что было доказано в процессе расследования.

§ 2. Использование данных психологии в научной организации работы следователя

Микроколлективы, их социологическая характеристика и роль в организации следственной деятельности. Определяя общее значение психологии в организации деятельности следователя, необходимо рассмотреть конкретные аспекты использования данных психологии применительно как к личностной характеристике следователя, так и к его деятельности в коллективе, выполняющем следственные функции. Если личностные характеристики следователя рассматриваются в плане специфических психологических черт деятельности, таких как правовая регламентация, дефицит времени, решение сложных мыслительных задач, необходимая коммуникативность и т. д., то организационные черты этой деятельности требуют исследования иных вопросов. К ним в первую очередь относятся вопросы, связанные с рассмотрением микроколлективов, осуществляющих следственные функции, их психологической структуры, роли в организации следственной работы.

Индивидуальность труда следователя, традиционно подчеркиваемая и определяемая как самостоятельность в принятии решений и организации их исполнения, является таковой только в своем итоге. Что же касается следственной работы, то она осуществляется преимущественно в тесном контакте с коллективом следователей, оперативных работников, дознавателей. Поэтому выполнение следственных функций связано с планированием и организацией работы подвижного коллектива, выполняющего действия по расследованию преступления. Именно в этой сфере следственной деятельности проявляется коллективизм, складываются микроколлективы [см. 36, с. 75], организация которых является одной из основ успешного расследования преступлений. В зависимости от характера выполняемой работы микроколлективы, осуществляющие

следственные функции, бывают разные. Одной из форм микроколлективов можно назвать бригаду следователей, принимающих участие в расследовании сложного преступления. В таком микроколлективе существует руководитель, осуществляющий организацию его деятельности. Выполнение организационных функций в данном случае не представляет большой сложности, так как уровень профессиональной подготовки и уровень деятельности следователей (ее сложность и однотипность) почти равноценны. Поэтому главные организационные усилия руководителя направлены на распределение функций и координацию действий. Время существования этого коллектива ограничено сроками проведения расследования. Его основной психологической характеристикой является подчинение всей работы единой цели — расследованию преступления. Психологическая настроенность такого коллектива обусловлена его организационными задачами и методами их выполнения. Так, инициативность и быстрота в расследовании, координация совместных усилий, оптимальный ритм в выполнении отдельных следственных задач создают психологический подъем, способствующий наиболее эффективной деятельности.

Психологическим моментом в организации работы микроколлектива является распределение руководителем участков работы для каждого следователя. Здесь психологическое начало избрания, наиболее отвечающего стремлениям, уровню квалификации и следственному опыту участка работы, превалирует над организацией работы и в известной степени ее определяет. Например, при расследовании дел о хищениях государственного и общественного имущества в крупных размерах руководитель бригады следователей распределяет обязанности в соответствии с опытом деятельности и профессиональной избирательностью. Так, один из следователей осуществляет работу с документами, включающую их следственные осмотры, выемку, назначение экспертных исследований; другой — работу, связанную с проведением ревизий, третий — устанавливает стадию производственного процесса, используемую для хищения продукции, четвертый — определяет связи, существующие между производством и торгующими организациями, в системе которых производится сбыт похищенного. Распределение обязанностей предполагает также и учет желаний следователей выпол-

нять ту или иную функцию. Немалое значение при этом имеет следственная специализация, позволяющая следователю быстро решать задачи в наиболее близкой отрасли, используя наиболее известную ему методику расследования отдельного вида преступления.

Таким образом, психологические моменты, связанные с распределением рабочих функций среди следователей, существенно определяют организацию деятельности этого коллектива.

Другой, наиболее распространенной формой микроколлектива является коллектив, формируемый следователем в целях быстрого и эффективного расследования преступления. В состав этого коллектива входят лица, выполняющие отдельные следственные поручения или работающие в координации со следователем, осуществляя свои функции. Это работники уголовного розыска, ОБХСС, представители общественности, которые привлекаются для участия в расследовании. В таком коллективе, как правило, нет официального руководителя. Каждый из его членов выполняет свойственные его работе действия, координацию которых осуществляет следователь. Несмотря на то, что работники оперативно-розыскных органов привлекаются к расследованию в связи с выполнением строго определяемых ведомственными инструкциями функций и утрачивают связь со следователем после выполнения задания, они составляют в момент расследования единый микроколлектив, который объединяет единство целей и вытекающих из них задач по расследованию преступления. Подвижность и временный характер такого микроколлектива не лишают его всех черт, присущих коллективу. Следователь, координируя деятельность отдельных лиц в процессе расследования, должен рассматривать их как членов коллектива, осуществляющего расследование. Поскольку он сосредотачивает в своих руках все нити расследования, планирует и координирует весь ход расследования, постольку он выполняет роль руководителя, которому в микроколлективе принадлежит огромная организационно-воспитательная роль. Разумно подчиняя своей идее и плану деятельность всех членов группы, руководитель, несомненно, осуществляет воспитательные функции общего и профессионального характера в отношении коллектива. Если общий характер воспитания заключается в принятии общих правил осуществления деятельности, связанной с рас-

следованием, то профессиональный состоит в овладении приемами и средствами выполнения отдельных следственных и оперативно-розыскных действий, а также их организации со стороны каждого члена микроколлектива.

Широкое проявление здесь может находить конформизм, как подчинение одной идее, подчинение стилю организации в осуществлении следственных задач. Следует подчеркнуть, что именно деятельность в микроколлективе следователей создает наиболее благоприятные условия для так называемого активного конформизма, предполагающего критику этой деятельности и выдвижение собственных идей, в отличие от пассивного, означающего неосознанное подчинение личности влиянию группы, в которую она включена, приспособляемость личности [см. 56, с. 47]. Для активного конформизма создает условия такая деятельность коллектива, в которой каждый получает необходимую доказательственную информацию, причем нередко такую, которая опровергает принятую версию или показывает ошибочность направления расследования.

Таким образом, конформность отдельных лиц¹, которая может иметь место в микроколлективе, выполняющем задачи расследования, будучи отрицательным явлением, не всегда может так проявляться в условиях деятельности следственного коллектива.

При формировании микроколлектива важно учитывать такой фактор, как психологическая совместимость. Последняя предполагает такой уровень психологической настроенности, характеров и темпераментов, которые позволяют наиболее эффективно осуществлять совместную деятельность.

Обычно принято считать, что психологическая совместимость играет чрезвычайно важную роль в тех случаях, когда отдельные микроколлективы изолированы от привычной среды и общения с другими людьми (например, пребывание определенной группы за границей, на корабле, находящемся в длительном плавании, в космосе и т. д.). Однако, признавая это положение правильным, нельзя отрицать значение психологической совместимости и в коллективах, выполняющих следственные функции независимо от степени стабильности их существования.

¹ Конформность и нонконформность (как протест личности против подчинения) рассматриваются не как противоположные, а как родственные свойства личности [см. 44, с. 219].

Значительное место в психологии организации микроколлектива принадлежит фигуре следователя и избираемой им роли организатора. С точки зрения социологии личности «роль», избираемая в жизни и деятельности каждым субъектом¹, обусловлена рядом факторов, среди которых важное место занимают такие, как общественная среда, характер выполняемой деятельности, характер и темперамент лица, его самоопределение в коллективе [см. 63, с. 173].

Фигура следователя в его социологическом значении представляет собой комплекс черт, присущих, с одной стороны, исследователю, мыслителю, с другой стороны — организатору. Такой комплекс определяется спецификой и характером деятельности. Поэтом избираемая им «роль» организатора свойственна выполняемой им работе и в этом отношении должна быть преобладающей перед всеми иными «ролями», которые он избирает в обращении с людьми.

Формирование этой роли в процессе следственной деятельности приходит не сразу. Следственная практика знает случаи, когда следователь в организационном отношении остается беспомощным, несмотря на высокий уровень решения мыслительных задач, связанных с расследованием преступления. Это объясняется прежде всего психологической неспособностью лица осуществлять «роль» организатора и неподготовленностью к выполнению такой в процессе профессиональной подготовки. Поэтому в учебных курсах юридических институтов и юридических факультетов следовало бы предусмотреть в разделах наук «Советская криминалистика» и «Судебная психология» специальные лекции об организаторской деятельности следователя в связи с расследованием преступлений.

Виды и специфика мыслительных задач в расследовании преступлений. В основе организации любого вида человеческой деятельности лежит решение мыслительных задач, определяющих общие и частные направления заданной организации [см. 53, с. 211]. Труд следователя

¹ Как отмечает И. С. Кон, «Ни в обыденной речи, ни в системе научных понятий мы не можем описать поведение и взаимоотношения индивида с другими людьми и общественными учреждениями иначе, чем в терминах выполняемых им социальных ролей» [34, с. 14].

в основе своей организации также имеет решение мыслительных задач. Их многообразие и специфика определяются характером деятельности следователя, общими и частными задачами, связанными с расследованием преступлений. Широкий диапазон решаемых задач, различный их уровень, сложность и направленность нередко дают основание говорить о специфическом следственном мышлении [14; 15; 50], а также позволяют выделить в их классификации условные группы, связанные именно с организацией деятельности.

В плане сказанного мыслительные задачи, разрешаемые следователем, можно отнести к двум типам. К первому — так называемые идеальные мыслительные задачи, ко второму — реальные мыслительные задачи. Идеальные мыслительные задачи — это прежде всего следственные версии, общие и частные. Как правило, они связаны с такими мыслительными построениями, которые направлены на поиск объяснений происшедшего преступного события и не несут в себе действующего организационного элемента. Характерной чертой таких мыслительных (версионных) задач является то, что они направлены в прошлое, возникают после события и решаются, исходя из обстоятельств этого события. Однако, несмотря на свою специфику, они тесно связаны с другими типами задач, имеющих организационный и, в этом смысле реальный характер. Эти типы мыслительных задач взаимообусловлены своим существованием. Так, идеальные мыслительные задачи плана общей версии являются основанием для возникновения реальных мыслительных задач, связанных с проверкой выдвинутой версии путем организации следственных и оперативно-розыскных действий. Идеальная мыслительная задача, являющаяся по своему характеру частной версией, является также основанием для организации нескольких или одного действия, обеспечивающего получение информации, связанной с проверкой названной частной версии.

Следует отметить и то, что организационные (реальные) мыслительные задачи в результате своего решения подтверждают или опровергают идеальную мыслительную задачу, а также являются основанием для рождения новой частной версии исходя из полученной информации.

Поэтому первый и второй типы задач выполняют познавательную роль как изолированно, так и во взаимосвязи.

Если мыслительные задачи, связанные с построением следственных версий, в литературе исследуются детально, то задачи, связанные с организацией деятельности следователя, рассматриваются в настоящее время только фрагментарно, в связи с общими проблемами научной организации труда следователя.

Рассмотрение реальных мыслительных задач позволяет их классифицировать на несколько групп, основанием для выделения которых являются организационные стороны работы следователя, составляющие основу следственной деятельности. По нашему мнению, эти группы включают:

1. Задачи по определению источников информации.
2. Задачи по организации следственных и оперативно-розыскных действий.
3. Задачи по координации деятельности.
4. Задачи по экономии процессуальных средств и определению сроков деятельности.
5. Задачи по организации профилактических мероприятий.

Как видно из приведенной классификации, названные задачи взаимосвязаны и только некоторые из них несут индивидуальную нагрузку. К ним, главным образом, относятся задачи первой и пятой групп, да и то условно, так как выполнение некоторых из них, базируется на выполнении задач других групп.

Рассмотрим каждую группу организационных задач отдельно. К первой группе относятся задачи по определению источников информации. Речь идет о таких источниках, которые могли бы дать доказательственную информацию, способствующую расследованию преступления. К ним относятся место происшествия, свидетели, обвиняемые, вещественные доказательства, документы и все то, что может пролить свет на совершенное преступление. Понятие информации охватывает и данные оперативно-розыскной деятельности. Задачи по определению источников информации вытекают из тех версий расследования, которые конструирует следователь, имея в своем распоряжении некоторый первоначальный информационный материал. Так, осматривая место происшествия, где был обнаружен труп новорожденного, обернутый в газету, следователь прежде всего анализирует исходную информацию для того, чтобы построить следственные версии. Устанавливая с помощью судебно-медицинского эксперта время

смерти ребенка, причину смерти, возраст и т. д., следователь получает данные для выдвижения версии относительно лица, совершившего преступление, времени его совершения, средств совершения, мотивов и др. Обнаружив в процессе осмотра газеты надписи на последней, содержащие сведения о номере дома и квартиры подписчика, следователь расширяет границы информации, обосновывая выдвинутую версию новыми данными. Даже весьма ограниченный объем полученной информации позволяет следователю наряду с выдвижением следственной версии решать организационные задачи по определению источников информации. Связь этих задач со следственной версией осуществляется по следующим каналам. Выдвигая предположение (версию), следователь выводит из нее следствия, которые по своей логической природе и являются в широком смысле слова возможными источниками информации. Рассмотрим это положение на приведенном ранее примере. Выдвигая версию о том, что женщина, желая избавиться от ребенка, убила его и оставила труп на скамейке сада, следователь, исходя из имеющихся данных, выводит следствия, которые должны существовать при правильности выдвинутой версии. Так, если предположение верно, то на место проживания преступницы указывает адрес подписчика на газете, в которую был обернут труп. Если ребенок принадлежит этой женщине, то больница должна была зарегистрировать факт рождения ребенка, а медицинское освидетельствование — констатировать факт родов; среди соседей и близких должны быть люди, которые наблюдали как факт беременности, так и момент выноса ребенка; могли быть также люди, которые видели факт пребывания этой гражданки в месте расположения скамьи, на которой впоследствии был обнаружен труп ребенка. Таким образом, место проживания преступницы, ее личность, родовспомогательное учреждение, близкие и соседи, лица, которые могли оказаться в период пребывания преступниц--,! на месте происшествия или рядом с ним, являются возможными источниками информации, для обнаружения которых и решаются мыслительные организационные задачи.

Получение информации, как результат решения организационной задачи, не всегда связано с выдвижением следственной версии и всеми периодами (стадиями) ее развития. Нередко для формирования следственной вер-

сии нужна определенная информация, которой не располагает следователь. В практике расследования такие случаи имеют место тогда, когда речь идет о расследовании так называемых загадочных преступлений, связанных с исчезновением человека, с отсутствием каких-либо следов на месте происшествия, с такой маскировкой события, при которой утрачиваются естественные связи события и его последствий. По какой мыслительной схеме происходит обнаружение источника информации в таких случаях? Речь идет о необходимости получения исходной доказательственной информации, которая в подобных случаях бывает достаточно обширной по объему возможного изучения материала и весьма неопределенной. Естественным логическим путем ее получения в данном случае является составление программ ее возможного получения по двум наиболее значительным каналам. Так, первый из них относится к самому событию и обстоятельствам с ним связанным. Второй — обобщает информацию, связанную с личностью, ставшей жертвой преступления. Кропотливый анализ разнообразной информации, в том числе и безотносительной к преступлению, как правило, дает некоторые первоначальные данные, позволяющие определять источники доказательственной информации или возможные направления их поисков. Так, в следственной практике мы нередко имеем возможность получить исходную информацию, являющуюся основанием для построения следственной версии. Необходимо учитывать то, что собирание такой информации предшествует версии, следовательно, план и объем собирания ее в значительной мере неопределенен. При этом нельзя, конечно, игнорировать использование в мыслительной деятельности следователя пли оперативно-розыского работника традиционных следственных предствлений о типичных случаях совершения преступления, о направленности в поисках тех или иных следов, свидетельствующей о профессиональной тренировке мышления и его избирательности в определении информации, представляющей «следственный интерес». Эти факторы имеют большое значение как в обнаружении, так и в систематизации информации.

Рассмотрим в качестве иллюстрации к приведенному пример из следственной практики.

В органы милиции поступило заявление от гражданки С. об исчезновении ее престарелого отца, проживающего

ранее совместно со своей второй женой в собственном доме на окраине г. Харькова. Обстоятельства его исчезновения связаны по объяснению его дочери и жены с поездкой его к дочери, проживающей в одном из городов Сибири.

Следователь, рассматривая заявление, прежде всего должен был сосредоточить свои усилия на сборе информации, относящейся к личности исчезнувшего и к самому факту его исчезновения. До собирания информации следователь не имел в своем распоряжении данных, достаточных для выдвижения следственных версий.

Собирание названной информации, как уже указывалось, проходило по двум каналам. С одной стороны, проверялись сведения, связанные с исчезновением человека, с другой стороны, выяснялись все данные о личности, отношениях в семье, возможных намерениях исчезнувшего. Проверка всех сведений по первому каналу никаких результатов не дала. Проверка данных, связанных с личностью исчезнувшего, сразу же позволила использовать их в качестве оснований для выдвижения следственных версий. Таким основанием явилось обнаружение в процессе осмотра дома, в котором проживал исчезнувший, многочисленных пятен крови. Характер места, в котором они были обнаружены (спальня исчезнувшего), расположение пятен (они, главным образом, располагались на стене у кровати и часть их была прикрыта прикроватным ковром), совпадение группы крови с группой крови исчезнувшего, несостоятельные объяснения о возможном их происхождении со стороны жены исчезнувшего дали основания для выдвижения версии об убийстве. Разработка выдвинутой версии, проведенная путем производства целого ряда следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, сразу же дала положительные результаты, позволившие в короткий срок расследовать преступление.

Таким образом, до выдвижения следственной версии органам милиции и прокуратуры нужно было решить целый ряд организационных задач, направленных на получение информации об источниках доказательств. В данном случае обнаружению такого источника информации немало способствовали профессиональные навыки следователя и его знания методики расследования отдельных

видов преступлений и, в частности, убийств, позволившие ему избирательно ориентироваться в сложной ситуации.

Следует особо отметить то обстоятельство, что обнаружение источников доказательственной информации в период, предшествующий такому обнаружению, требует решения мыслительных задач. Сам же факт обнаружения как в мыслительном, так и в организационном планах также имеет необходимое продолжение, которое состоит в следующем. Обнаружение источника информации связано с решением задач, относительно наиболее эффективного получения последней, а следовательно, с определением характера следственных и оперативно-розыскных действий, а также с анализом полученной информации, который дает необходимый материал для установления новых возможных или действительных источников информации. Поэтому задачи, связанные с их обнаружением, являются в известном смысле перманентными (непрерывными), так как позволяют организовывать поиск новых источников при получении положительных или отрицательных результатов от обнаруженного источника. Так это имело место и в приведенном случае из следственной практики.

Задачи по организации следственных и оперативно-розыскных действий. Обнаружение или предположение о существовании того или иного источника информации влечет за собой организацию отдельных или системы следственных и оперативно-розыскных действий. Исходным принципом, по которому определяется их избрание, является эффективность применения (производства) этих действий для получения необходимой доказательственной информации. Кроме того, такая избирательность определяется и характером источника информации, и возможностями именно таким путем получить доказательства или иную по своему процессуальному режиму информацию, и тактической целесообразностью организации мер по ее получению в данный период.

Задачи по организации следственных и оперативно-розыскных действий разбиваются на несколько групп, в зависимости от целей их выполнения. Такими группами, в наиболее общем виде, являются следующие:

1) задачи, связанные с избранием следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия, производ-

ством которого можно получить доказательственную информацию;

2) задачи, связанные с системой следственных действий и оперативно-розыскных мер, направленных на получение доказательственной информации;

3) задачи, связанные со структурой организации самого следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия как в плане их подготовки (планирования), так и осуществления.

Названные задачи, несмотря на их внешнюю простоту, представляют известную сложность, особенно в отношении их реального претворения, которое не всегда совпадает с мысленным решением и может существенно изменяться в зависимости от ситуации и иных факторов.

Рассмотрим названные группы задач более детально.

Первая группа представляет задачи, связанные с избранием следственного или оперативно-розыскного действия. В этом случае следователь исходит прежде всего из традиционно существующих способов получения доказательственной информации посредством следственных действий, соответственно определяемых законом. К ним уголовно-процессуальный закон относит следственный осмотр, допрос, обыск, предъявление для опознания и др. Однако известно, что следователь, предполагая наличие того или иного источника информации, может избирать действия, которые, по его мнению, будут в конкретном случае наиболее эффективными. Нередко для получения информации из одного и того же источника он может избрать обыск, следственный осмотр, выемку или ограничиться организацией оперативно-розыскных мер. Такая избирательность, как уже отмечалось ранее, определяется эффективностью действия в конкретной следственной ситуации и на конкретном этапе расследования¹. Следственной практике известны случаи ошибок, связанных с преждевременно проведенными обысками, следственными осмотрами, допросами в той стадии расследования, где

¹ Рассматривая в качестве одного из основных принципов методики расследования оптимальную последовательность намечаемых и проводимых следственных действий, Н. А. Селиванов отмечает, что такая последовательность обусловлена характером действий, природой источников информации, на изучение которых эти действия направлены, и особенностями данных, получаемых с их помощью [см. 52, с. 62].

более предпочтительным было бы принятие оперативно-розыскных мер.

Определяя время производства обыска, следователь решает этот вопрос в зависимости от множества факторов, в число которых входят и такие, как характеристика преступного события (убийство, хищение государственного имущества, разбойное нападение и др.); личность обыскиваемого; этап расследования; следственная ситуация в данный момент; степень наличия доказательств и их характер. Нередко обстоятельства складываются таким образом, что производство обыска откладывается до наиболее благоприятного момента. В этом случае следователь намеренно дает «успокоиться» обыскиваемому с тем, чтобы начать обыск неожиданно. Таким образом, избрание того или иного следственного действия, продиктовано множеством обстоятельств, которые определяют не только возможность использования какого-либо следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия для получения информации, но и целесообразность их применения. В этом как раз и состоит организационная сущность решения задач первой группы.

Ко второй группе относятся задачи, связанные с системой следственных действий и оперативно-розыскных мер, направленных на получение доказательственной информации. Как видно из самого наименования задач, они предполагают не единичные следственные действия и оперативно-розыскные меры, а их систему. Такая система имеет место, как правило, в тех случаях, когда для получения доказательственной информации необходимы совместные усилия отдельных органов и когда это получение может быть осложнено инсценировкой события преступления, необходимостью преследования преступника по горячим следам, сложностью его и розыском задержания, установлением преступной группы и т. п. В названных случаях проведение отдельного следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия может не дать должного эффекта, и поэтому наиболее гарантированной для обеспечения успеха является организация системы мероприятий. Последняя требует планирования деятельности и координации ее во всех направлениях.

Так, в случае обнаружения трупа на берегу реки, имеющего, по мнению эксперта, признаки насильственной смерти, получения доказательственной информации мож-

но достичь при применении системы следственных действий и оперативно-розыскных мер, которая включает в себя в качестве необходимых такие действия, как осмотр места происшествия, назначение и производство судебно-медицинской экспертизы, предъявление трупа для опознания. К числу оперативно-розыскных мер следует отнести такие, как собирание сведений об исчезнувших лицах, запросы о проверке личности потерпевшего по системе дактилоскопической регистрации и регистрации без вести пропавших, собирание данных об отношениях потерпевшего с окружающими и иных данных, позволяющих установить возможные мотивы преступления и виновных лиц. Проведение названных мероприятий во взаимно координированной системе позволяет быстро получить доказательственную информацию, а значит, и быстро расследовать преступление.

Третья группа — это задачи, связанные со структурой организации самого следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия в плане подготовки и осуществления. Названная группа задач отличается большой конкретностью и требует четкости формулирования. Общеизвестным является то, что успех проведения того или иного следственного действия определяется тщательностью его подготовки. Сущность решения мыслительных задач в стадии подготовки следственного действия заключается в том, что оно основано на анализе исходного материала и направлено на составление программы проведения (организации) следственного действия. В процессе подготовки также решаются вопросы выбора наиболее целесообразной тактики, задачи, связанные с применением техники в ходе осуществления следственного действия, и т. д.

Следует отметить, что составляемая программа организации следственного действия (мысленная или запечатленная письменно в плане проведения действия) не является жесткой и не ограничивает следователя в избрании новых приемов ее осуществления или возможного изменения, продиктованного ситуацией. Такое изменение может иметь место и в том случае, если составленная программа, как выясняется в ходе проведения действия, не является достаточно эффективной.

В свете изложенного ранее обратимся к рассмотрению структуры организации такого следственного действия.

как допрос. В ходе подготовки следователь определяет всю схему предстоящего допроса, планируя использование в нем имеющихся в его распоряжении доказательств, последовательность их использования, возможный эффект от того, в какой период допроса и в какой форме они будут использованы. Исходя из закономерностей рефлексивного мышления (управления), следователь мысленно представляет себе весь ход предстоящего допроса как в случае положительного осуществления намеченной программы, так и в том случае, если программа должна будет измениться, в зависимости от ситуации, воздействия предъявленных доказательств, представления допрашиваемым новых доводов и данных, которые следователь не предвидел в составляемой им схеме. Планируя организацию допроса, следователь по возможности должен избежать срыва намеченной им схемы, так как при ее составлении он учитывает развитие допроса. Последнее определяется предусмотренным положительным его ходом (ответы на перечень предлагаемых вопросов положительные, реакция на предъявляемые доказательства также положительная) или отрицательным (оставленные вопросы вызывают отрицательный ответ или остаются вовсе без ответа, предъявляемые доказательства не производят предполагаемого эффекта). В этом случае следователь должен быть готовым к возможному изменению построенной схемы, используя именно отрицательный ее вариант, предусмотренный при подготовке. Если же программа предстоящего допроса предусматривает только однозначное (положительное) решение, то она будет неполной и не даст эффекта при своем осуществлении.

Одной из групп организационных задач, решение которых позволяет достаточно эффективно производить расследование преступлений, является группа задач, связанных с координацией деятельности. Под координацией деятельности понимается регулируемая система действий, направленная на достижение цели. Координация в следственной деятельности связана прежде всего с концентрацией отдельных действий и их взаимообусловленностью, со строго планируемой работой, выполнение которой подчинено единой цели. Отличительной чертой координируемой деятельности является то, что она объединяет усилия нескольких лиц или нескольких ведомств. Так, например, может координироваться деятельность несколь-

них следователей, решающих задачи, связанные с расследованием одного преступления. В других случаях может идти речь о координации следственной и оперативно-розыскной деятельности или отдельных оперативно-розыскных действий, направленных на получение разнобразной информации, однако подчиненных решению одной следственной задачи. Координация деятельности может иметь и более широкий диапазон, рассчитанный на изучение условий, способствующих совершению преступлений в масштабе района или следственного участка в целях организации профилактической работы. В этом случае имеет место координация деятельности отдельных ведомств или ее представителей.

Другой особенностью координации является характер ее осуществления. Усилия по координации деятельности может сосредотачивать в своих руках одно лицо (следователь, прокурор, начальник отдела УВД). А координация, как система совместных встречных усилий может исходить от нескольких лиц. Избираемый уровень координации зависит как от типа решаемой задачи, так и от конкретных обстоятельств, сопровождающих ее решение. Следует сказать, что тип координационных усилий, предполагающий руководство одним лицом, является более эффективным, так как позволяет руководящему проследить все координационные нити и своевременно регулировать деятельность по координации. Однако это вовсе не исключает эффективность другого типа координации, предполагающего инициативу, исходящую от нескольких лиц, участвующих в решении следственной задачи.

Координация деятельности, связанной с расследованием преступления, правильно и четко организованная, во всех случаях дает положительный эффект в работе. Это утверждение, несмотря на свою тривиальность, требует повторения, так как имеющие место попытки осуществить координацию на деле в ряде случаев отличаются робостью, бессистемностью, эпизодичностью, а также неумением ее использовать в конкретной деятельности. Если в этом отношении рассмотреть деятельность двух или более следователей, расследующих преступление в составе единой бригады, то можно заметить, что вопросы, в большинстве случаев предопределяющие успех организации расследования, решаются чрезвычайно просто, порой примитивно, на уровне беспланового взаимного обмена

имеющейся информацией. Между тем, в работе бригады следователей, состоящей хотя бы из двух человек, задачи связанные с координацией деятельности, не должны решаться эпизодически.

Координация деятельности на различном уровне предполагает ее обязательное планирование. План координации взаимосвязан с планом расследования и вытекает из него. Исходной основой для координации деятельности по расследованию преступлений обычно является определение перечня обстоятельств, подлежащих выяснению в связи с исследованием выдвинутой версии. Таким образом, следователь обдумывает действия и оперативно-розыскные мероприятия, которые в состоянии обеспечить получение нужной информации. Уже здесь имеет место продумывание организации такой системы действий (как различных следователей, так и ведомств), координация в осуществлении которой обеспечила бы наибольшую эффективность. В ряде случаев следователь может ограничиться производством отдельных действий и избранием их последовательности. Составляя план расследования и, как его частное выражение, план деятельности по установлению того или иного обстоятельства, он определяет, кто будет выполнять следственные действия и оперативно-розыскные меры, какие связи будут установлены для обмена информацией, у кого будет сосредотачиваться получаемая информация, как будет осуществляться планирование дальнейшей координации действий и т. д.

Так, при расследовании убийства К., следователь, составляя план расследования по версии, что К. убит из чувства мести, должен был выяснить обстоятельства, связанные со взаимоотношениями К. и его сослуживца Р., который подозревался в совершении убийства. Выяснение требовало чрезвычайной осторожности, так как подозреваемый мог в любую минуту скрыться, а данных для его ареста было недостаточно. Следователь, составляя план, предусмотрел в нем координацию действий и оперативно-розыскных мер, направленных на выяснение ряда выше-названных обстоятельств. Следователь предусмотрел разделение функций, то, кому будет поступать получаемая информация, что нужно будет делать с подозреваемым в зависимости от значимости информации. В результате проведения ряда оперативно-розыскных мер, следователь имел возможность, опираясь на полученные данные, про-

известить допросы лиц, близких к подозреваемому, и избрать в отношении последнего меру пресечения. В данном случае именно координация действий следователя и оперативных работников позволила в короткие сроки раскрыть совершенное преступление. Инициатива в составлении планов по координации деятельности принадлежит, как правило, следователю¹. Он, по существу, и руководит выполнением этих планов. Вместе с тем, давая поручения отделам БХСС, уголовного розыска, дознания и распределяя следственные и оперативные функции, следователь должен ориентировать сотрудников УВД на проявление личной инициативы в обнаружении доказательств или в проведении действий, которые вытекают из выполняемого поручения. Именно проявление такой инициативы позволяет устанавливать новые эпизоды преступления, обнаруживать ранее неизвестные доказательства. Так, при расследовании краж, совершенных тремя задержанными лицами — Тимошенко, Конотопом и Клименко, следователь, в целях выяснения числа краж и их обстоятельств (подозреваемые отрицали свою вину), предусмотрел в плане координации поручения оперативным работникам, связанные с установлением обстоятельств кражи. В ходе выполнения своего поручения один из сотрудников, опрашивая потерпевших в районе действия преступников, установил нескольких лиц, ранее не заявлявших о совершенных у них кражах. Один из них указал на лицо, которое, по его словам, занималось скупкой краденного. При обыске у названного лица были обнаружены, наряду с другими, ценности, принадлежащие заявителям. Инициатива, проявленная при выполнении поручения, способствовала быстрому раскрытию преступления.

Координация в деятельности следственных и оперативно-розыскных органов направлена на решение единых задач, связанных с расследованием преступлений, что предполагает взаимную инициативу и стремление работников обоих ведомств или подразделений одного ведомства к такой организации деятельности, которая бы приносила эффективные практические результаты, следовательно, предполагает и желание своей деятельностью помочь в осуществлении поставленной задачи. Именно чувство взаи-

¹ Имеется в виду как следователь прокуратуры, так и следователь органов УВД.

мопомощи в большой степени определяет всякую работу по координации, причем не только ее плановую сторону, но главным образом организационную. Поэтому недопустимым является такое положение, когда выполнение отдельных поручений, как это иногда имеет место в следственной практике, проводится формально, без должной инициативы, когда в ходе их выполнения следователи или оперативно-розыскные работники не информируют органы или лиц, с которыми они координируют свою деятельность, о результатах своей работы. Это не позволяет своевременно пересматривать и корректировать планы координации деятельности и планы расследования по делу и, кроме того, сводит на нет саму сущность координации.

Идея координации в деятельности следственных и оперативно-розыскных органов проводится в уголовно-процессуальном законодательстве, предусматривающем право органов следствия давать поручения органами дознания и оперативно-розыскным органам по проведению отдельных действий [см. 46, с. 231].

Указание закона при его расширенном толковании означает не только возможность, но и необходимость координации деятельности по расследованию преступлений, необходимость объединения сил для выполнения следственных задач.

В криминалистической литературе отмечается три формы взаимодействия следователя и органов дознания при производстве предварительного следствия. Так, Н. И. Порубов в их числе называет: а) поручение следователем органам дознания производства оперативно-розыскных действий, б) поручение следователем органам дознания выполнения отдельных следственных действий, в) содействие органов дознания работе следователя при производстве отдельных следственных действий [см. 46, с. 231]. Названные формы взаимодействия оправдывают себя только в том случае, если продумана их организация, если существуют планы координации деятельности органов. Координация должна предусматривать необходимую динамичность, подвижность осуществляемых планов, возможность их изменения, в зависимости от разнообразных обстоятельств, вытекающих из хода расследования.

Чрезвычайно важным вопросом в координации деятельности лиц или отдельных органов, осуществляющих

расследование, является взаимный обмен информацией. Для того, чтобы координация была действенной этот обмен должен быть подчинен определенным требованиям. Первым из них является то, что информация должна быть взаимно исчерпывающей (в необходимых для организации расследования пределах). Вторым является требование о немедленной передаче полученной информации, в целях корректирования планов расследования.

Задачи по экономии процессуальных средств и определению сроков деятельности. Одним из важных вопросов в организации следственной деятельности является экономия процессуальных средств, используемых в ходе расследования и предупреждения преступлений. Уголовно-процессуальный закон предоставляет в распоряжение следователя арсенал процессуальных средств обнаружения, фиксации и исследования доказательств, процессуальных мер принуждения и средств организации следственной работы. Знание следователем теории криминалистики вооружает его и позволяет при организации расследования разумно избирать необходимые процессуальные средства или их комплекс, в зависимости от конкретных условий и обстоятельств, влияющих на ход расследования. Термин «экономия» в отношении процессуальных средств означает не ограничение последних, а разумную избирательность в их использовании, дающую возможность наиболее эффективно организовать работу следователя. Экономии процессуальных средств способствует выполнение нескольких условий. К ним можно отнести планирование расследования, избрание необходимого следственного действия (или процессуального средства), подготовку к проведению следственного действия.

Рассмотрим каждое из названных условий. Так, экономия процессуальных средств тесно связана с планированием расследования. Сам факт планирования работы следователя уже означает наметку и избрание необходимых процессуальных средств. Когда следователь, определяя круг обстоятельств, подлежащих выяснению при расследовании автотранспортного происшествия, намечает производство отдельных следственных действий, он решает вопросы, связанные с экономией процессуальных средств. Выяснение обстоятельств может происходить различными путями, а значит, с помощью различных процессуальных средств. Изби-

рая то или иное средство, следователь одновременно оценивает его возможную эффективность. Так, например, выясняя обстоятельства наезда автомашины на человека, следователь может наметить производство множества действий, в том числе допросов наличных свидетелей, допроса потерпевшего, осмотра места происшествия, назначения судебно-медицинской экспертизы, назначения автотехнической экспертизы и др. Однако из названных действий он избирает только те, которые могут, по его предположению, дать максимальный эффект в получении интересующей его информации. В данном случае следователь избирает в качестве процессуальных средств допрос свидетелей и допрос потерпевшего. Может ли следователь при этом заранее предполагать объем и доказательственную ценность получаемой информации? В известной степени может. Это знание и уверенность ему дают рекомендации криминалистики, в частности методика расследования преступлений.

Если при составлении плана расследования следователь намечает производство необходимых следственных действий в целом, решая при этом вопросы, связанные с экономией процессуальных средств, то при выполнении намеченного плана, т. е. при непосредственном решении об избрании (проведении) того или иного следственного действия, вопрос экономии процессуальных средств решается не только в чисто мыслительном плане, но и в организационном. Так, решая вопрос о возможности и целесообразности назначения строительной экспертизы, имеющей целью определить сорта кирпича и цемента, употребленных при строительстве дома, следователь одновременно должен продумать и то, существуют ли иные пути выяснения конкретных обстоятельств, в частности такой путь, как получение необходимых консультаций от строителей, строительных организаций или извлечение нужных ему сведений из справочных материалов. В некоторых случаях получение консультаций от специалистов позволяет следователю правильно решить вопрос о необходимости экспертного исследования и тем самым сэкономить процессуальные средства и время, необходимое для производства расследования. Следственная практика, к сожалению, еще знает случаи так называемого перерасхода, растраты процессуальных средств, вследствие отсутствия необходимой продуманности в их избрании. Так,

нередки случаи назначения судебных экспертиз для выявления вопросов, требующих только консультационного решения или получения сведений из справочной литературы. В Харьковский научно-исследовательский институт судебной экспертизы им. Н. С. Бокариуса неоднократно поступали постановления о назначении автотехнической экспертизы в случаях, когда для разрешения вопросов, связанных с нарушением правил уличного движения, следователю было бы достаточно обратиться к соответствующим справочным материалам. Иногда назначение судебной экспертизы носит характер курьеза, так как поставленные вопросы могут быть решены, исходя из обычных человеческих представлений о характере предмета и последствиях его применения. Так, в одном случае следователь прислал на экспертное исследование кухонный нож больших размеров, поставив на разрешение эксперта вопрос о том, можно ли этим ножом нанести смертельную травму. Назначение подобного рода экспертиз не способствует экономии процессуальных средств, а является следствием непродуманного избрания следственных действий, используемых в процессе расследования. Экономия процессуальных средств предполагает не только правильное избрание того или иного следственного действия, но и ограничение их числа. Так, ставя целью получение нужной информации при допросе, следователь ограничивает круг допрашиваемых лиц в том случае, если полученные достаточно доказывают требуемое.

То же распространяется и на следственные действия различного процессуального плана. Так, если на основании допросов получена достаточная доказательственная информация, нет нужды производить проверку показаний на месте. Критерием ограничения числа следственных действий является убеждение следователя в том, что собранных доказательств достаточно для установления объективной истины или отдельных фактов, ее составляющих.

Как уже указывалось ранее, одним из необходимых условий экономии процессуальных средств является тщательная подготовка к производству следственных действий. Если намечаемое следственное действие продумано, ясно определена цель и методы ее достижения, то проведение действия позволяет получить достаточно полную, а в отдельных случаях — исчерпывающую доказательственную

информацию. Получение такой информации при подготовке следственного действия и ограничение числа следственных действий одним достаточно эффективным способствуют ЭКОНОМИИ процессуальных средств. Последнее тесно связано с экономией времени и определяет ее. Вот почему экономии процессуальных средств в процессе расследования придется столь большое значение.

Обратимся к анализу следственной практики в плане завыглости экономии процессуальных средств от уровня подготовки отдельных следственных действий, таких как обыск или допрос. В большинстве случаев в практике расследования неуспех обыска объясняется его слабой подготовленностью или вообще отсутствием таковой. Причем эта подготовка включает в себя не столько применение научно-технических средств, сколько составление версий обыска, умелое использование оперативных данных для определения возможных мест сокрытия разыскиваемого. Неподготовленность влечет за собой проведение повторных обысков, а следовательно, дополнительное использование процессуальных средств и расход времени.

Если обратиться к подготовке такого следственного действия, как допрос, то мы увидим, что тщательно разработанная программа допроса обвиняемого по сложному делу или даже наметка основных вопросов при несложном допросе свидетеля обеспечивает полноту и исчерпывающий характер получаемой информации, позволяет следователю избежать повторных допросов, а в ряде случаев отказаться от других следственных действий, посредством которых следователь хотел получить информацию, уже полученную в ходе подготовленного допроса свидетеля или обвиняемого. Таким образом, из приведенного ясно видна взаимообусловленность подготовки следственных действий и экономии процессуальных средств.

Экономии процессуальных средств во многом способствует координация следственной и оперативно-розыскной деятельности, так как определение средств (во времени, а также их последовательности) нередко зависит от информации, поступающей от оперативно-розыскных органов.

Решение вопроса об экономии процессуальных средств нужно соотносить с такими уголовно-процессуальными категориями, как предмет и пределы доказывания, а также с принципом полноты расследования. Экономия процессуальных средств находится в тесной взаимосвязи

с вышеназванными категориями и не может происходить за счет ущемления последних. Так, уголовно-процессуальный кодекс четко определяет предмет доказывания, а это значит, что для выяснения всех обстоятельств, охватываемых этим понятием, нужно разумно использовать арсенал процессуальных средств. Пределы доказывания, определяемые требованием установления объективной истины по делу, также влияют на экономию процессуальных средств. Следовательно, допрашивая свидетелей, ограничивает число последних в том случае, если получаемая информация однотипна и ее объем достаточен для убеждения следователя в том, что объективная истина установлена.

Еще более близко связаны экономия процессуальных средств и требования относимости доказательств. Наиболее отчетливо это проявляется в том, что решение об относимости тех или иных доказательств к делу, как возможное предположение, обуславливает избрание комплекса нужных процессуальных средств.

Однако экономия процессуальных средств, продиктованная стремлением лучшей организации следствия, нередко чревата отрицательными последствиями. Речь идет о тех случаях, когда в целях экономии следователь ограничивает число следственных действий и тем самым утрачивает возможность получения необходимой доказательственной информации. Поэтому степень экономии процессуальных средств должна определяться в каждом конкретном случае.

На решение организационных задач, связанных с экономией процессуальных средств, существенно влияет принцип полноты расследования. Как известно, принципы полноты, объективности предполагают организацию следствия, которая способствует установлению объективной истины. Вместе с тем полнота расследования состоит в исчерпывающем установлении всех обстоятельств по делу. Соотношение принципа полноты расследования с экономией процессуальных средств, на наш взгляд, состоит в том, что требование полноты распространяется не на объем доказательственной информации, а на ее содержание, и поэтому расследование будет проведено полно в том случае, если используемые процессуальные средства способствовали получению достаточной по своему содержанию доказательственной информации.

Задачи по организации профилактических мер. Следственная профилактика, являясь одной из частей профилактической деятельности органов правосудия, достигает определенных результатов только при ее четкой организации. Так как профилактическая работа следователя складывается из предупреждения преступлений на следственном участке и предупреждения, осуществляемого в процессе расследования уголовного дела, решение организационных задач в этом отношении подчинено двум названным направлениям, которые являются главными. Научная организация профилактической деятельности предполагает использование таких сил и средств, которые бы обеспечивали ее оптимальный эффект.

Профилактическая деятельность следователя на участке имеет своей целью, с одной стороны, выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений, а с другой — осуществление мер, направленных на ликвидацию выявленного. Эта цель достигается решением комплекса организационных задач, которые подразделяются на следующие группы: а) задачи, связанные с обобщением и изучением преступных проявлений в целях выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений; б) задачи, связанные с избранием мер, устраняющих эти причины и условия; в) задачи по контролю за ходом выполнения принятых мер и оценка их результатов.

Организация получения, обобщения и изучения данных, связанных с первой группой задач, не проста и требует объединения сил и координации деятельности таких органов, обслуживающих названный участок, как органы УВД, суда и прокуратуры. Данные, имеющиеся в распоряжении указанных органов, позволяют представить общую картину состояния преступности на следственном участке и выявить в нем предприятия и учреждения, где преступные проявления наиболее интенсивны. Привлечение для этой деятельности органов народного контроля, а также общественности, позволит более предметно установить причины и условия, способствующие совершению преступлений. Обобщение данных, полученных от органов, участвующих в осуществлении профилактики, поможет выработать ряд мер, связанных с предупреждением преступлений.

Выяснение и тщательный анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений, помогает решать задачи определения мер по их устранению. Разработка этих мер — прежде всего решение организационных задач, связанных с какими-либо формами проведения профилактики. К этим формам можно отнести правовую пропаганду, внесение следователями представлений, содержащих конкретные предложения и выступления следственных работников перед трудящимися предприятий, на которых выявлены преступные проявления, выступления в печати, обращения к общественности. Все названные формы требуют организации их выполнения, т. е. избрания способов наиболее эффективного претворения в жизнь профилактических мер и назначения лиц, которые несут за это ответственность. Поскольку названная деятельность должна носить постоянный характер, постольку необходима выработка наиболее приемлемых организационных начал для ее осуществления. Создаваемые в настоящее время «советы» по предупреждению преступлений в организационном плане наиболее удовлетворяют требования, предъявляемые в этом направлении. То, что в эти советы входят лица, не только обладающие необходимой компетенцией, но и по своему должностному положению могущие осуществлять или руководить осуществлением профилактики, делает такие органы наиболее действенными.

Избирая конкретные меры профилактики, следует останавливаться на тех мерах, которые в конкретных обстоятельствах явятся наиболее эффективными. Если одна из них представляется недостаточно эффективной, избирается комплекс мер. Так, в случае хищений государственного имущества на кондитерской фабрике, анализ причин и условий совершения преступления позволил наметить ряд мер, связанных с организацией выступлений прокурора и следователя в цехах фабрики. Однако более тщательный анализ привел к выводу, что названных мер профилактики будет недостаточно и их избрание было направлено в сторону предложений по усилению контроля за расходом продукции при изготовлении кондитерских изделий, а также по лучшей организации охраны государственного имущества на данном предприятии.

В избрании мер профилактики большое значение имеет прежний опыт профилактической деятельности. Но от-

нюдь не значит, что нужно ограничивать свою деятельность поиском мер, которые в прошлом были известны как эффективные. Напротив, используя старый арсенал средств, не следует отказываться от новых, диктуемых условиями их применения и возможной эффективностью. Следует отметить, что изощренные формы преступной деятельности, особенно связанные с хищением государственного имущества, выискиванием новых каналов организации хищений, установлением стойких преступных групп, объединенных хозяйственными интересами, дислоцирующихся в различных городах, на предприятиях, во многих случаях требуют обращения к новым формам следственной профилактики, нередко содержащих предложения по реорганизации деятельности предприятий с внесением существенных изменений в правовую регламентацию их работы, формы связей, отчетность и т. п. В этом отношении существенную помощь могут оказать органы народного контроля.

В профилактической деятельности следователя на участке значительное место принадлежит решению задач, связанных с контролем выполнения принятых мер и оценкой их результатов. В практике следственной работы контролю за ходом выполнения профилактических мер до настоящего времени не уделялось должного внимания. Между тем, отсутствие контроля за претворением в жизнь профилактических мер существенно снижает их эффективность и не позволяет составить достаточно полное представление об уровне и объеме следственной профилактики.

Уголовно-процессуальные кодексы отдельных союзных республик предусматривают контроль за выполнением профилактических мер, требуя в месячный срок ставить в известность следователя или прокурора о ходе выполнения их рекомендаций по предупреждению. Однако, если закон предусматривает обязательный контроль за осуществлением основных мер профилактики, то иные меры очень часто остаются вне рамок контроля, особенно в тех случаях, когда речь идет о предупреждении, осуществляемом на следственном участке. Поэтому, по нашему мнению, следователь, принимающий профилактические меры, должен в течение двух месяцев истребовать справки об их результативности. Имеющийся у него журнал контроля позволит систематически принимать

профилактические меры и одновременно следить за уровнем их эффективности. Большую помощь следователю в осуществлении контроля за выполнением профилактических мер может оказать общественность, представители которой по поручению следователя проводят проверку в намеченных предприятиях или учреждениях.

Контроль за результатами профилактической деятельности должен планироваться вместе со всей работой следователя и носить постоянный характер. При таком планировании организационные задачи, связанные с контролем за ходом осуществления профилактических мер, могут быть следующими: а) организация контроля собственными силами следователя; б) организация контроля с привлечением общественности; в) организация контроля путем получения обязательной информации о ходе выполнения рекомендаций от администрации предприятия или учреждения. Названные типы задач не исчерпывают все возможности следователя по контролю за осуществлением профилактических мер.

Вторым главным направлением профилактической деятельности следователя является предупреждение, осуществляемое в процессе расследования преступления. Здесь предупредительная деятельность хотя и подчинена общим процессуальным требованиям, однако, в отличие от деятельности на следственном участке, имеет свою специфику. Решение задач, связанных с организацией профилактических мер, вытекает из особенностей работы следователя при расследовании конкретного преступления. Основные организационные задачи профилактического профиля сводятся здесь к следующим: 1) задачи, имеющие целью установление в процессе расследования причин и условий, способствующих совершению этого преступления; 2) задачи по определению периода и форм предупредительной деятельности, предпринимаемой в связи с расследованием конкретного преступления; 3) задачи по определению диапазона применения мер профилактики; 4) задачи по установлению методов контроля за осуществлением профилактической деятельности.

Рассмотрим подробно типы названных задач и возможности их решения в процессе расследования. В соответствии с требованиями ст. 21 УПК РСФСР и ст. 23 УПК .УССР следователь в процессе расследования устанавливает причины и условия, способствующие совершению

преступления. Поэтому следователь в процессе расследования преступления не может вопросы профилактики решать по своему усмотрению, он обязан выяснять причины и условия, способствующие совершению преступлений. Это требование по форме и методам осуществления отлично от такого же требования, предъявляемого в связи с организацией профилактики на следственном участке, которая представляет самостоятельную задачу по созданию организационных форм, позволяющих установить, причины и условия, способствующие совершению преступлений. В то же время профилактика, осуществляемая в процессе расследования, укладывается в процессуальные формы, регулирующие предупредительную деятельность следователя и не требует ни организации каких-либо органов, выполняющих эти функции, ни установления методов их работы, а являясь одной из функций следователя, органически сливается с его работой по расследованию преступлений. Это означает, что в процессе выполнения отдельных следственных действий следователь устанавливает причины и условия, способствующие совершению преступлений. Необходимость такого установления обуславливается не только указанием закона, но также и тем, что установление причин и условий, способствующих совершению преступлений, входит в предмет доказывания, а следовательно, охватывается понятием объективной истины как цели расследования преступления.

Одной из важных организационных задач, решение которых определяет во многих случаях эффективность предупредительной деятельности следователя, является задача, связанная с определением периода и форм предупредительной работы. Предупреждение может осуществляться на протяжении расследования и не всегда является итогом проведенного следствия. Когда в процессе проведения отдельных следственных действий следователь устанавливает причины и условия, способствующие совершению преступлений, в зависимости от степени их опасности и возможного отрицательного воздействия, он может и должен принимать меры профилактики. В этом отношении важно решить задачи по определению периода и форм профилактики. Иногда решение этого вопроса связано с исчерпывающим установлением причин и условий, способствующих совершению преступлений, что позволяет сразу же принять те или иные меры

профилактики. В других же случаях, следователь в процессе расследования выясняет причины и условия, не дающие оснований считать их исчерпывающими, а напротив, позволяющие предположить возможность их усугубления. В таких случаях он не может принимать профилактических мер. Как в первом, так и во втором случае задача определения периода профилактики нередко представляет значительную трудность, так как требует принятия быстрого решения и необходимой ориентации в перспективе дальнейшего расследования и в определении эффективности мер профилактики.

При определении периода принятия профилактических мер в процессе расследования необходимо учитывать то, что их осуществление, начатое несколько преждевременно, закроет возможные пути совершения преступления и не позволит их вскрыть впоследствии. Осуществление предупреждения в процессе расследования может также приостановить на некоторый период, необходимый для сокрытия содеянного, деятельность преступников, оставшихся на свободе. Поэтому, определяя период профилактической деятельности, следователь должен исходить из следующего: 1) исчерпывающего установления причин и условий, способствующих совершению преступлений; 2) определения целесообразности принятия профилактических мер на конкретном этапе в целях их наибольшей эффективности.

Взаимосвязанной с первой задачей или их комплексом является задача по определению форм профилактической деятельности. Известно, что их эффективность определяется конкретными данными, полученными в процессе расследования, а также прогнозированием возможной полезности принимаемых мер в конкретных обстоятельствах. Такое прогнозирование зависит от опыта следователя вообще, от опыта его профилактической деятельности. Наиболее частой формой предупредительной работы следователя является представление, вносимое в учреждение или предприятие, где было совершено преступление. Однако практика свидетельствует о том, что названная форма по эффективности своего воздействия может быть менее ценной, чем другие, среди которых можно назвать выступления перед коллективом трудящихся предприятия, освещение данных материалов расследования по радио, телевидению, в печати.

Одним из видов задач, решаемых следователем в процессе профилактической деятельности, являются задачи по определению диапазона применения мер профилактики. Их решение определяется несколькими обстоятельствами: общественной значимостью расследуемого преступления, необходимостью предупреждения аналогичных действий, вскрытия причин и условий, способствующих совершению подобных преступлений в учреждениях или предприятиях профиля. В зависимости от названных обстоятельств, следователь избирает возможное направление решения поставленной перед ним задачи. В процессе определения какого-либо из видов осуществления профилактических мер он строит мысленную модель предположения о возможном эффекте принимаемых мер в конкретных условиях. Предположение строится на данных расследования преступления и на учете возможных социальных последствий принимаемых мер. Построение подобных моделей не может ограничиваться рамками традиционных форм, используемых в повседневной практике, а должно охватывать новые предположения, представляющиеся более эффективными. Именно в этом отношении важно представить, какой диапазон профилактических мер следует избрать, исходя из конкретной ситуации. Здесь необходимо учитывать следующие рекомендации. При расследовании преступлений, носящих единичный характер, где профилактические меры могут принести быстрый эффект, их можно ограничить внесением представлений только руководящим органам предприятий, где совершено преступление. В тех случаях, когда расследование обнаруженного преступления позволяет вскрыть причины и условия, способствующие совершению преступлений, которые могут произойти и на других однотипных предприятиях, диапазон профилактических мер должен быть расширен до уровня охвата всех этих предприятий или органа, осуществляющего руководство ними. Иными словами, следователь должен информировать о содержании представления соответствующие организации или направить им копии представления.

В практике расследования нередки случаи, когда общественная опасность совершенного преступления и его последствия таковы, что профилактические меры, принимаемые следователем, должны выйти за пределы того учреждения или предприятия, где имело место

событие, и носить предупредительный характер, рассчитанный на широкие круги населения. В этом случае следователь не ограничивается внесением представления, а обращается в органы печати, радио, телевидения. Такие выступления оказывают огромное предупредительное воздействие, о чем свидетельствует советская пресса, обобщение следственной профилактической практики и сама жизнь.

К организационным задачам, связанным с профилактической деятельностью, относятся задачи по контролю за ее осуществлением. Следователь обязан контролировать результаты принимаемых профилактических мер в целях анализа их целесообразности и эффективности избираемых форм. Выполнение этой задачи необходимо для оценки собственной профилактической работы и определения ее новых форм и методов. В целях контроля следователь должен вести специальный учет осуществляемых профилактических мер. Для этого на практике обычно применяются журналы учета, в которых регистрируются представления, вносимые следователем в связи с расследованием преступлений, а также находят отражение иные формы профилактической работы: беседы, выступления перед коллективами трудящихся; выступления по радио и телевидению. Такие регистрационные журналы имеют специальную графу, где отмечаются результаты или принятые меры по представлениям следователя.

В соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства РСФСР (а теперь и УССР) руководители предприятий и учреждений должны сообщить следователю в месячный срок о принятых мерах в связи с внесенным представлением. К сожалению, это требование редко выполняется. Следователи, как правило, неоднократно напоминают о необходимости подобных сообщений, что дезорганизует нормальные функции контроля.

Решая организационные задачи, связанные с контролем за профилактическими мерами, следователь может избирать несколько форм такого контроля: 1) обобщение и анализ сведений о профилактических мерах, предпринимаемых руководителями предприятий и учреждений, куда были внесены представления; 2) проверка осуществления профилактических мер путем посещения предприятий и учреждений. Названные формы контроля избираются следователем в зависимости от конкретных обстоятельств, они могут чередоваться и действовать во взаимосвязи.

Глава II ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ психологии в ПРОИЗВОДСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

---

§ 1. Осмотр места происшествия

Место происшествия как источник познавательной информации в расследовании

Целью каждого следственного действия является получение доказательств, способствующих расследованию преступления, то есть установлению объективной истины. В зависимости от характера информации, которую предполагается получить, избирается то следственное действие, с помощью которого можно достичь цели. В этом отношении обыск может дать вещественную информацию, которая заключается в обнаружении вещественных доказательств; предъявление для опознания — информацию, выражающуюся в заявлении о тождестве предъявляемого и наблюдаемого ранее лица; допрос — информацию, содержащую в себе комплекс интересующих следователя и известных допрашиваемому данных о событии преступления; судебная экспертиза — информацию о данных, установление которых требует специального исследования и т. п. Если рассмотреть названные следственные действия в плане способов получения и характера информации, то мы увидим, что каждое из них позволяет получить информацию, доказательственная ценность которой может быть сразу же определена. В этом отношении "такое действие, как осмотр места происшествия обладает известной спецификой, выделяющей его из числа других следственных действий, которая заключается в следующем: 1) осмотр места

происшествия преследует цель обнаружения неопределенного круга доказательств, характер которых диктуется особенностями преступления, способом его совершения и сокрытия; 2) при обнаружении той или иной информации следователь должен решить вопрос о ее относимое™ к расследуемому преступлению и доказательственном значении. Указанные обстоятельства позволяют отнести осмотр места происшествия к числу наиболее сложных следственных действий, в процессе которого решается значительный круг вопросов, что требует интеллектуального напряжения, аналитического подхода к осмысливанию комплекса данных, имеющих отношение к событию и могущих впоследствии сыграть роль доказательств по делу. Поэтому выяснение роли и функций психологии в решении конкретных задач производства такого следственного действия, как осмотр места происшествия, представляет известный интерес. При выяснении этого вопроса большое значение имеет рассмотрение места происшествия как комплекса данных, позволяющих обнаружить различную по объему и ценности информацию о событии преступления.

Место происшествия представляет собой фрагмент объективно существующего события, где запечатлены его отдельные стороны. В большей или меньшей мере место происшествия содержит объективную информацию о событии, выраженную в изменении обстановки, следах действий преступника, их последствий, намерений преступника и других данных, позволяющих построить мысленную или частично материальную модель события преступления, его обстоятельств. Именно потому, что место происшествия содержит наиболее полную и разностороннюю информацию, теория криминалистической тактики называет перечень вопросов, которые могут и должны быть решены в процессе этого следственного действия. Среди них такие, как данные о личности преступника, способах проникновения и времени его пребывания на месте происшествия, мотивах и целях совершения преступления, способах сокрытия следов и т. п. [см. 32, с. 58]. В теории криминалистики также отмечается, что первые частные и общие версии о событии преступления, выдвигаемые следователем, нередко имеют в своей основе анализ результатов осмотра места происшествия. Такое указание свидетельствует о том, что место происшествия

дает достаточно данных для определения направления расследования и позволяет в отдельных случаях выдвинуть версии, способствующие быстрому и эффективному расследованию преступления [см. 32, с. 59].

Информация, получаемая с места происшествия, имеет разносторонний характер и различную доказательственную значимость. В ее комплексе важно обнаружить именно то, что имеет отношение к событию преступления. Для этого необходимо решить определенные мыслительные задачи. В формировании этого сложного процесса психология выступает в нескольких планах, а именно: 1) восприятию обстановки места происшествия; 2) мысленном анализе обнаруженных следов и вещественных доказательств; 3) установлении причинного отношения обнаруженного к событию происшествия; 4) созданию мысленной модели происшедшего события. Рассмотрим каждый из названных планов.

Восприятие обстановки места происшествия. Восприятие обстановки места происшествия, осуществляемое следователем, подчинено общим закономерностям восприятия, однако наряду с этим обладает спецификой, определяемой подчинением восприятия формирующейся или уже взятой за исходную мысленной модели события. Если рассмотреть восприятие, осуществляемое следователем с точки зрения его особенностей, обусловленных профессией, то мы увидим, что оно обладает рядом черт. К ним можно отнести определяемую прежним опытом избирательность, направленную на восприятие следов и вещественных доказательств, связанных с событием преступления, точную и быструю оценку воспринятого, способность обнаруживать в воспринятом такую информацию, которая способствует обнаружению других доказательств по делу.

Восприятие тех или иных следов и обстановки, связанных с событием преступления, находится в достаточно узком кругу рекомендаций криминалистики относительно специфики осмотра по делам конкретной категории, объема и характера обнаруженных доказательств. Поэтому следователь всегда достаточно подготовлен к восприятию обстановки места происшествия. Профессиональные знания следователя помогают определить доказательства, которые должны быть в обстоятельствах, подобных тем, которые возникли в действительности. При этом рекомендации криминалистики выполняют чрезвычайно важную

роль, способствуя более детальному и полному восприятию обстановки при осмотре места происшествия. Однако их положительная роль в отдельных случаях при наличии профессиональной деформации у следователя может нивелироваться. Вследствие этого очень важно подчеркивать при овладении теоретическими положениями криминалистики, что рекомендации последней не имеют косного характера, а должны творчески развиваться с учетом конкретной ситуации.

Профессиональная направленность при восприятии во время рассматриваемого процесса позволяет устанавливать предполагаемые места нахождения следов и в случаях их обычного оставления, и в случаях маскировки. Так, следователь, используя рекомендации криминалистики, легко ориентируется в том, где в процессе осмотра нужно искать следы пальцев рук, на каких поверхностях они сохраняются в виде, пригодном для идентификации. Так же широко использует следователь профессиональные знания в случаях маскировки следов, их уничтожения. Осматривая предполагаемое место убийства, следователь воспринимает обстановку с точки зрения возможности обнаружения наиболее характерных следов этого события. Поэтому, воспринимая пятна на одежде, белье, полах, замытые или испачканные каким-либо веществом для маскировки последних, следователь легко ориентируется в их характере, возможной локализации на различных предметах. Профессиональные знания позволяют следователю из всей группы предметов воспринимать те, которые имеют отношение к преступлению и могут способствовать его расследованию.

Немалое значение в направленности восприятия имеет та мысленная модель, которая возникает у следователя до осмотра места происшествия в период сообщения ему о событии преступления. В очень редких случаях следователь, выезжая на место происшествия, не имеет хотя бы некоторого представления о событии преступления. Оно может быть отрывочным, неправильным, неточным, но оно существует. Так как мышление следователя сосредотачивается на определенном преступлении (происшествии), он продумывает различные варианты его возможного совершения. Возникает определенная модель события, которая является мысленной наметкой поведения следователя во время осмотра места происшествия, сосре-

доточения внимания на определенных объектах, являющихся узловыми при расследовании в аналогичных ситуациях. Несомненна познавательная роль такой модели, она заключается в активизации мышления следователя в заданном направлении (направлении, определяемом сообщением о факте).

Действие такой модели ограничено начальным этапом осмотра места происшествия. Так, при столкновении мысленной модели с реальной обстановкой происшествия она либо утрачивает свое значение, либо, напротив, более активно способствует выполнению познавательной функции. Мысленная модель, построенная на основе абстрактных сведений о типичных ситуациях и отдельных сведениях о данном происшествии, влияет на направленность восприятия следователя, и в тех случаях, когда достаточно овладела мышлением, в начальный период осмотра места происшествия может навязывать представление о событии, противоречащее действительности. Тогда следователь акцентирует свое внимание на всем том, что подтверждает сформировавшуюся модель. В этих случаях ему не всегда удастся сразу освободиться от ставшей уже привычной модели, и он вынужден преодолевать ее путем восприятия и анализа обстоятельств, следов, противоречащих его прежним представлениям. При этом решающее значение приобретает соблюдение тактического правила объективного подхода к восприятию и оценке всех данных, запечатленных в обстановке места происшествия, гарантирующего наиболее полное собрание доказательств в процессе осуществления этого следственного действия.

Мысленный анализ обнаруженных следов и вещественных доказательств. При осмотре места происшествия уже в процессе восприятия присутствуют элементы мысленного анализа, позволяющего относить воспринятое к объектам, содержащим доказательственную информацию или не имеющим значения в плане познания события. Названный анализ в его мысленном выражении распространяется на всю обстановку места происшествия, которая, по определению Р. С. Белкина, является проявлением «качества и пространственных связей, составляющих в своем комплексе место происшествия» [7, с. 139] и отдельные следы и предметы, находящиеся в этой обстановке и нередко позволяющие правильно оценить последнюю.

Поскольку для аналитической деятельности, действительной или мысленной, характерным является вычленение объектов анализа из их совокупности и первоначально изолированное их рассмотрение, постольку при осмотре места происшествия применение этой функции анализа обладает такими же характеристиками. Обнаруживаемый в процессе осмотра места происшествия объект первоначально рассматривается и анализируется с точки зрения его обычной субстанции и назначения. После этого аналитическая деятельность мысли направлена на установление в обнаруженном объекте таких признаков, которые свидетельствуют о его использовании в событии преступления. Дальнейший анализ предполагает установление других данных, позволяющих определить роль объекта, место его использования, способы его применения и т. п. Таким образом, названный этап анализа позволяет определить нити, связывающие определенный объект с событием преступления, тем самым выяснить целый круг обстоятельств, имеющих значение для осуществления познания в расследовании.

В свете сказанного обратимся к рассмотрению целей мысленного анализа в отношении ножа, обнаруженного на месте происшествия по делу об убийстве. Прежде всего обнаруженный нож воспринимается с точки зрения человеческого представления о возможных функциях ножа в определенных ситуациях. Здесь учитывается его форма, назначение, а также индивидуальные признаки, позволяющие придти к определенным выводам, в частности о том, кому он принадлежит. Дальнейший анализ направлен на обнаружение таких следов применения ножа, которые свидетельствуют о его использовании в совершении преступления. Эта часть аналитической деятельности выражается в поиске на ноже следов пальцев рук, крови, следов отлома лезвия, волос, обрывков ткани, которые дают возможность сразу же решить множество вопросов, связанных с локализацией применения ножа, силой, которая была использована при этом, характером повреждений, которые могут быть обнаружены на потерпевшем в дальнейшем. Анализ места расположения обнаруженного ножа по отношению к другим объектам осмотра позволяет сделать выводы иного плана, в частности такие, как степень насилия, психическое состояние пре-

ступника, обстоятельства, предшествующие преступным действиям.

Большое значение для углубленного анализа объектов, составляющих обстановку места происшествия, имеет помощь специалиста. Специалист в той или иной области приглашается для участия в осмотре соответственно по делам таких категорий, где его знания могут дать наибольшую результативность. Так, при осмотре места происшествия по делам о хищении государственного и общественного имущества, совершенных путем взлома хранилища, для участия в осмотре приглашается специалист в области криминалистики, который поможет следователю решить множество вопросов, связанных со взломом, а именно: в каком месте и чем был произведен взлом (предварительно), какой период времени понадобился для разрушения преграды, сколько человек принимало участие во взломе и др. Разумеется, анализ следов взлома, произведенный следователем без участия специалиста, затруднил и отдалил бы момент решения данных вопросов. В тех случаях, когда при осмотре места происшествия участвует специалист, аналитическая функция, выполняемая следователем, получает свое наиболее разностороннее выражение. Главная ее роль состоит в обнаружении признаков, не только свидетельствующих о сущности того или иного объекта, но и указывающих на взаимосвязь этого объекта (действительную, возможную) с обстановкой события и обстоятельствами, установление которых имеет важное значение для расследования дела.

Мысленный анализ объектов, проводимый во время осмотра места происшествия, использует также данные фактического анализа, в частности измерения, наблюдения с помощью научно-технических средств, сравнения. Рекомендуемые криминалистикой научно-технические средства обеспечивают при их применении не только достаточно глубокое изучение свойств и признаков объектов, но и в отдельных случаях позволяют обнаружить невидимое или мало видимое при визуальном осмотре. Применение лупы, светофильтров, ультрафиолетовых осветителей, опыляющих порошков во многих случаях прибавляет к результатам мысленного анализа некоторое количество признаков, правильная оценка которых может во многом определить возможность рассмотрения обнаруженного в качестве вещественного доказательства по делу.

Поэтому мысленный анализ, осуществляемый следователем в процессе осмотра места происшествия, не является только мысленным в строгом понимании этого слова, а содержит в себе элементы действительного анализа, углубляющие аналитическую стадию познания.

Мысленный анализ, как и восприятие следователем объектов места происшествия, обладает избирательностью, определяемой характером события, конкретными обстоятельствами и обстановкой рассматриваемого места происшествия. Наряду с анализом общей обстановки места происшествия, восприятие следователя избирательно направлено на те объекты, которые, если следовать типичным представлениям о развитии события преступления, могут содержать в себе наибольшую доказательственную информацию о происшедшем. Вместе с тем большое значение при анализе общей обстановки места происшествия и составляющих ее объектов имеют рекомендации о том, что «нужно искать признаки не только наиболее отчетливо проявляющегося в данной ситуации преступления, но и сходного или противоположного ему» [32, с. 57]. В. П. Колмаков, иллюстрируя данное положение, отмечает, что обнаружение, например, трупа на дороге с повреждениями, похожими по признакам на автотравму, требует выяснения не только вопросов, относящихся к нарушению правил безопасности движения и эксплуатации автомототранспорта, но и вопросов, относящихся к убийству, инсценировке самоубийства или несчастного случая. Такая рекомендация ориентирует следователя на более разносторонний анализ признаков, относящихся по своей характеристике к нескольким преступлениям или возможным их последствиям, что устраняет опасность утраты признаков, которые могут пролить свет на то или иное событие преступления.

Установление причинного отношения обнаруженного к событию преступления. Восприятие обстановки места происшествия и анализ ее объектов являются одной из ступеней познания, осуществляемого в процессе расследования. Однако данные, полученные в результате анализа, сами по себе, в их изолированном виде, не позволяют получить достаточно полную информацию о событии, проследить его развитие и возникновение. Инструментом, осуществляющим логическую связь обнаруженного с другими доказательствами и с действиями лиц, является

причинно-следственное отношение, как бы восстанавливающее из фрагментов картину события, где видны все взаимосвязи.

Установление причинных отношений между обнаруженным и действием, послужившим основой для его появления, подчинено общим закономерностям марксистской диалектики, а именно: категории причины и следствия, как одной из ступеней осуществления познания вообще и применительно к частной области. Если в этом плане рассматривать общую обстановку происшествия и составляющие ее объекты, взаимосвязанные с событием преступления, мы увидим, что все они являются следствиями определенных причин. В этом своем качестве анализ обнаруженного следствия является основанием мысленного восхождения к причине, его породившей, а значит — к установлению искомого. Тщательность и глубина анализа во всех случаях обеспечивают правильное определение причинных отношений объекта. Анализ обстановки места происшествия при этом имеет своей целью получение определенной информации, позволяющей установить временные связи события с анализируемым объектом, а также субстанциональные, пространственные, личностные, связи с источником его происхождения и способом сокрытия. Поэтому каждый обнаруженный объект анализируется не в плане существования в материальном мире, а в плане его места, роли и значения в установлении события преступления. Этим требованием определяется и направленность анализа, и его известная ограниченность комплексом данных, могущих иметь значение для расследования. Это обстоятельство подчеркивается В. П. Колмаковым [см. 32, с. 131] при характеристике анализа обстановки места происшествия, где, как указывает автор, следователь заранее должен быть готовым проанализировать признаки и свойства предметов и следов, указывающие на время их появления; связи объектов с данным местом; структуру предметов и следов для изучения их групповой принадлежности; идентификационные качества следов; возможность происхождения следов от одного или нескольких участников события; связи следов между собою и расследуемым событием, механизм их образования, причины отсутствия определенных следов и т. п. Установление причинных связей обнаруженного с событием преступления происходит в процесса

оценки результатов анализа. На этом этапе исследование поднимается на более высокую ступень, способствующую формированию частных и общих версий, а в отдельных случаях и непосредственному установлению тех обстоятельств, которые проявились в совокупности следов и объектов, составляющих обстановку события преступления. Так, обнаружение на месте происшествия пули и стреляной гильзы позволяет в результате их анализа прийти к весьма определенным выводам о типе оружия, из которого был произведен выстрел. Обнаружение на месте происшествия следов автотранспорта дает возможность в результате их анализа прийти к выводу о том, какой модели автомашина была на месте происшествия, а также установить индивидуальные особенности протектора, имеющие идентификационное значение. Однако и ряде случаев результаты анализа не позволяют сразу прийти к выводам о причинном отношении следов или предметов, обнаруженных на месте происшествия, ограничивая следователя лишь возможностью выдвижения версий, проверка которых осуществляется производством тех или иных следственных действий, в частности экспертизы.

Так, обнаружение следов орудий взлома позволяет только высказать известное предположение, ориентирующее следователя на розыск, но не позволяет сразу же установить орудие, оставившее следы. Его причинное отношение к событию преступления устанавливается последующим экспертным исследованием, обнаруживающим число признаков, свидетельствующих о том, что только таким орудием может быть оставлен данный след.

Аналогично этому происходит установление причинного отношения обнаруженного к событию преступления и в том случае, когда на месте происшествия обнаружены следы транспорта. Здесь установление проходит два этапа. Первый из них представляет собой определение марки машины и предположение о том, что она имела отношение к событию преступления. Основанием для этого является анализ следов транспорта, произведенный на месте происшествия. Второй этап предполагает установление того, что именно эта машина была на месте происшествия. Основанием для такого заключения является экспертный анализ обнаруженного следа, его сопо-

ставление с шиной или ее оттиском и выводы эксперта об их соответствии или несоответствии.

Таким образом, схема установления причинных связей видоизменяется в зависимости от количества и характера полученной информации и способов определения ее отношения к событию преступления.

Создание мысленной модели происшедшего события. Мысленное представление о событии происшествия, его механизме, лицах, его совершивших, составляется по результатам анализа обнаруженных следов и предметов, а также установления их причинных связей. Обобщение накопленной информации, ее синтез служит основой для формирования мысленной модели. Характер и объем доказательственной информации определяет полноту и обоснованность мысленной модели, которая превращается не в мертвую схему происшедшего, неподвижно констатирующую определенные события, а в подвижную версию, определяющую направление дальнейшего познания.

Каждая мысленная модель происшедшего события, применительно к расследованию любой категории преступлений, обладает большей или меньшей степенью вероятности, определяемой, с одной стороны, наличной информацией (ее доказательственной ценностью), с другой — числом обстоятельств, выяснение которых необходимо для установления объективной истины по делу. В тех случаях, когда имеющейся информации больше, чем обстоятельств, требующих выяснения, обоснованность выдвигаемой версии относительно события преступления будет значительней, мысленная модель преступления — более полной.

Решение мыслительных задач, при производстве осмотра места происшествия

Осмотр места происшествия, являющийся по своему характеру исследованием в широком смысле слова, требует решения значительного числа мыслительных задач. Эти разнообразные по своему характеру задачи представляется возможным сгруппировать по их целям. Следует различать задачи мыслительного плана, относящиеся к процессам собирания и оценки доказательственного материала на месте происшествия, и мыслительные задачи, связанные с организацией действий, вытекающих из

осмотра. К первому типу можно отнести задачи по обнаружению информации, ее оценки, выдвижению общих и частных версий. Ко второму — относятся задачи по организации оперативно-розыскных действий, вытекающих из результатов осмотра места происшествия.

Рассмотрим мыслительные задачи первого типа, прежде всего, связанные с обнаружением (отыскиванием) доказательственной информации на месте происшествия. Решение этих задач в конкретной обстановке определяется перечнем вопросов, которые необходимо решить в процессе осмотра места происшествия (в соответствии с рекомендациями криминалистической тактики). Обратимся к таким из них, как «где имело место событие», «пути проникновения преступника (преступников)», «число лиц, участвующих в совершении преступления», «время пребывания их на месте преступления», «к каким предметам они дотрагивались», «какие могли остаться следы на преступниках», «логика их поведения», «цели и мотивы совершения преступления» и др. Приведенное извлечение из перечня вопросов, решаемых в ходе осмотра места происшествия, свидетельствует о направленности деятельности следователя в плане установления обстоятельств, связанных с предметом доказывания по делу.

Решение второго типа мыслительных задач следователем в процессе осмотра места происшествия предполагает оценку обнаруженной информации в плане ее доказательственного значения для раскрытия преступления. Названная оценка обладает известной спецификой, определяемой, с одной стороны, тем, что обнаруженное не сразу может быть оценено в отношении его доказательственного значения, требует дополнительного исследования. Так, например, обстоит дело со следами пальцев рук. Обнаружение последних не сразу дает возможность определить их принадлежность какому-либо лицу, а значит, и установить ценность как доказательства по делу. С другой стороны, оценочная деятельность следователя обладает спецификой, которая определяется ее временным характером и необходимостью использовать доказательственную информацию в целях организации оперативно-розыскных действий. Это обстоятельство влияет на оценку доказательств в плане выбора из числа обнаруженных таких, которые могут использоваться непосредственно, и таких, определение роли и ценности которых, может быть отло-

жено на более поздний период. Так, к доказательствам, обладающим информацией, которая может быть использована сразу, в процессе осмотра места происшествия, можно отнести такие, как следы транспорта, анализ и оценка которых позволяет организовать оперативно-розыскную деятельность по обнаружению транспорта, следы обуви, позволяющие организовать преследование по горячим следам, следы крови, борьбы, вооруженного сопротивления, позволяющие установить личность преступника по зарегистрированным обращениям в медицинские учреждения и др.

Немалую роль в оценке доказательств играет ее известная динамичность, предполагающая избирательность в использовании доказательств, способствующих установлению обстоятельств, имеющих значение по делу. Именно быстрое решение мыслительных задач, связанных с оценкой обнаруженной информации, позволяет в ходе осмотра места происшествия делать выводы относительно применения оперативно-розыскных мер и следственных действий, что способствует более оперативной организации дальнейшего расследования. В тех случаях, когда оценка обнаруженной информации не предоставляет возможности для немедленного решения вопросов, связанных с организацией дальнейших действий, ее следует использовать для выдвижения следственных версий различного порядка, осуществляя их проверку в сжатые сроки и в последовательности, наиболее отвечающей интересам расследования.

Оценка обнаруженной информации позволяет осуществлять познавательные функции в связи с выдвижением на их основе следственных версий, которые в своей подвижной (динамичной) совокупности создают мысленную модель события или модель с частичным реальным содержанием, где мысленные построения сочленяются с фрагментами действительности. Здесь начинается следующий этап решения мыслительных задач. Огромная сложность процесса выдвижения версий, как построения моделей картины события, состоит в том, что подобные построения в процессе осмотра места происшествия не являются произвольными процессами творческого воображения, а ограничены наличествующей информацией, т. е. анализ и оценка доказательственного материала ограничивают деятельность по моделированию,

сосредотачивая мышление на круге установленных обстоятельств и определении их возможного причинного отношения.

Наибольший интерес с точки зрения познавательной функции моделей, конструируемых в процессе осмотра места происшествия, представляет то, что их возникновение и угасание (разрушение) происходит по мере обнаружения и оценки доказательственной информации, что определяет в конечном счете их надежность. Интересные соображения в этом отношении высказаны В. И. Поповым, который относит мыслительные процессы, связанные с созданием моделей события или его отдельных обстоятельств, к понятию психологического поиска — «плывущего силуэта», — построенному на «умении следователя, опирающегося на следы, вещи, обстановку места происшествия, создавать на своем мозговом экране как бы кинофильмирование тех событий, которые породили все наблюдаемое при осмотре места происшествия» [45, с. 38]. Названный «плывущий силуэт» можно рассматривать как перманентную модель, точной конструкции которой способствуют анализ и оценка обнаруженного в процессе осмотра. Такая модель, на наш взгляд, еще не является версией в криминалистическом понимании, а выполняет подготовительную роль по пути к ее формированию и построению. Однако «плывущий силуэт», как динамическая модель, обладает определенной реальностью, так как отдельные фрагменты его, служащие основой для построения модели, существуют в действительности и могут каждый раз по-новому участвовать в создаваемой картине, в зависимости от их оценки и степени выяснения причинного отношения к событию преступления.

Модель, создаваемая относительно имевшего место события, отличается еще и тем, что она носит собирательный характер, динамично объединяя в себе одновременно действия преступника, потерпевшего, обстоятельства, предшествующие преступлению, и его последствия. В этом ее сложность, но в этом и ее многозначная познавательная ценность. Такая модель как бы соединяет воедино разрозненные следы, вещи, обстоятельства и, дополняя их типологией событий, представлениями о поступках людей в аналогичных ситуациях, позволяет быстро и во многих случаях законченно воссоздать мысленную картину события преступления.

§ 2. Познавательная функция психологии при допросе

Роль психологии в диагностике личности допрашиваемого

Познавательная функция психологии при допросе определяется целью такого познания. Поскольку целью познания при допросе является получение информации, способствующей установлению истины по делу, постольку познавательная функция психологии связана с тремя процессами, которые в конечном счете определяют объем и уровень познания. К ним мы относим: а) диагностику личности допрашиваемого; б) систему психологических приемов, способствующих получению информации; в) оценку информации, полученной в ходе допроса, с точки зрения ее достоверности и доказательственного значения.

Первый из этих процессов имеет большое значение в связи с тем, что получение и оценка информации во многом зависят от знания психических характеристик допрашиваемого, которые помогают устанавливать с ним психологический контакт и определять систему приемов, наиболее эффективную для получения показаний. Этот процесс представляет значительную сложность, что обусловлено не только необходимостью должной психологической подготовки следователя, но и применимостью приемов, позволяющих диагностировать психологические особенности личности; временными границами, влияющими на степень глубины анализа; состоянием допрашиваемого, связанным с тем, что он попал в орбиту судопроизводства.

Психологические методы диагностики одноименных параметров человека взяты судебной психологией из общей психологии и трансформированы соответственно целям и задачам производимых следственных действий. Так, при производстве такого следственного действия, как допрос, можно, в целях диагностики психологических особенностей допрашиваемого, использовать незначительное число методов, избрание которых диктуется целями и временным режимом проведения действия. Производство

допроса — сложная процедура, поэтому решение вопросов, *имеющих* подчиненное значение при ее осуществлении, должно проводиться в короткий временной промежуток. Основными методами психологической диагностики личности в процессе допроса являются наблюдение, беседа, метод независимых характеристик. Названные методы применяются не в полном объеме, а соответственно той схеме, которая представляется наиболее приемлемой в конкретной ситуации. Так, наблюдение, предпринимаемое для диагностики психологических особенностей личности — типа темперамента (реакция на раздражители), черт характера, — охватывает только поведение лица в условиях начала допроса и установления его личности. Поскольку материал для наблюдения чрезвычайно ограничен, то и результаты его «ссегда носят предварительный, ориентировочный характер, но они могут дополняться и корректироваться в процессе дальнейшего допроса. В зависимости от того, какова степень проявления личности вовне, метод наблюдения иногда может дать значительные результаты.

Метод наблюдения имеет целью выявить определенные черты характера и темперамента, свидетельствующие о психологическом облике допрашиваемого. Наблюдение охватывает манеры допрашиваемого, его коммуникативность (во время допроса), реакцию на раздражители (поставленные вопросы), психическое состояние, вызванное процессуальным положением и целью приглашения к следователю. При оценке результатов осуществляемого наблюдения не следует забывать и того, что наблюдаемое лицо находится не в привычной обстановке и микросреде, где свои проявления и поступки он выражает более свободно и непосредственно. В новой обстановке, где он не всегда знает свою роль и предстоящее процессуальное положение, допрашиваемый (свидетель, обвиняемый, подозреваемый) сдерживает свои проявления, нередко облекает свое поведение в заранее избранную им форму. Названное обстоятельство во многом искажает истинное впечатление, которое можно получить в процессе наблюдения.

Для диагностики личности допрашиваемого в психологическом плане может использоваться метод беседы, трансформированный для этой цели. Известно, что допрос и беседа по своей процессуальной сущности и целям раз-

личаются, кроме того, последняя не предполагает строго регламентированного процессуального режима. Однако в процессе допроса, предмет которого строго ограничен, может иметь место беседа, цель которой — отвлеченный свободный обмен информацией для установления психологического контакта. Беседу, осуществляемую в процессе допроса, можно рассматривать в двояком плане. С одной стороны, она предполагает взаимную передачу информации, не касающуюся предмета допроса, а имеющую целью установление психологического контакта, определение типа темперамента и черт характера допрашиваемого. С другой стороны, беседа может вклиниваться в собственно допрос, поскольку в процессе последнего существуют отклонения от предмета, обусловленные избранием тактических приемов и выяснением ряда обстоятельств, имеющих вспомогательное значение. Метод беседы обычно находит свое наиболее активное осуществление в начальный период допроса, когда выясняются демографические данные о лице, обстоятельства, которыми предваряется собственно допрос, а также множество других данных о личности. К ним можно отнести состояние органов чувств, психическое состояние во время наблюдения или совершения события (в зависимости от того, какую процессуальную роль выполняет допрашиваемый), тип памяти и вид воспроизведения, т. е. данные, существенно влияющие на оценку показаний и на избрание тактических приемов осуществления допроса. В зависимости от категории допрашиваемого и его возраста (несовершеннолетний, малолетний, потерпевший, обвиняемый) уровень и направление выяснения названных выше вопросов будут разными. Так, диагностика личности несовершеннолетнего в плане психологических особенностей предполагает выяснение его темперамента, способности к конкретному восприятию, склонности к фантазированию и его роли в формировании показаний. В ходе осуществления метода беседы при допросе потерпевшего усилия следователя по диагностике психологических характеристик будут направлены в сторону определения типа его темперамента, эмоциональности, психического состояния и ассоциаций о событии, имевшем место, возникающих во время допроса. Выяснение названных данных позволит правильно оценить полученные показания, а также установить такие наложения в показаниях, которые возникли под влиянием

страха, сильного эмоционального воздействия и не несут в себе объективной информации о событии преступления.

Наряду с методом беседы для диагностики личности допрашиваемого может быть использован метод независимых характеристик, трансформированный для решения задач, возникающих при допросе. Этот метод предполагает соби́рание сведений о личности допрашиваемого у ряда лиц, контактирующих с ним в разных социальных отношениях и на различных уровнях связей (родственник, друг, сослуживец, сосед и т. п.). Следует отметить, что такое соби́рание сведений, осуществляемое в соответствии с рекомендациями криминалистики, предполагает выяснение данных, которые широко используются для установления психологического контакта, для избрания тактических приемов допроса и для оценки той информации, которая будет получена от допрашиваемого. В комплексе полученных данных о личности немалое место принадлежит сведениям, позволяющим составить его психологическую характеристику.

Метод независимых характеристик, предполагающий соби́рание сведений о личности, определенными путями может проявляться в трех формах. Наиболее целесообразными из них, эффективность которых определяется ситуацией, можно считать: а) получение сведений путем запросов о характеристике личности; б) получение сведений из материалов дела — показаний других лиц; в) получение сведений путем соби́рания их оперативно-розыскными органами негласно. Каждая из названных форм может быть избрана следователем в соответствии со степенью сложности предстоящего допроса и важностью информации, которая может быть получена. Сведения, полученные в результате применения этого метода, должны сопоставляться с непосредственным наблюдением и критически оцениваться. Следователь не должен быть в плену у тех сведений, которые он получит из других источников. Они могут иметь только ориентирующее значение.

Применение указанных ранее методов изолированно или во взаимосвязи позволяет диагностировать психологические характеристики лица и использовать их в различных направлениях организации допроса: 1) в установлении психологического контакта; 2) в определении си-

схемы тактических приемов допроса; 3) в определении характера и вида возможного и наиболее эффективного психологического воздействия; 4) в оценке полученной информации. Психологическая диагностика личности предполагает не отвлеченное исследование компонентов таких характеристик только названными методами, а оценку динамики психологических процессов, проявляющихся при осуществлении самого допроса. В зависимости от психической напряженности последнего (актуализация запечатленного, выявление ложных показаний, изобличение в совершении преступления) характер психических проявлений личности может быть различным. Поэтому в оценке психологической диагностики чрезвычайно важно установить, какие из раздражителей дают наибольшую эффективность, стимулируют лицо к даче показаний, а какие действуют негативно или бесполезны для получения информации по делу. Справедливо отмечает в этой связи И. А. Матусевич, что с учетом психических особенностей личности можно предвидеть поведение индивидуума в такой конфликтной ситуации, как допрос, то, как будет реагировать он на вопросы, и какие тактические приемы и методы к нему следует применять [см. 39, с. 73].

В советской психологической и криминалистической литературе есть интересные высказывания, относящиеся к использованию паралингвизмов в процессе расследования и в процессе допроса. Речь идет о жестах, мимике, телодвижениях, которые сопровождают речь человека и являются в известной мере отражением его состояния, настроения, отношения к чему-либо [см. 37, с. 176—177],

Так, в частности, Н. И. Смирнова отмечает, что паралингвистические явления несут разнообразную и богатую информацию о человеке и отражают не только его состояние, тип нервной системы, но и поведение в связи с избранной им социальной ролью [см. 54, с. 102—103]. Такие данные, несомненно, имеют значение для избрания тактических приемов допроса, определения его эффективности, хотя и не обладают доказательственной ценностью, выполняя функцию ориентации следователя.

В буржуазной психологической и криминалистической литературе существует целый ряд рекомендаций, связанных с предварительной диагностикой личности допрашиваемого в плане ее психологических характеристик. Среди

них такие, как метод наблюдения, охватывающий только оценки физиогномических характеристик, метод тестов, метод графологической пробы и др. Все эти рекомендации основаны на лженаучных критериях диагностики или вульгарном представлении о существующей зависимости между психическими проявлениями и их тестовым выражением. Так, например, физиогномический метод, рекомендуемый Ф. Майкснером, предполагает учет данных о физических характеристиках внешности (носа, бровей, глаз) и их соотношение с качествами и чертами характера, причем критерии определения последнего даны произвольно и не содержат научных сведений [см. 66, с. 109]. Сказанное в равной степени относится к методам тестов и графологической пробы.

Система психологических приемов, способствующих получению информации

Среди психологических приемов, способствующих осуществлению познания в процессе допроса, можно выделить следующие приемы: 1) способствующие актуализации в памяти запечатленного; 2) направленные на установление мотивации показаний; 3) помогающие изобличить виновного; 4) способствующие обнаружению лжи; 5) устраняющие конфликтные ситуации и способствующие установлению психологического контакта. В ходе допроса эти приемы трансформируются в тактические. Рассмотрим кратко сущность каждой группы названных приемов.

1. К этой группе относятся приемы, направленные на возбуждение ассоциативных связей, влекущих за собой воспоминание [см. 10, с. 128]. К таким приемам относится постановка напоминающих вопросов, психологической основой которых является стремление напомнить обстоятельства, способствующие возбуждению ассоциативных связей во всем их многообразии. Данные для напоминающих вопросов в процессе допроса следовательно получает из материалов дела, показаний других лиц, данных оперативно-розыскных органов. Напоминание не должно содержать в себе элементов наводящих вопросов, то есть передачи информации, содержащей в себе утверждения относительно сведений, о которых ожидаются показания.

Приемом, способствующим актуализации запечатленного, независимо от того, какой характер имеет запечатление (произвольное или непроизвольное запоминание), является также предъявление вещественных и оглашение письменных доказательств, способствующих возбуждению ассоциативных связей. Предъявлению таких доказательств должен предшествовать анализ даваемых показаний в плане их добровольности, стремления лица передать информацию о событии, а также в плане того, какое значение могут иметь те данные, которые предполагается использовать в качестве психологического приема.

К способам психологического воздействия, которые используются для актуализации показаний, следует отнести также и допрос на месте происшествия, имеющий целью активизацию воспоминаний в связи с повторным восприятием обстановки, в которой наблюдалось событие. Известно, что в этом случае облегчается задача установления таких факторов, которые возбуждают какой-либо из видов ассоциативных связей. Предполагается, что их комплекс, стимулируемый обстановкой допроса, дает эффект во всех случаях.

2. Психологические приемы, направленные на установление мотивации показаний, предполагают постановку серии вопросов, позволяющих определить мотивы, какими руководствуется лицо при даче показаний. Следует отметить, что определение мотивов показаний самым тесным образом связано с процессуальным положением допрашиваемого: мотивы показаний свидетеля, обвиняемого, потерпевшего существенно разнятся. Если обратиться в связи с этим к допросу обвиняемого, представляется возможным выделить несколько вероятных мотивов даваемых показаний, обладающих некоторой типичностью. В их числе можно назвать мотивы раскаяния, оговора, лжи, сокрытия определенных обстоятельств, связанных с личностью обвиняемого.

Обычно мотивация показаний обвиняемого проявляется при выслушивании его показаний. Однако не всегда показания лица, данные в процессе допроса, позволяют судить об их истинных мотивах. Нередко внешне искренние и свободно даваемые показания скрывают за собой хорошо продуманную позицию обвиняемого, имеющую целью оговорить другое лицо, отвлечь внимание следователя обстоятельствами, не имеющими существенного

значения для расследования. В подобных обстоятельствах установить истинные мотивы показаний сложно и пути их установления определяются, главным образом, сравнением информации, даваемой обвиняемым, с теми данными, которые установлены по делу и находятся в распоряжении следователя. Однако это сопоставление не всегда достаточно эффективно, так как иногда не дает возможности, пользуясь только наличной информацией, прийти к выводам, опровергающим показания. Нередко следователю приходится предпринимать ряд действий, направленных на дополнительное собирание данных, связанных с проверкой показаний.

3. Психологические приемы, способствующие изобличению виновного, заключаются в комплексе разнообразных способов оперирования информацией, находящейся в распоряжении следователя и содержащей данные о причастности лица к совершенному преступлению. Эта информация может быть различной по объему и своей доказательственной ценности. Источники ее получения также различны. Среди них можно выделить показания свидетелей, письменные доказательства, вещественные доказательства, заключения эксперта, показания других лиц, привлекаемых в качестве обвиняемых по делу. При возможном использовании информации, полученной из названных источников, перед следователем стоит задача не только досконального ее знания, но и такого продуманного использования, которое может оказаться наиболее эффективным. Время и последовательность использования изобличающей информации следует планировать, исходя из ее характера и возможного психологического воздействия. Такое планирование не может быть жестким, так как получаемая в процессе допроса информация влияет на осуществление ранее намеченного плана. Немалое значение в психологическом воздействии, влекущем за собой изобличение виновного, имеет и форма, в которой осуществляется оперирование изобличающей информацией. Такими наиболее употребляемыми формами могут быть: оглашение показаний, ознакомление с заключением эксперта, предъявление вещественного доказательства (показ с соответствующими пояснениями), ознакомление с документами, носящими изобличающий характер. Следователь должен в известной мере прогнозировать возможный эффект от предъявления изобличающей инфор-

мации и быть готовым к тому, что она не всегда может дать желаемый результат, в этих случаях следует использовать иные приемы или отказаться от попыток изобличить допрашиваемого [см. 22, с. 153].

4. Психологические приемы, способствующие обнаружению лжи в показаниях свидетеля или обвиняемого, трансформируются в систему тактических приемов допроса, связанных с постановкой уточняющих детализирующих и контрольных вопросов. Обнаружение лжи в показаниях обычно происходит при сопоставлении последних с версией расследования и системой доказательств, собранных по делу. Чрезвычайно редки случаи, когда ложь охватывает все пункты предмета допроса. Обычно ложные сообщения относятся к отдельным фактам и обстоятельствам и, как правило, связаны с позицией допрашиваемого, его отношением к лицам, привлекаемым в качестве обвиняемых, к своему собственному положению в деле, к исходу рассмотрения дела в суде. Поэтому обнаружить ложь можно только тогда, когда следователь достаточно подготовлен к допросу и ориентируется в имеющихся доказательствах. Отдельные авторы, исследуя психологические характеристики ложного высказывания, отмечают, что при порождении ложного высказывания нарушается последовательность высказываний, в речи допрашиваемого появляются паузы [см. 55, с. 1041]. Это указание имеет немалое значение для диагностики лжи следователем. Ложь, как указывалось ранее, наиболее часто имеет место при сообщении отдельных обстоятельств, поэтому важно при получении показаний сразу сопоставлять даваемую информацию с той, которая уже имеется. В этом случае постановка вопросов, направленных на детализацию сообщаемого, является одним из важных средств обнаружения лжи, которое может иметь место в процессе допроса, а также в процессе проверки сообщенных данных. В обнаружении лжи важное место принадлежит постановке контрольных вопросов, основанием для формулирования которых являются точные данные, имеющиеся по делу. Такие вопросы нарушают систему изложения, продуманную допрашиваемым, и позволяют выявить ложь в ходе допроса, основываясь на установлении противоречий в показаниях, не находящихся объяснения со стороны допрашиваемого. Постановка контрольных вопросов, связанных с уже установленными

по делу данными, способствует выявлению лжи, так как вызывает соглашение дополнительной информации, объективно отражающей сведения об устанавливаемом факте или обстоятельстве. Немалое значение в процессе установления лжи в показаниях имеет предъявление вещественной информации, особенно в тех случаях, когда она по своему характеру или причинному отношению к событию преступления противоречит даваемым показаниям [см. 29, с. 33]. В этом случае она разрушает продуманную допрашиваемым логику лжи и заставляет его искать новые объяснения или отказываться от сообщаемого, ввиду очевидной его несостоятельности.

Ложь, связанная с намерением освободиться от ответственности или смягчить участь, имеет свою психологию, предполагающую изложение или умолчание о тех или иных обстоятельствах, что создает определенный психологический настрой у следователя — веру в искренность показаний, в раскаяние, в невозможность совершения преступных действий определенным лицом, в оговор допрашиваемого со стороны свидетелей или обвиняемых. Продуманная позиция лгушего в отдельных случаях достигает цели. Остаются невыясненными отдельные обстоятельства, искажается перспектива установления истины по делу, подвергается сомнению доказанность определенных фактов. Поэтому установление лжи в показаниях и преодоление ее возможных последствий является одной из основных задач следователя в процессе допроса.

5. Психологические приемы, устраняющие конфликтные ситуации и способствующие установлению психологического контакта также способствуют получению информации в процессе допроса [см. 23, с. 71]. Этому благоприятствует определенный эмоциональный фон, который должен быть создан следователем как неотъемлемый компонент психологического контакта. Прежде всего такой фон создается стремлением объективно, беспристрастно выяснить все обстоятельства по делу; интересом к получаемой информации, благожелательным отношением к допрашиваемому лицу; ориентацией последнего на систему ценностей, представляющих общественную значимость, — борьба с преступностью, изобличение обвиняемого, раскаяние, как осознание и осуждение содеянного. Перечисленные ориентиры являются также и основанием для установления психологического контакта — такого уровня взаимо-

понимания, который создает возможность получения полной и объективной информации от допрашиваемого. В этом отношении известный интерес представляют исследования психологов по вопросу так называемого эмоционального контакта, как двустороннего отношения. При этом понимании контакта, наиболее общие и приемлемые характеристики которого могут быть перенесены в определение психологического контакта, устанавливаемого следователем, важно отметить такие его универсальные стороны, как ориентация на достоинства лица, с которым устанавливается контакт, понимание занимаемой им позиции [см. 40, с. 162—166]. Названные стороны контакта наиболее широко, по нашему мнению, обеспечивают его познавательные возможности.

Конфликтная ситуация возникает в тех случаях, когда интересы общающихся сторон не подчинены одной цели. Такая ситуация нередко имеет место в процессе допроса лиц, не желающих давать показания, искажающих в показаниях действительность, выдвигающих предположения, которые по своему характеру опровергают версию следователя. Как правильно отмечает Л. Я. Драпкин, мышление конфликтующих сторон подчиняется особым правилам, которые определяются «своеобразной логической структурой интеллектуального взаимодействия конфликтующих сторон, природа которого состоит в полной или частичной синхронности рассуждений соперников, взаимной имитации этих рассуждений и в возможности рефлексивного управления действиями другой стороны» [24, с. 73—74]. Рассматривая схемы рефлексивных управлений в конфликтных ситуациях, Л. Я. Драпкин указывает, что они основаны на каком-либо из называемых им принципов: доминирование над противником, превосходство противника, равенство сторон [см. 24, с. 74]. В установлении психологического контакта в конфликтной ситуации, несомненно, значительная роль принадлежит рефлексивному управлению, цель которого — установление контакта, а затем и получение информации от допрашиваемого. В зависимости от того, каково процессуальное положение допрашиваемого лица, а также мотивы, определяющие направленность даваемой им информации, установление психологического контакта нередко происходит в различные периоды допроса: в начале допроса при установлении личности допрашиваемого и уже в процессе

получения информации. Ключом к установлению психологического контакта является определение мотива даваемых показаний. Это позволяет во многих случаях понять психологическую настроенность допрашиваемого и направить ее в необходимое русло.

Способы оценки информации, полученной в процессе допроса

Оценка показаний, получаемых в процессе допроса, обычно происходит в двух направлениях: с точки зрения их соответствия объективной действительности и в плане доказательственного значения, т. е. их ценности, как доказательств, способствующих расследованию преступлений. Именно выяснение роли данных показаний в уголовно-процессуальном познании определяет познавательную функцию оценки доказательств, производимой следователем. Практическая реализация оценки, полученной в процессе допроса информации, находит свое выражение в применении таких методов, как сопоставление полученных данных с совокупностью доказательств, собранных по делу, и собирании дополнительных данных, используемых в целях проверки показаний. В тех случаях, когда в доказательствах, собранных следователем, есть данные, необходимые для сопоставления с полученной в допросе информацией, следователь избирает первый метод. Когда же данные, полученные в процессе допроса, по своему характеру новы или противоречат доказательствам, собранным по делу, наиболее целесообразно обратиться к методу дополнительного получения информации. Такое получение может происходить в процессуальном режиме отдельных следственных действий, характер и последовательность которых определяется теми данными, которые получены в процессе допроса. Формирование внутреннего убеждения следователя при оценке, полученной в процессе допроса информации, значительно облегчается тем, что в его распоряжении существует постепенно накапливаемая совокупность доказательств, определение места оцениваемого в которой позволяет прийти к правильным выводам.

§ 3. Обыск

Психология сокрытия. Рефлексивное управление

Обыск относится к числу следственных действий, психология которых нашла наиболее широкую разработку. В этом отношении значительный теоретический и практический интерес представляют работы А. Р. Ратинова, исследовавшего вопросы психологии обыска в новом оригинальном плане [48, 49]. Вместе с тем большое значение приобретает выяснение психологических закономерностей обыска в плане той познавательной функции, которую выполняет психология в организации следственной тактики вообще и тактики производства обыска в частности. Познавательная функция психологии в обыске проявляется в двух основных направлениях: в выяснении психологических закономерностей, которые составляют основу сокрытия тех или иных объектов, и в разработке и организации тактических приемов, направленных на оптимальное производство этого следственного действия. Рассмотрим каждое из них.

Познание психологии сокрытия заключается в обнаружении тех мыслительных построений, которые лежат в основе действий лица, прячущего объекты, подлежащие изъятию при обыске. Действительно, для того, чтобы обнаружить искомую вещь, необходимо проникнуть в психологию прячущего, которая подчинена определенным мыслительным стандартам, направленным на решение задач, связанных с сокрытием того или иного объекта. В общем комплексе этих задач главная роль принадлежит созданию субъективной недоступности вещи для лица, производящего обыск. Решение основной задачи зависит от решения других задач, из нее вытекающих. К ним относятся: а) задачи по избранию места сокрытия; б) по маскировке сокрытого; в) по избранию поведения, предшествующего обыску и сопровождающего его.

Задачи первой группы являются наиболее сложными, так как требуют напряжения интеллектуальных сил, направленных на избрание такого места, которое должно быть субъективно недоступным лицу, производящему обыск. Избрание такого места обычно ограничено местом проживания и территорией надворных построек, а сле-

довательно, довольно определенным числом возможностей для сокрытия. Их избрание и отнесение к числу объектов, которые могут быть использованы для сокрытия, зависят от размера, формы, вида, материала скрываемого. Поэтому решение задачи, связанной с сокрытием того или иного объекта, ограничено и не может выходить за рамки привычных представлений лиц о сокрытии. Именно это обстоятельство заставляет прячущего искать решение, которое выпадает из ряда обычных представлений или нарушает их. В этом плане задача сокрытия может решаться путем сооружения специальных тайников в местах, которые для этого могут быть легко приспособлены, или использования из числа подходящих объектов тех, которые менее всего могут привлечь внимание. Например, охотничье ружье, зашитое в перине, или иностранная валюта в бумажных купюрах, спрятанная в банки с топленым маслом или вареньем, которые помещаются в меньшие банки и ставятся внутрь банок, используемых для хранения.

При выборе места для сокрытия известная роль принадлежит субъективным представлениям лица относительно возможности сокрытия. Здесь определенная роль принадлежит представлению о надежности сокрытия, а значит, соображениям относительно соответствия скрываемого и места сокрытия. В избрании наиболее надежного места немалое значение имеют профессиональные навыки и знания лица, которые создают возможности для использования тех или иных мест, знакомых лицу в связи с его профессией. Эти места могут отличаться оригинальностью, поэтому известная ориентация на использование профессиональных наклонностей при отыскании сокрытого нередко требует от следователя углубленного представления об определенной профессии, а также консультаций со специалистами относительно того, какие данные профессиональных знаний могут быть использованы для сооружения тайников и т. п. Не следует также забывать и о вполне возможном результате рефлексивного мышления, связанного с уходом от использования профессиональных знаний, как таковых, которые могут прежде всего вызвать подозрение при поиске мест сокрытия.

После избрания места для сокрытия объекта решается задача по его маскировке. Иногда эта задача может быть

самостоятельной, а иногда и взаимосвязанной с предыдущей. Во втором случае место для сокрытия, по мнению прячущего лица, содержит необходимые маскировочные данные и не нуждается в их дополнительном создании. Маскировка обычно сопровождается постановкой в определенном месте дополнительных предметов (кресла на ту часть паркета, где спрятана вещь, вазы на тумбу, ящик которой использован для сокрытия, и т. п.). Однако в процессе сокрытия иногда используются квази-маскировки, состоящие в открытом выставлении вещей, как не представляющих интереса для обыскивающих. В этом случае предметы, которые должны быть скрыты, помещаются на видных местах. Такая маскировка психологически направлена па дезориентацию внимания ищущего, который в силу естественной установки на отыскание сокрытого не предполагает того, что оно не является спрятанным, и в этом отношении не требует поисков. Названный тип маскировки известен в следственной практике и криминалистической литературе и рассматривается обычно как чрезвычайно остроумное решение задачи сокрытия. Психологически такое решение создает дополнительную оборонительную позицию для обыскиваемого.

При маскировке места сокрытия одной из задач обыскиваемого является создание на месте естественного расположения вещей, которое не может привлечь внимания, а значит, и вызвать подозрений. Однако такое стремление нередко в психологическом отношении бывает гиперболизировано и поэтому влечет за собой чрезмерное маскировочное сооружение, которое привлекает внимание обыскивающего. Такие случаи довольно часты и находятся в прямой зависимости от страха обнаружения, а следовательно — разоблачения.

Наряду с перечисленными рапео задачами обыскиваемый решает задачи по избранию поведения, предшествующего обыску и сопровождающего последний. Избрание поведения, предшествующего возможному обыску, обычно продиктовано тем, что лицо обладает предметами, свидетельствующими о его преступной деятельности. Маскировка совершенного преступления своим естественным продолжением имеет избрание поведения, маскирующего отношение к преступному событию. Так, поведением, маскирующим крупные хищения, будет подчеркнутая

скромность в одежде и обстановке квартиры, доведенная в отдельных случаях до имитации недостатка материальных средств. Поведением, маскирующим отношение к убийству, будет подчеркнутое внимание к близким потерпевшего, излишняя эмоциональность в выражении возмущения преступлением и др. В тех случаях, когда совершено убийство близких, маскировка поведения состоит в подчеркнутой скорби об утраченном, в чрезмерно активной деятельности, связанной с обнаружением преступника, и т. п.

Маскировочное поведение может быть связано с деятельностью преступника, отвлекающей внимание от скрытого объекта. Так, в одном случае сокрытие частей расчлененного трупа в саду в двух ямах маскировалось рытьем целого ряда ям в саду. Распросы соседей в этом отношении удовлетворялись объяснением необходимости подготовки почвы (ям) для посадки в будущем году плодовых деревьев. Впоследствии такое маскировочное поведение значительный период времени отвлекало следователя и оперативно-розыскных работников, получивших информацию о том, что ямы в саду были вырыты, но это было обычной подготовкой к посадке плодовых деревьев.

Поведение, маскирующее сокрытие, может относиться не только к периоду, предшествующему возможному намерению отыскать объект, но и к периоду производства обыска. Несмотря на то что обыскиваемый предполагает, что такое действие может иметь место, его производство всегда таит в себе неожиданность. Поэтому выработанная заранее программа поведения при обыске корректируется обстоятельствами и условиями последнего. Сложность определения обыскиваемым линии поведения заранее затруднена и тем, что он не знает, какой характер примет обыск, как будет вести себя лицо, производящее его. Во всех случаях обыскиваемый имеет одну, главную цель: своим поведением не выдать места сокрытия искомого.

Маскировка поведения обыскиваемого может происходить в двух формах: пассивной и активной. Пассивная форма обычно предполагает избрание поведения, исключая контакты с обыскивающим,— молчание, односложные ответы на вопросы, нахождение в одном месте и т. п. Вторая форма поведения направлена на имитацию активного вмешательства и помощи следователю при обыске, создание ситуации, свидетельствующей об отсут-

ствии искомого. Такое поведение обычно содержит в себе элементы услужливости и стремления (неискренного) во всем облегчить работу следователя, связанную с производством обыска. Для такого поведения наиболее характерным является создание отвлекающих внимание следователя моментов: отвлекающих бесед, постановки вопросов, обращения внимания на необходимость обыска отдельных помещений или предметов обстановки и т. п. Нередко отвлекающие маневры содержат в себе заранее продуманные инсценировки: обморочного состояния, истерики у кого-либо из членов семьи, внезапного заболевания и др. Следователю, производящему обыск, важно найти правильную линию собственного поведения в данный период, не нарушающую целенаправленность в производстве обыска.

Большое внимание следователь должен уделять произвольной и непроизвольной реакции обыскиваемого на раздражители, комплекс которых содержится в поведении следователя. Непроизвольные реакции на раздражитель, определяемые психологией как не регулируемые волей человека и внешне выражающиеся в покраснении или побледнении кожи лица, дрожании рук, заикании, учащенном дыхании, выступают пота и т. п., скрыть практически невозможно, поэтому способы их маскировки относятся, по всей вероятности, к такой тренировке воли, которая позволяет лицу, подвергнутому воздействию раздражителя, внешне оставаться безучастным. Что же касается другого вида реакций, состоящих в своем внешнем проявлении — в потирании рук, покашливании, почесывании лица, покусывании карандаша и т. п., то они могут регулироваться усилием воли, а следовательно, и скрываться от следователя в тех случаях, когда могут выдать волнение, вызванное действием раздражителя. Маскировка такого рода реакций обычно состоит во внутреннем отвлечении внимания от происходящего факта. Внешне такая маскировка возможных реакций состоит в излишней сосредоточенности, заторможенности движений и речи, обдумывании ответов на вопросы и т. д.

Следует отметить, что реакция на тот или иной раздражитель не всегда является адекватной, то есть проявление произвольных и непроизвольных реакций в определенных ситуациях не является точным указателем места сокрытия объекта. Реакции могут быть вызваны

другими обстоятельствами, сопутствующими раздражителю, или ассоциативными связями, вызванными данным раздражителем. Поэтому, проверяя действие раздражителя и оценивая реакцию, следователь должен учитывать это обстоятельство.

Раздражители, которые могут использоваться при обыске, носят словесное выражение и по своему характеру могут быть самыми разнообразными. Они содержат в себе указание на знание о сокрытии обыскиваемым лицом определенных вещей или ценностей, на уверенность следователя в отыскании сокрытого. Некоторые из них предполагают сообщение данных, которые косвенно указывают на осведомленность следователя о нахождении у обыскиваемого искомого, а также содержат элементы убеждения относительно необходимости обыскиваемому самому выдать спрятанное и т. п. Действия следователя, связанные с производством обыска, обращение внимания на отдельные предметы обстановки, их расположение, ориентация в обстановке квартиры также носят характер раздражителя. Это следует учитывать при оценке его воздействия на обыскиваемого и присутствующих при обыске. В одном случае жена обыскиваемого, видя, что следователь при обыске все время обращается взглядом к платяному шкафу, не выдержала и, открыв шкаф, сказала: «Берите, ведь и так знаете, что они здесь». Речь шла о пистолетах, которые были похищены из склада воинской части.

В настоящее время рекомендации относительно важности и значения раздражителей носят характер скорее эмпирический, чем теоретический, исключая отдельные разработки по части «словесной разведки» [4, с. 122]. Между тем, определение системы раздражителей, которые могут быть использованы для проявления психологических показателей о возможном месте сокрытия объектов, существенно бы пополнило арсенал тактических приемов производства обыска.

В зависимости от характера раздражителя его психологическая основа может быть различной. Так, раздражитель, не связанный со словесным выражением, как в примере, приведенном ранее, своей психологической основой имеет создание убеждения в том, что следователь подозревает или точно знает место сокрытия искомого. Совпадение якобы подозреваемого места с действительным местом сокрытия сообщает значительный резонанс воз-

действию, и обыскиваемый в подобных случаях часто не выдерживает напряжения и сообщает, где сокрыто иско-мое, или своим пассивным поведением, свидетельствующим об утрате надежд на безуспешность обыска, показы-вает правильность ориентации следователя.

Регистрация реакций обыскиваемого производится следователем на основании личных представлений, обобщающих житейский опыт, относительно взаимосвязи внутреннего психологического состояния лица и его по-ведения вовне. Такая регистрация носит субъективный характер, и это естественно, так как в названных преде-лах она соответствует требованиям поиска. В настоящее время в криминалистической литературе высказываются предложения о необходимости «конструирования и исполь-зования при обысках приборов психологического поиска» [45, с. 38]. Авторы не разъясняют этой терминологии, но речь идет о создании приборов, регистрирующих пси-хо-физиологические реакции обыскиваемого в процессе производства обыска. Познавательная сущность таких приборов отличается от оценки и регистрации поведения лица следователем диапазоном характеристик, которые могут показывать датчики. Среди них такие, как кровя-ное давление, частота дыхания и т. п. Такой прибор по своей сущности может представлять собой разновидность лайдетектора, используемого в процессе обыска. Эти предложения представляются несостоятельными по двум причинам. Первой из них является то, что состояние обыскиваемого в плане психо-физиологических реакций неадекватно отражает зависимость между приближением следователя к сокрытому и отношением обыскиваемого к этому, а следовательно, не может быть каким-либо показателем, выполняя роль только возможного ориента-тора. Вторым моментом, исключающим возможность применения подобных приборов, является отсутствие правового режима, в котором они могут применяться в отношении личности. По сущности их применения они должны выступать в режиме судебно-психологической экспертизы, а ее предмет не охватывает установление подобных психологических состояний, так как не имеет для них научно-обоснованных критериев. Именно поэтому нам представляется нецелесообразным конструирование и применение подобных приборов, использование которых,

помимо всего, отягощено социальными последствиями / психологического воздействия.

Перейдем теперь к рассмотрению рефлексивного управления. Это управление как имитация мышления другого лица и избрание в связи с этим направления своих действий имеет место во многих сферах человеческой деятельности, в том числе и связанной с совершением преступления. Сокрытие тех или иных предметов, вызванное предположением или уверенностью в том, что они будут объектами производимого обыска, является следствием совершенного преступления и предполагает мыслительную деятельность, направленную на избрание таких мест сокрытия, которые менее всего доступны для обнаружения лицами, производящими обыск. Это предполагает учет не только собственных возможностей, но и возможностей круга лиц, которые будут осуществлять предполагаемый обыск. В этом отношении прячущее лицо не имеет перед собой противника, который противопоставил бы ему собственную тактику розыска, и поэтому его мыслительная деятельность за другого (имитация), основанная на общих представлениях об опыте и проницательности лица, производящего обыск, носит неопределенный характер. Сложность рефлексивного мышления, а следовательно, и управления состоит в том, что прячущий, не зная конкретного противника и не видя его противодействия, обращает свое управление в будущее и поэтому не может взвесить все, что может иметь место в процессе обыска. Кроме того, схема сокрытия в плане рефлексивного управления является жесткой, статической. Во время, предшествующее обыску, предмет может быть перемещен в другое место, однако в процессе обыска прячущий теряет функцию управления, так как не в состоянии избирать варианты для сокрытия. Путь сокрытия уже избран, и рефлексивное управление может касаться только моментов, направленных "на отвлечение внимания, на создание оснований для ложных следственных розыскных версий, на эмоциональное воздействие, препятствующее решению задач поиска.

Каким же образом складывается схема сокрытия? Прежде всего прячущий определяет все те места, которые могут, по представлению обыскивающего, служить для сокрытия. Места из числа используемых для сокрытия исключаются и продумываются такие, которые требуют

больших интеллектуальных усилий для обнаружения. В смысле психологической напряженности этот этап подготовки к отысканию места сокрытия является самым сложным. Именно здесь решаются мыслительные задачи на отыскание, различных вариантов сокрытия, рассчитанных на субъективную недоступность объекта. В этой стадии нередко обращаются к созданию тайников, к покупке дополнительной мебели, к постройке хозяйственных объектов, возведение которых не вызвано необходимостью. Иногда напряженный поиск места для сокрытия рождает мысль о возможности открытого выставления искомого объекта как своеобразного опровержения всех поисковых версий и усилий обыскивающего. В этом случае рефлексивное управление направлено на создание особого напряжения у обыскивающего, напряжения, лишённого смысла и обесценивающего лицо, производящее обыск. В процессе поиска места для сокрытия прячущий производит определенные разведывательные действия, направленные на выяснение тактических особенностей производимых обысков. В этом отношении он может получить определенные сведения от лиц, подвергшихся обыску, читать криминалистическую литературу, обобщать данные просмотренных кинофильмов и т. п. Полученный материал является для прячущего дополнительным средством рефлексивного управления неопределенным обыскивающим лицом. В процессе сокрытия того или иного объекта имеет место как бы односторонняя рефлексия, осуществляемая прячущим относительно субъекта, управлять мышлением которого можно только в своем воображении. Следовательно, динамика рефлексии полностью сосредоточена на стороне прячущего. Отсутствие рефлексии второго субъекта, осуществляющего действие, не позволяет со всей полнотой предвидеть все возможные варианты поведения обыскивающего, и в этом отношении создает естественные пробелы в мышлении прячущего, а значит, и в деятельности по сокрытию. Именно это обстоятельство во многих случаях служит причиной промахов в сокрытии, которые могут быть использованы ищущим. Следовательно очень важно знать, что о его возможных действиях, связанных с отысканием сокрытого, строятся предположения с целью избрания места для маскировки искомого.

Психология обнаружения. Розыскные версии

Залогом успеха каждого обыска является его тщательная подготовка, которая охватывает два периода — информационный и интеллектуальный. Первый предполагает сбор информации об обыскиваемом, причем информации самого широкого плана, второй — выдвижение версий, имеющих в своей основе рефлексивное управление.

Сбор информации в свою очередь предполагает два направления деятельности: собирание сведений относительно помещения: его расположения, особенностей, подступов, входа, выхода, а также убранства; собирание сведений относительно личности, подлежащей обыску, создающих представление о лице в плане оценок его профессиональных и интеллектуальных черт, которые могут быть использованы для сокрытия искомых объектов.

Нередко в практике расследования не придают значения сбору информации о помещении, полагая, что такое ознакомление может произойти в процессе обыска. Однако необходимо всегда помнить о том, что собирание информации о помещении является одним из необходимых условий успешной организации обыска, так как дает возможность получить сведения самого различного порядка, которые не только помогают будущей ориентации на месте производства обыска, но и создают необходимые предпосылки для выдвижения розыскных версий. Кроме того, предварительное получение необходимой информации о помещении способствует экономии времени и сил следователя, обеспечивает в известной мере его готовность к обыску, сокращает время, необходимое для ориентации на месте. Пути для получения такой информации могут быть действия следователя по получению планов помещений из коммунальных отделов райисполкома, а также сбор необходимой информации путем поручений оперативно-розыскным органам, содержащих конкретные задания относительно сведений, интересующих следователя. Изучение планов помещения, а также материалов, полученных от оперативно-розыскных органов, является первым этапом, который позволяет следователю начать составление модели будущего обыска. Такое изучение формирует представление следователя не только об общей картине места обыска, но и о возможном его направлении

и последовательности, поисков, которые избираются как наиболее целесообразные в конкретных условиях. Информация от оперативно-розыскных органов может заключаться в фотоснимках помещения (его внешнего и внутреннего вида), данных о приобретении мебели, о ее замене и починке и т. п., а также в сведениях о ремонте помещения, его переустройстве и изменениях, которые не значатся в планах, содержащихся в коммунальных отделах. Естественно, что все приведенные данные не заменят личных впечатлений следователя, которые он получает по прибытии на место. Однако они во многом облегчат его работу, связанную с производством обыска. Ориентация в обстановке предстоящего обыска немислима без получения данных о личности, которая, как предполагается, осуществила сокрытие объектов. Общечеловеческие представления и обобщение следственной практики свидетельствуют о существовании известной зависимости между профессиональными, этическими, интеллектуальными характеристиками личности и избранием места сокрытия того или иного объекта. Поэтому их изучение, разумеется, в пределах, определяемых интересами отыскания сокрытого, имеет большое значение, хотя и представляет известную сложность¹.

Выяснение данных о личности в плане тех характеристик, которые имеют значение для обыска, заключается в сборе информации относительно следующего: а) профессии лица, б) его привычек и наклонностей, в) увлечений, г) круга друзей и родственников, д) симпатий и антипатий, е) возможностей сокрытия объектов поиска в служебном и иного рода помещениях. Определенная часть названных сведений может быть получена следователем лично, другая же часть — в результате выполнения поручений оперативно-розыскными работниками. Полученная информация должна быть проанализирована и критически оценена в плане ее возможного использования.

В практике бывают случаи пренебрежительного отношения следователей к подготовке обыска, что объясняется в отдельных случаях недостатком времени, а чаще — уве-

¹ Такие зависимости исследовались Ф. В. Глазтриным в плане соотношения характеристик личности и избрания мест и способов сокрытия следов и орудий преступления [см. 13, с. 26—27].

ренностью в своем профессиональном опыте, личной интуиции, быстром решении мыслительных задач, связанных с отысканием сокрытого на месте. Между тем, обобщение практики свидетельствует о крайне низкой результативности при производстве обысков. Из общего числа действий, производимых следователем, производство обысков дает самые низкие показатели относительно получения доказательственной информации. Правильным представляется указание проф. В. И. Попова о том, что следует считать обязательным заблаговременный сбор информации о чертах характера обыскиваемых, в частности о степени самообладания, об уровне их культуры, интересах, вкусах, привычках, увлечениях, распорядке жизни в семье, о том, кто из членов семьи может знать о расположении тайника и т. п. Такие сведения, как отмечает В. И. Попов, «позволят следователю проникать в психологию обыскиваемых и, улавливая суть их мышления, моделировать сооружение обыскиваемыми тайников, проверив затем свои предположения в конкретной обстановке обыска» [45, с. 39].

Если рассматривать производство обыска в плане его психологической сущности, можно придти к выводу о существовании определенной триады, где все составляющие элементы взаимосвязаны. Так, первым из них является сбор информации об обыскиваемом, создающий основу для рефлексивного мышления, вторым элементом является рефлексивное управление, предполагающее оценку собранной информации и определение возможных мест сокрытия искомого, и третьим элементом является выдвижение розыскных версий как результата рефлексивного управления, дающего основание для построения обоснованного предположения.

Представляет интерес рассмотрение второго элемента, определяемого как рефлексивное управление. Прежде всего важно отметить, что этот элемент отличается преимущественной мыслительной характеристикой и протекает по схеме имитации мыслительного процесса обыскиваемого, основывающейся на полученной информации о его личностных показателях. Рефлексивное управление носит двойственный характер: опосредствованного управления и непосредственного. Введение такой терминологии, по нашему представлению, объясняется факторами опосредствованного и непосредственного контактов с

обыскиваемым лицом. Опосредствованное рефлексивное управление имеет место до производства обыска и состоит в избрании его направлений в связи с определением некоторого комплекса возможных мест сокрытия искомого. Следовательно в этот период не знает воочию места предстоящего обыска и в зависимости от следственной ситуации может не знать и самой личности обыскиваемого в ее непосредственных проявлениях. Именно поэтому рефлексивное управление в этот период опосредствовано имеющейся неполной информацией и отсутствием личных контактов с обыскиваемым (по поводу действий, связанных с производством обыска). Этим объясняется известная неопределенность рефлексии в данный период. Однако даже неполная информация об объекте предстоящего обыска и о личности обыскиваемого позволяет решать мыслительные задачи, имеющие характер «креативного поля» [16, с. 131, т. е. задачи, обладающие творческим характером. Основанием для такого творчества является проблемность ситуации, которая создается предстоящим обыском: отсутствие точного знания о конкретном предмете обыска, малая осведомленность о личности обыскиваемого, неопределенные представления о возможных местах сокрытия. Далеко не всегда такая творческая задача может быть решена в этот период рефлексивного управления, но даже то обстоятельство, что осуществляется поиск решения, в известной мере обеспечивает успех производства обыска, делает его более экономным в организационном плане.

В самом процессе производства обыска имеет место другой вариант рефлексивного управления, обозначаемый как непосредственное рефлексивное управление. Действительно, в процессе обыска рефлексивное управление приобретает иной смысл, дополняемый, с одной стороны, наличествующей обстановкой и возможностью немедленно проверить возникающие версии, с другой стороны — поведением обыскиваемого и суммой реакций его и окружающих на действия обыскивающего. В обстановке обыска рефлексивное управление изменяет свой временной режим, так как осуществляется чрезвычайно быстро, порой даже стремительно. Кроме того, изменяется и сам характер управления, оно в известной мере становится односторонним. Обыскиваемый сделал все, чтобы скрыть искомое, а следовательно, имитируя его мышление и деятельность.

стремится решить задачу поиска. Свою функцию управления, состоящую в противодействии, обыскиваемый не может более развернуть, так как не имеет возможности изменить место расположения сокрытого. Значит, выполнение его функции управления происходит только по линии отвлекающих маневров или поведения, маскирующего отношение к розыскным действиям, то есть приобретает пассивный характер.

Рефлексивное мышление подготавливает рождение розыскной версии. Если рефлексивное мышление в своей сущности означает поиск путей решения задач по обнаружению места сокрытия объекта, то розыскная версия представляет собой обобщение мыслительной деятельности по обнаружению и выражает сформулированное предположение о месте сокрытия искомого. Розыскная версия носит определенный и лаконичный характер, что зависит главным образом от объема знаний относительно скрываемого объекта: пистолета, ножа, бриллиантов, наркотиков, окровавленной одежды, частей трупа и т. д. Чем более точно установлен предмет обыска, тем лаконичнее и определеннее будет розыскная версия. Определенность разыскиваемого объекта во многом обуславливает и характер рефлексивного мышления, избавляя следователя от излишних предположений, мешающих целенаправленной работе ума. Поэтому одной из важных в практическом отношении рекомендаций является получение наиболее исчерпывающей информации о характере и индивидуальных качествах разыскиваемого объекта. Решение этой задачи во многом облегчит мыслительную деятельность следователя, связанную с построением розыскных версий, и тем самым будет способствовать успешному производству обыска.

Розыскная версия, проверка которой начинается в процессе производства обыска (и которая может быть построена в ходе обыска), носит весьма динамичный характер. Она обусловлена информацией, получаемой во время обыска, и поэтому может меняться в самой своей сущности. Опровержение версии вследствие необнаружения искомого не должно смущать следователя, психологически он должен быть подготовлен к такому исходу и продолжать обыск, строя новые розыскные версии. Именно при отрицательном результате поиска следователю рекомендуется наблюдать за реакцией обыскиваемых: радость,

вздых облегчения, скептические ухмылки и т. п. являются показателями того, что объект обыска на месте, но тщательно замаскирован. В этом случае следователь должен активизировать свои усилия.

Большое значение при производстве обыска имеет наблюдательность следвателя и ее избирательный характер. Наблюдательность предполагает широкую фиксацию в мышлении всех обстоятельств и обстановки производства обыска. Прибывая к месту обыска, следователь активно воспринимает его обстановку: расположение квартиры, ее убранство, число входов, выходов, время производства ремонта, состояние стен, полов, уровень загроможденности помещения мебелью и т. д. Однако наблюдательность не должна носить пассивного характера, то есть обычного бесцельного восприятия и запечатления обстановки, а должна быть подчинена направленной деятельности следвателя, связанной с предстоящим отысканием сокрытого, и иметь избирательный характер. Следователь воспринимает все окружающее с позиций его возможного использования для сокрытия объекта обыска, и поэтому при знании признаков отыскиваемого часть предметов обстановки сразу же исключается из числа подлежащих обыску как не обладающих необходимыми свойствами для сокрытия. Остальные же предметы оцениваются с точки зрения возможного использования в качестве тайников. Наблюдательность следвателя распространяется не только на обстановку помещения, но и на поведение лиц, находящихся в нем. Их поведение интересует следвателя не вообще, а в связи с конкретными реакциями на его действия и слова (вопросы, замечания, обращения). Избирательность в этом отношении обращена на те реакции обыскиваемых, которые, как предполагает следователь, являются результатом его действий. Нужно не только фиксировать реакцию, по и оценивать ее с точки зрения возможного определения места сокрытия искомого. Наблюдательность должна быть направлена на дифференциацию реакций обыскиваемого как адекватных раздражителю, так и инсценирующих то или иное состояние обыскиваемого. Это довольно трудный процесс, который зависит от опыта следвателя, его общежитических и научно-психологических представлений о характере реакции на раздражитель. Именно на этом

этапе производства обыска знание и использование закономерностей психологической деятельности человека во многом обуславливает успех обыска.

§ 4. Психология предъявления для опознания

Психологические закономерности восприятия внешности человека, предметов

Предъявление для опознания как одно из отдельных следственных действий, получивших достаточно подробную правовую регламентацию, не исследовано еще в полной мере в плане психологических закономерностей, лежащих в его основе. Исторические предпосылки его формирования в качестве самостоятельного следственного действия (длительное обоснование правомерности и необходимости введения как действия, влекущего получение доказательственной информации) обусловили главное направление исследования его процессуальных и тактических основ. Психологические же моменты, определяющие идентификационную сущность процесса опознания, а следовательно, и систему тактических приемов его производства и оценки результатов, до настоящего времени в криминалистической литературе представлены фрагментарно.

Если обратиться к процессу опознания, нашедшему свою регламентацию в уголовно-процессуальном законодательстве, то он может быть представлен в виде схемы, объединяющей его развитие и сущность. Схема включает в себя три главных элемента: а) восприятие внешности человека или признаков какого-либо объекта, б) сообщение о приметах внешности или признаках воспринятых объектов, в) опознание воспринятых объектов в числе предъявленных. В своих психологических характеристиках каждый из названных элементов обладает спецификой, проистекающей из их сущности. Анализ психологических характеристик первых двух элементов схемы, как это видно из их наименования, предполагает исследование вопросов восприятия внешности человека или

восприятия признаков иных объектов, а также сообщение о воспринятом в процессе допроса, предшествующего опознанию.

В психологической [28, 36], и криминалистической [25, 49] литературе достаточно четко определены две формы восприятия объектов, существенно влияющих на процесс последующего опознания. Первая из них по своей сущности является аналитической, т. е. предполагает восприятие, при котором выделяются (анализируются) отдельные приметы внешности и признаки предметов. Например: цвет глаз, форма носа, цвет волос, особые приметы и т. п. Вторая форма является по своей сущности и психологическим характеристикам синтетической, предполагающей восприятие объекта в целом без выделения отдельных признаков. Такой психологически скрытый процесс синтеза признаков внешности, который позволяет в один момент воспринять внешность человека или объект, представляет значительный интерес в плане возможности использования его результатов для расследования преступления. Скептическое отношение к этой форме восприятия, продиктованное требованиями о необходимости конкретизации признаков воспринимаемого, в целях проверки и оценки достоверности опознания в настоящее время опровергается экспериментальной психологией, доказавшей равнозначность двух форм восприятия объектов в плане адекватности запечатленного и возможностей точного узнавания впоследствии.

Наряду с двумя ранее названными формами восприятия в психологии различают и третью форму, носящую смешанный аналитико-синтетический характер. Эта форма восприятия в процессе сообщения информации может диагностироваться по таким данным, как выборочное сообщение отдельных признаков наряду с синтетическим (скрытым, не поддающимся выделению и анализу) восприятием иных признаков. Знание всего сказанного чрезвычайно важно при диагностике формы восприятия в процессе допроса. Установление формы (аналитической или синтетической) влечет за собой соответственно различную тактику допроса, которая в первом случае будет иметь характер фиксации получаемой информации и ее уточнение, а во втором — системы приемов, позволяющих возбудить ассоциативные связи, способствующие оживлению в памяти отдельных моментов, связанных с восприя-

тием [см. 28, с. 36]. В понятийном аппарате психологии формирование образа при восприятии в зависимости от специфики типов такого формирования носит наименование сукцессивного и симультанного, то есть соответственно аналитического и синтетического, причем последнее особенно подчеркивает одномоментность в формировании образа при восприятии [см. 60, с. 5].

Правильность и полнота восприятия зависит от субъективных и объективных факторов. Этой закономерности подчинены все типы восприятия независимо от их специфики. Последняя как бы определяет индивидуальную принадлежность к типу восприятия, между тем как система субъективных и объективных факторов носит характер общей зависимости. Определение правильности и полноты восприятия при сообщении той или иной информации немыслимо без учета указанных факторов, сопутствующих восприятию. Именно определение условий восприятия и состояния субъекта в этот момент позволяют правильно оценить информацию с точки зрения адекватности действительности. Рассмотрим более детально факторы, влияющие на правильность восприятия. К системе субъективных факторов относятся такие, как психическое состояние человека в момент восприятия (волнение, страх), направленность внимания, продолжительность восприятия, физическое состояние (боль, недомогание), состояние органов чувств избирательно к воспринимаемому (зрительное, слуховое, осязательное восприятие). Среди перечисленных факторов нет более или менее важных, каждый из них соответственно своему месту и значению в конкретном восприятии выполняет роль, обуславливающую в определенной мере правильность и полноту восприятия. Нередко названные факторы действуют в комплексе, поэтому не всегда можно установить влияние каждого из них и сделать соответствующую на него поправку при оценке полученной информации о воспринятом.

Рассмотрим влияние субъективных факторов на восприятие более детально. Состояние психики в момент восприятия существенно влияет на объем и полноту воспринятого, что определяется тем, является ли воспринимающий участником события или наблюдателем. Состояние психики также во многом определяется характером события, степенью эмоционального впечатления. Так, на-

пример, событие, связанное с разбойным нападением, хулиганскими действиями по-разному в эмоциональном плане оказывает воздействие на потерпевшего и свидетеля, так как первый является участником события. Чувство волнения, страха, вызванное событием, значительно субъективизирует воспринятое не только в смысле существенного преувеличения, но и утраты информации, относящейся к восприятию внешности. Объясняется это обстоятельство двумя факторами. С одной стороны, чувством страха, которое заставляет воспринимать событие, как более значительное, чем оно существует в действительности (напала большая группа — в действительности три человека; были вооружены пистолетами — в действительности один имел нож; напали с криком и угрозами — в действительности не было произнесено ни слова и т. п.). С другой стороны — направленностью внимания. В связи с чувством страха внешность также воспринимается гиперболически. Рост становится большим (огромным), глаза — сверкающими, черные волосы — рыжими и т. п. В данном случае может иметь место подмена истинно воспринимаемого стереотипными представлениями о нападающем разбойнике. Это чрезвычайно важно учитывать в процессе допроса потерпевшего при установлении примет внешности нападавшего. В этом случае свидетель может дать информацию о внешности преступника значительно более объективную, что объясняется его эмоциональным состоянием, позволяющим более точно фиксировать внимание на воспринятом.

Как отмечалось ранее, при восприятии (особенно потерпевшим) внешности преступника может происходить не только гиперболизация ее, но и утрата относящейся к ней информации. Это объясняется перераспределением внимания при восприятии. Наибольшее эмоциональное влияние на потерпевшего оказывает момент действия преступника (преступников), связанный с насилием. Поэтому внимание главным образом сосредоточивается на деятельности, а не на внешности участников воспринимаемого события. Часто именно этим объясняются достаточно полные показания относительно события и крайне скудные — относительно внешности. Быстрота осуществляемых действий не позволяет сосредоточить внимание на отдельных обстоятельствах, поэтому все внимание, как правило, сосредоточено на быстро протекающем дей-

• ствии, а не на внешности человека или людей, его совершающих. Получаемая в этих случаях информация может содержать объективные данные, касающиеся отдельных примет внешности или одежды, полнотой же она отличаться не будет. Что же касается восприятия внешности свидетелем, то уровень его восприятия может быть выше, чем у потерпевшего, как ввиду меньшего эмоционального воздействия, так и ввиду того, что внимание, распределяемое при восприятии, обладает в этом случае известной равномерностью, определяющей достаточно ровный характер воспринятого.

Значительную роль в определении полноты воспринятого играет направленность внимания, от которой зависит степень адекватности воспринятого. Направленность внимания свидетеля определяется интересом к воспринимаемому, а также соотношением интереса и его собственного состояния, мыслей и т. п. Известное совпадение предмета размышления и воспринимаемого делает последнее более детальным. Интерес, определяющий направленность внимания, способствует полноте и детальности восприятия. Поэтому нередко информация о воспринятом при направленности внимания обладает подробностями, вызывающими сомнение в их подлинности.

Большое значение для полноты восприятия имеет его продолжительность, то есть объективное время, в течение которого оно происходит. Соотношение полноты восприятия и времени всегда находится в прямой зависимости: чем длительное время восприятия, тем большее количество информации воспринимается. При этом, конечно, большая роль принадлежит направленности внимания, так как при отсутствии последней восприятие от продолжительности не выигрывает. В связи с этим при выяснении объема, воспринятого на допросе, важное значение принадлежит выяснению как продолжительности наблюдения, так и направленности внимания. Обычно событие преступления продолжается относительно короткий промежуток времени, поэтому длительность наблюдения (восприятия) ограничена естественными временными пределами. При допросе важно выяснить продолжительность события, которое обычно равно продолжительности восприятия.

Полнота и правильность воспринятого зависит от физического состояния лица (недомогания, боли), возникшего как в момент восприятия, так и существующего

определенный период. Несомненно в данном случае то, что плохое состояние отрицательно влияет на полноту восприятия, так как болевые ощущения отвлекают внимание. Однако последнее вовсе не исключает возможности восприятия со стороны субъекта. Отрицательно влияют на восприятие также и болевые ощущения у потерпевшего[^] возникающие в связи с преступным посягательством.

Степень восприятия во многом зависит от таких субъективных факторов, как состояние органов чувств; воспринимающего, главным образом от недостатка функций последних, таких, как плохое зрение, слух, обоняние и т. п. Ошибки в восприятии, связанные с этим, могут давать неправильную информацию о воспринятом. Поэтому при получении информации в тех случаях, когда показания вызывают сомнение в отношении их правильности, следует выяснить состояние органов чувств свидетеля или потерпевшего во время происшествия. В плане опознания решающая роль принадлежит таким органам чувств, как зрение и слух, так как именно они выполняют главную функцию в восприятии внешности человека и признаков других объектов, которые впоследствии могут быть предъявлены для опознания.

Правильность восприятия, как указывалось ранее, определяется не только субъективными, но и рядом объективных факторов. К ним относятся факторы, традиционно выделяемые общей психологией, как влияющие на ход и полноту восприятия. Среди них — освещенность воспринимаемого объекта, расстояние, на котором происходит наблюдение, погода, время протекания события. Зависимость восприятия от этих факторов очевидна и не требует детального рассмотрения, она находится в естественном соотношении типа «хуже освещение — хуже восприятие», хотя и обладает некоторыми особенностями, продиктованными индивидуальными качествами воспринимающего субъекта. Так, отдельные лица очень хорошо видят в темноте и достаточно хорошо различают приметы внешности человека и признаки других объектов. То же самое можно сказать и о лицах, обладающих очень хорошим, слухом. Характеристики других объективных факторов, влияющих на полноту и правильность восприятия, преломляются в зависимости от того, каково восприятие-

(зрительное, слуховое) и в каком индивидуальном соотношении оно находится с субъективными качествами воспринимающего. Так, например, лицо, обладающее дальностью, не испытывает влияния расстояния на восприятие так остро, как лицо, обладающее нормальным зрением. Это же распространяется и на другие формы восприятия. В процессе допроса, предшествующего предъявлению для опознания, следователю важно учитывать названные обстоятельства для правильной оценки полученных показаний. Особенно важно знать, что объективные факторы нередко создают предпосылки для искажений воспринятого, если они неблагоприятны: мгла, сумерки, снегопад при зрительном восприятии; шум, значительное расстояние — при слуховом.

Допрос свидетеля или обвиняемого, предшествующий предъявлению для опознания, может быть тактически правильно организован в тех случаях, если следователю известны определенные психологические характеристики восприятия внешности человека или признаков предметов, обобщающие опыт человеческого восприятия. В этом отношении большой интерес представляют исследования А. А. Бодалева по вопросам восприятия внешности. Их значение для избрания тактики допроса, предшествующего опознанию, и организации самого предъявления для опознания прежде всего объясняется тем, что они касаются первого впечатления о человеке, что означает краткий временной период взаимодействия (восприятия), а также закономерностей восприятия людьми друг друга в возрастном аспекте. Раскрывая значение первого впечатления о людях, А. А. Бодалев отмечает, что при этом фиксируются: примерный возраст, внешний облик, эмоциональное состояние, черты характера. Первое впечатление в этом отношении имеет много субъективного, так как каждый человек имеет «свою мерку», свою классификацию типов. Особый интерес представляют закономерности восприятия людьми друг друга в возрастном аспекте. С возрастом, как отмечает А. А. Бодалев, увеличиваются в восприятии детали физического облика (рост, глаза, волосы, рот и т. д.). От семи до 21 года это увеличение равно 2,2 раза. С возрастом увеличивается выделение деталей экспрессии, мимики, жестов в 3,6 раза. Вместе

с тем с возрастом падает выделение в восприятиях и описаниях деталей одежды¹.

Эти данные выведены из экспериментов, охватывающих значительные группы населения. Исходя из приведенного можно прийти к обоснованным тактическим рекомендациям о том, что в процессе допроса следователь может ставить вопросы, касающиеся роста человека, цвета глаз, волос и получить достаточно четкие и объективные показания, позволяющие осуществлять оперативно-розыскную деятельность в целях розыска и проверять правильность опознания.

Исследования, проводимые в области психологии восприятия, свидетельствуют о том, что определенной спецификой в этом отношении обладает восприятие детей в зависимости от возраста. В частности, следственная практика знает многочисленные случаи, когда дети в возрасте 7—8 лет являются свидетелями или потерпевшими по делам различных категорий. Допросы их по части выяснения примет внешности с целью последующего предъявления для опознания нередко содержат стремление к детализации. Между тем, результаты экспериментов показывают, что от детей в возрасте 7—8 лет нельзя требовать детального описания физического облика, так как в этот возрастной период дети его не фиксируют в интересующем расследование плане. При допросе детей (несовершеннолетних) более поздних возрастных категорий выяснение деталей примет наблюдаемой внешности возможно.

Для практики расследования данные о восприятии людьми друг друга имеют значение и в другом, казалось бы, не имеющем к этому непосредственного отношения аспекте. Речь идет о некоторых собирательных социальных характеристиках внешности, обусловленных общепринятыми канонами или личными представлениями о взаимосвязи внешности и ее нравственных и социальных характеристик. По мнению А. А. Бодалева, в формировании общего впечатления о человеке имеют значение жи-

¹ В процессе исследований, осуществляемых А. А. Водальевым, выяснились любопытные особенности восприятия. Так, использовались 20 фотографий людей, на которых отсутствовали различные детали лица. Испытуемые заметили отсутствие контуров лица в 73%, волос—72%, глаз—19%, рта—42%, носа—38%, ушей—34%, бровей—27%. Демонстрация каждой фотографии занимала 0,75 сек [см. 3, с. 19—231].

тейские представления и эталоны. Из 72 опрошенных в этом отношении 9 человек отнесло людей с квадратными подбородками к волевым, 17 — людей с большим лбом — к умным, 14 — полных — к добродушным, 2 — толстогубых — к сексуальным, 5 — людей с ростом ниже среднего — к властолюбивым и т. п. Названные характеристики внешности в плане их социальной структуры нас интересуют в обратном, чисто внешнем комплексе, отражающем признаки внешности человека (словесного портрета), а не их содержательного порядка. Когда при описании внешности человека, которое предшествует предъявлению для опознания, встречаются термины, носящие собирательный характер, необходимо выяснение их содержания для перевода в характеристики признаков внешности. Так, важно расшифровать такие фразы: «у него было умное лицо», «волевой подбородок», «хитрые глазки», «открытое лицо», «злое выражение лица», «добродушный», «краснолицый» и т. п., которые содержат в себе характеристики, опирающиеся на данные о внешности. Поэтому в целевых вопросах важно обращать внимание на то, что рождает такое представление о внешности и спрашивать о том, почему допрашиваемый имеет такое представление, на каких данных основывается это впечатление, связывая последнее в случае надобности с устоявшимися житейскими эталонами. Это во многих случаях будет способствовать получению информации о внешности в криминалистическом плане, необходимом для составления словесного портрета, который может быть использован при расследовании.

Приведенные данные о психологических закономерностях восприятия внешности человеком могут быть использованы следователем как для избрания наиболее эффективной тактики вопроса, предшествующего предъявлению для опознания, так и для оценки результатов проведенного опознания в плане достоверности последнего.

Идентификационная сущность опознания

Опознание рассматривается как процесс и результат идентификации личности по чувственно-наглядному отображению (восприятию). Идентификационный процесс, осуществляемый при опознании, обладает рядом специфических черт, отличающих его от иных форм идеи-

тификации [см. 33, с. 31]. Главное отличие состоит в формировании образа, являющегося основой для последующей идентификации, в сохранении его в памяти, в актуализации его в процессе допроса, предшествующего опознанию и, наконец, в скрытой форме идентификации, контроль за которой не всегда возможен. Рассмотрим названные черты. Формирование образа, который может быть использован для последующего опознания, по своему механизму однотипно с формированием иных форм отображения, а именно: материально фиксированных, так как они являются результатом взаимодействия в первом случае психического (наблюдение, восприятие), во втором случае механического (материальное отображение как результат взаимодействия объектов). Однако в процессе чувственно-наглядного формирования образа есть особенности, зависящие от воспринимающего. Последний должен усвоить не просто признаки воспринятого объекта, но его отличительные признаки, позволяющие впоследствии выполнить идентификационную функцию. Таким образом, в качестве идентифицирующего выступает живая мыслящая материя, сохраняющая воспринятый облик в различных формах (достаточно полной, неполной, недостаточной). Ее главной задачей является, с одной стороны, усвоение отличительных признаков воспринятого, а с другой — их использование для выявления объекта из числа сходных. В психологии опознания, которая лежит в основе его тактических и процессуальных режимов, процессы создания облика и использования впоследствии носят соответственно наименования формирующего и опознавательного [см. 60, с. 37]. Эти процессы строго взаимосвязаны и взаимообусловлены, каждый из них немислим без другого. В формирующем процессе различается восприя-* тие двух групп признаков, первая из которых носит наименование достаточных, вторая — необходимых. Достаточные признаки по своему характеру являются родовыми (групповыми), то есть признаками, совокупность которых используется в качестве ступени для выделения объекта опознания из общего числа объектов. Необходимые же признаки в своем полном и неполном комплексе создают данные об облике (образ), который является неповторимым в приведенном сочетании признаков и тем отличается от других объектов группы, в частности, предъявляемой для опознания. Комплекс запечатлеваемых признаков

индивидуален и зависит от множества субъективных и объективных данных, влияющих на восприятие. Важно здесь отметить только одно: симультанное восприятие представляет жесткий комплекс признаков, не поддающихся ни мысленной, ни фактической дифференциации и обладает полнотой, но полнотой скрытой, фиксируемой внешне, а только внутренне — психикой воспринимающего¹. Аналитически же воспринимаемый облик, несмотря на свою неполноту (восприятие фиксирует достаточные и необходимые признаки не в полном объеме), дает возможность назвать выделяемые признаки и дифференцировать их как опорные для последующей идентификации при опознании. Эти особенности формирования облика при восприятии важно знать следователю.

Воспринятый облик сохраняется в памяти свидетеля (потерпевшего) разный период времени в зависимости от таких причин, как состояние памяти, уровень ее зрительной функции (зрительная память), сила эмоционального воздействия на лицо в момент восприятия. С течением времени воспринятый облик стирается в памяти или подвергается искажениям, связанным с осмысливанием воспринятого. В этом случае пробелы, имеющие место при восприятии, могут быть заполнены фантастическими представлениями субъекта и не соответствовать действительности. Поэтому допрос важно во временном отношении проводить как можно ближе к моменту восприятия облика, когда он еще не приобрел всевозможных наслоений, вызванных беседами, рассказами и т. п. Следует иметь в виду и возможную реминисценцию, то есть отсроченное воспоминание запечатленного образа, имеющее место в связи с сильным эмоциональным воздействием. В таких случаях можно рекомендовать производство повторного допроса через 8—10 дней, когда память будет достаточно прочно воспроизводить запечатленное.

Спецификой допроса, предшествующего предъявлению для опознания, является то, что в его процессе наиболее широко используются тактические приемы, направленные на актуализацию воспринятого и запечатленного субъектом. Такой допрос не является пассивным в плане фик-

¹ Это обстоятельство, как и невозможность назвать отдельные приметы воспринимаемого, не препятствует, по мнению многих авторов, предъявлению для опознания [см. 49, с. 263—264].

сации сообщаемого, так как предполагает использование самых разнообразных приемов, способствующих получению наиболее полной информации о воспринятом облике. К таким приемам относятся те, которые вызывают ассоциативные связи, а значит, и способствуют актуализации воспринятого. Это прежде всего напоминающие вопросы, психологической основой которых является сообщение информации, возбуждающей в памяти обстоятельства события. К такого же рода тактическим приемам относится широкое использование разнообразных фотороботов. Последние выполняют функции напоминания, а следовательно, возбуждения в памяти ассоциативных связей, относящихся к формированию мысленного облика. Фотороботы в современном их состоянии представляют три разновидности видовых модификаций. Первая представляет собой набор фотографий (альбом), разрезанный на три части, разделяющих лобную, среднюю и нижнюю части лица. Составляя портрет из совокупности черт, которые даются в описании внешности свидетелем или потерпевшим, следовательно получает облик, в своей характеристике приближающийся к наблюдаемому и который может быть использован в целях розыска лица. Вторая разновидность — такой же альбом, только выполненный на киноплёнке, которая экспонируется лицу в различных сочетаниях частей внешности для получения представления о наблюдаемом облике. Третья разновидность фотороботов, также выполненная на киноплёнке, даёт рисованные контуры внешности, составляемые на основании предшествующего описания [см. 51, с. 7—8]. Важно отметить то обстоятельство, что фотороботы могут быть использованы и в тех случаях, когда наблюдавшее лицо не в состоянии назвать приметы внешности ввиду имевшего место simultанного, синтетического восприятия. В этом случае предъявление составных портретов может способствовать рождению ассоциативных связей, являющихся основой для оживления в памяти ранее воспринятой внешности или ее отдельных примет.

Специфика идентификационного процесса при предъявлении для опознания состоит в том, что он осуществляется в скрытой форме, субъективный характер и непрослеженность которой во многом затрудняют, а в некоторых случаях исключают контроль за ходом его выполнения. Сущность идентификации в процессе предъявления

для опознания состоит в совпадении мысленного облика запечатленной ранее внешности с комплексом признаков внешности одного из лиц, предъявляемых для опознания. Лицом, производящим идентификацию, во всех случаях является тот субъект, который сравнивает запечатленный ранее облик и внешность предъявляемых для опознания. Иные лица, как представляется, не могут быть субъектами, осуществляющими идентификацию. В этом отношении нельзя согласиться с высказываниями В. С. Бурдановой о том, что при идентификации «опознающий и следователь (или суд) решают, является ли предъявленный объект тем же самым либо сходным» [9, с. 95]. Такое утверждение в своей сущности неверно. Идентификацию в ее подлинном смысле может осуществлять только опознающий, так как только ему принадлежит субъективное запечатление образа, которое может быть объективировано в зафиксированных показаниях, в нарисованном портрете и т. п. Идентификацию путем сопоставления запечатленного ранее мысленного облика и действительного производит только он. Остальные же лица, организовывающие этот акт, могут осуществлять только оценочные функции правильности произведенного опознания, по не идентификационные, так как один из необходимых мысленных элементов, позволяющих производить идентификацию, у них отсутствует. Речь идет о том следовом образе, который сформировался при прежнем восприятии лица и выполняет роль идентифицирующего объекта. При его отсутствии сам процесс идентификации теряет смысл. Это обстоятельство подчеркивает М. С. Шехтер, когда пишет, что восприятие признаков предъявляемого объекта актуализирует относящиеся к нему связи, которые образовались в прошлом опыте. Таким образом, в процессе узнавания участвует следовый образ указанных отличительных признаков. Стало быть, опознание включает в себя момент совпадения следового образа и образа предъявленного объекта [см. 61, с. 5]. В прошлом опыте ни у следователя, ни у суда следового образа не может быть. Поэтому функции опознания они не могут выполнять. Однако существует любопытное обстоятельство, которое приближает следователя, судью или оперативного работника к идентификационной роли. Таким обстоятельством является то представление о внешности преступника, которое формируется из признаков, сообщаемых потерпев-

шим или свидетелем. Но, несмотря на его четкость, в отдельных случаях оно не обладает полнотой, необходимой для осуществления идентификации. Поэтому говорить об узнавании здесь можно только как об опосредствованном процессе.

Как уже отмечалось, опознание как идентификационный процесс происходит в скрытой форме, в том понимании, что наблюдатель (следователь, суд) не в состоянии проследить все моменты процесса, так как совпадение следового образа с предъявляемым не открывает всей совокупности признаков, являющихся необходимыми для выводов о тождестве. Субъективность восприятия и оценки того или иного признака, а также их совокупности в известной мере обуславливают скрытый характер идентификации. Это проявляется наиболее отчетливо тогда, когда предъявление для опознания происходит при симультанной форме восприятия признаков и лицо не в состоянии назвать и выделить конкретные приметы внешности, запечатлев объект в общем. В этом случае идентификационный процесс остается непрослеженным и объективными критериями его проверки являются другие доказательства по делу, подтверждающие правильность опознания. Здесь же следует отметить, что эти доказательства во временном отношении могут как предшествовать предъявлению для опознания, так и быть обнаруженными после его производства.

Скрытая форма процесса опознания, осуществляемого субъектом, ранее воспринявшим наблюдаемый облик, объективируется комплексом данных, позволяющих проверить и оценить правильность опознания. Причем это касается, главным образом, опознания, основывающегося на аналитическом восприятии. В этом случае сообщение о приметах внешности составляет один из элементов, позволяющих произвести проверку. Уже наличие этих данных позволяет судить о достоверности результатов предъявления для опознания.

При рассмотрении системы примет внешности или признаков предмета, являющейся основанием для достоверного вывода о тождестве объекта, предъявляемого для опознания, важное значение имеет их классификация. Последняя охватывает несколько групп примет или признаков. Соответственно предметам: форма, размер, окраска,

дефекты, иные индивидуализирующие данные; соответственно личности человека: признаки анатомические, функциональные и социальные. Анатомические признаки характеризуют статику внешности, функциональные — систему движений личности (походка, жесты, функциональные привычки), социальные — признаки внешнего оформления: одежду, украшения, косметику и т. п. Среди этой системы примет в плане их значения для опознания личности внимание исследователей привлекают признаки функциональные, как содержащие индивидуализирующие характеристики лица, причем наиболее интересные из них — мимика, речь, голос.

В настоящее время исследователи придают особое значение выразительным движениям, которым принадлежит немалое место в общей характеристике внешности и которые ввиду своей индивидуальности ближе всего стоят к необходимым признакам, являющимся опорными в процессе идентификации при опознании.

Потираание рук, поглаживание головы, почесывание носа, пожимание плечами и другие движения дают представление о личности и ее состоянии. Это обстоятельство подчеркивает В. Н. Панферов, когда пишет, что «при восприятии функциональных признаков люди судят не только о внешней манере поведения и выразительности внешнего облика, но и ряде свойств, которые относятся к ряду личностных характеристик. Информация, которая заключена в выразительных движениях, нередко способствует задачам опознания одного человека другим в процессе непосредственного восприятия» [42, с. 94].

Отдельные психологи при рассмотрении процесса отображения внешнего облика различают два уровня познания: 1) конкретно-чувственный (восприятие) и 2) абстрактно-логический (интерпретация). Причем функция восприятия, по их мнению [43, с. 59], ограничивается адекватным различием элементов — признаков внешности, интерпретация же выступает как реализация социально обусловленной связи воспринятых элементов с их семантическим содержанием. В плане опознания значение этих признаков таково, что в качестве «ведущего отличительного элемента-признака может выступить любой из компонентов структуры внешности, который наиболее ярко (существенно) выделяет данное лицо из ряда дру-

гих» [43, с. 61]. В работах психологов акцентируется и то, что самыми информативными в личностной сущности человека являются глаза.

Тактика предъявления для опознания. Оценка результатов

Психологические закономерности, лежащие в основе процесса опознания, в значительной мере определяют тактику его производства. Первым обуславливающим моментом является допрос, предшествующий предъявлению для опознания. Тактическая необходимость его осуществления, получившая регламентацию в уголовно-процессуальных кодексах, объясняется следующим: а) важностью получения информации о запечатленном; б) необходимостью фиксации данных о воспринятом облике в целях гарантии правильности предстоящего опознания. Здесь психологический аспект выступает в двух направлениях: обеспечение скорого запечатления информации о воспринятом объекте, препятствующее утрате информации в результате естественных процессов, происходящих в памяти; выполнение функции контроля за предстоящим опознанием и подбора идентификационного материала (сходных лиц), обеспечивающего возможность и достоверность опознания.

Психологическим моментом, обуславливающим тактику предъявления для опознания, является требование об определенном числе объектов (лиц), обеспечивающем оптимальные условия для опознания предъявляемого. Указанное в уголовно-процессуальных кодексах число лиц (не более трех), среди которых помещается опознаваемое лицо, имеет психологическую подоплеку, вытекающую из экспериментальных данных о наилучшем сосредоточении внимания при переборе признаков в процессе сравнения объектов. В тех случаях, когда число предъявляемых объектов превышает означенное, имеет место рассредоточение внимания. Большое число сравниваемых объектов исключает быстроту сравнения, распределяет внимание в очень широком диапазоне, что не способствует четкому выполнению функции сравнения.

И, наконец, психология имеет еще одну сторону, определяющую тактику предъявления для опознания,— воз-

возможность в результате имеющейся схемы ее организации, оценки достоверности выводов по окончании процесса опознания. В этом плане представляет интерес оценка результатов опознания, производимая несколькими лицами (процессуальными фигурами). С одной стороны, представляет интерес оценка результатов опознания, проводимая самим опознающим: свидетелем, обвиняемым или потерпевшим. С другой стороны — оценка лицами, присутствующими при этом акте и организующими его: следователем, судьей.

По своей психологической природе эти оценки не равнозначны. Так, оценка, осуществляемая субъектом опознания (свидетелем, потерпевшим), выражается в уверенности или неуверенности в результатах произведенного сравнения, категоричности или вероятности собственных выводов. Уверенность (категоричность) определяется уровнем запечатления примет внешности и сохранения облика в памяти до момента предъявления для опознания. Однако и такое опознание не лишено возможных ошибок, обуславливаемых субъективными и объективными факторами, влияющими на правильность и полноту восприятия и запоминания.

Если оценка результатов опознания для потерпевшего и свидетеля носит характер непосредственного вывода, то оценки, производимые следователем и судьей, носят характер опосредствованный. Последнее объясняется тем, что в их оценке предшествующий материал (данные о приметах внешности), как и данные наблюдения самого акта опознания, носят фрагментарный характер и не содержат всего комплекса признаков, создающих твердую уверенность в произведенном опознании. Кроме того, они непосредственно не воспринимали лицо или иной объект при первом наблюдении и поэтому относительно этого момента их представления опосредствованы теми данными, которые содержатся в сообщении допрашиваемого. Однако оценка результатов опознания, осуществляемая следователем или судьей, является более разносторонней. Этому в первую очередь способствует то, что следователь и судья в процессе оценки результатов опознания сравнивают их с другими данными, имеющимися в деле, которые могут подтверждать, делать более доказательным акт опознания и могут находиться в таком противоречии с другими материалами дела, при котором результаты опознания не будут иметь доказательственного

значения. Это как бы внешняя сторона оценки результатов опознания, наряду с которой выступает и внутренняя сторона. Ее сущность состоит в оценке самого процесса опознания, производимого субъектом идентификации: свидетелем или потерпевшим. Следователь и судья, наблюдая процесс опознания, оценивают совпадение сравниваемых примет внешности (признаков объекта) и психическую реакцию субъекта, сопровождающую узнавание, внешне выражающуюся в уверенности избрания среди предъявленных лиц или предметов именно того, который наблюдался ранее. Неуверенность в своих выводах, длительное сравнение предъявляемого также дает материал для оценки результатов опознания.

Разрешая вопрос о доказательственной ценности результатов опознания, следователь или судья основываются на своем внутреннем убеждении, вытекающем из всестороннего рассмотрения доказательств, имеющихся по делу.

§ 5. Психологические основы следственного эксперимента и проверки показаний на месте

Психологическая характеристика следственного эксперимента

Широкий диапазон познавательных свойств эксперимента, его универсальность, вариативность, способность обнаруживать новое, выходящее за пределы проверяемой гипотезы или ее следствий, позволили отнести эксперимент к числу методов, способствующих установлению истины.

Уголовно-процессуальное познание (так наиболее часто именуется процесс познания, осуществляемый при расследовании преступлений) не является в этом отношении исключением. Ему также присуще широкое использование экспериментальных методов, среди которых значительное место принадлежит следственному эксперименту. Историческими предпосылками его возникновения и становления в качестве самостоятельного следственного действия в советском судопроизводстве явились, с од-

ной стороны, назревшая необходимость в расширении арсенала следственных действий, с помощью которых можно проверить и обнаружить доказательственную информацию, с другой стороны — достаточно широкая практика производства экспериментов в следственной деятельности. Последняя требовала научного анализа решения вопроса о возможности законодательной регламентации такого следственного действия [20; 5; 6]. Научными предпосылками возникновения следственного эксперимента явились достижения в области технических и естественных наук, использование возможностей экспериментирования в различных отраслях человеческой деятельности, высокая результативность экспериментов на пути к достижению истины. Процессуальной регламентации следственного эксперимента предшествовала научная дискуссия о возможностях и правовом режиме названного действия. Ее результатом явилось внесение в УПК РСФСР и УПК других союзных республик статей, регулирующих цели и порядок производства следственного эксперимента, а также требования, определяющие нравственную сторону его организации.

Существующая практика производства следственных экспериментов, возможность быстро проверить определенный круг обстоятельств свидетельствуют об их большой познавательной роли в процессе расследования. Кроме того, следственный эксперимент относится к числу следственных действий, используя которые следователь осуществляет экономию процессуальных средств. Так, производство эксперимента в отдельных случаях предпринимает отказ от допроса многочисленных свидетелей, производства обысков и других действий.

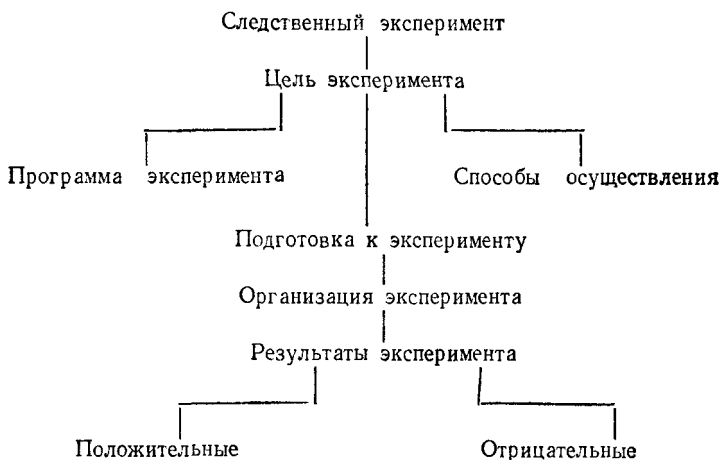
Гносеологической основой следственного эксперимента является версия следователя, сложность которой определяется комплексом обстоятельств, составляющих основу для ее формирования. Возникновение версии естественно влечет за собой выведение следствий, то есть такого рода допущений, которые при проверке позволяют установить истинность выдвигаемого предположения. Так, проверка предположения об инсценировании кражи путем проникновения через пролом в стене предполагает выведение таких следствий: а) возможность проникновения через пролом человека; б) возможность извлечения через пролом материальных ценностей и т. п. Проверка

этих следствий, выведенных из версии об инсценировании кражи со взломом, предполагает организацию следственных экспериментов, целью которых является установление названных фактов. Осуществляя такого рода эксперименты, следователь приходит к выводу о правильности своей версии или о действительно имевшей место краже.

Следственные версии по степени своей сложности и объему разделяются на общие и частные. Соответственно этому организуются и следственные эксперименты, направленные на проверку общей или частной версии. Способность следственного эксперимента проверить выдвигаемую версию во многом зависит от таких ее характеристик, как обоснованность фактическими данными и строгая логическая связь версии с выводимыми следствиями. При этих условиях возможности следственного эксперимента значительно расширяются в плане достоверности получаемых выводов. Если же следственная версия недостаточно обоснована данными, полученными в процессе расследования, которые в свою очередь могут быть по-разному истолкованы, то для производства следственного эксперимента нет достаточно определенной цели, а его результаты по степени своей достоверности не приобретут доказательственного значения. Поэтому одним из необходимых условий проверки версии (ее следствий) посредством эксперимента является ее обоснованность.

Производство следственного и научного экспериментов по своей гносеологической основе едино. Однако по целям, задачам и организации осуществления они различны. Так, следственный эксперимент, с точки зрения его познавательной роли в процессе расследования, может быть представлен определенной структурой (см. с. 111). Следственный эксперимент отличается от научного не только своей структурой, особенно в последней стадии, определяющей доказательственную ценность его результатов в познании истины по делу, но и целями, и режимом осуществления. Последнее определяется целями судопроизводства и целями конкретных обстоятельств расследования. Процессуальная регламентация, сроки производства, особые условия, сопровождающие проведение (присутствие понятых), создают специфику, существенно отличающую следственный эксперимент от научного. Вместе с тем основная структура производства

экспериментов, которая обеспечивает их научность, высокую объективность и достоверность получаемых результатов, однотипна.

Выяснение роли и значения следственного эксперимента в уголовно-процессуальном познании тесно связано с исследованием его психологической характеристики как отдельного следственного действия. В этой связи рассмотрим отдельные стороны психологической характеристики эксперимента. К ним в первую очередь относится вопрос о необходимости его производства и прогнозировании результатов. Такая необходимость вытекает из анализа имеющихся по делу доказательств, формирующих определенную версию. Возможность исследования возникшего предположения путем следственного эксперимента предполагает обязательную оценку названных доказательств. В процессе этой оценки формируется внутреннее убеждение следователя об их огносимости к событию, значимости и роли в установлении истины по делу.

По структуре и характеру организации следственный эксперимент относится к наиболее сложным следственным действиям. Поэтому прежде чем решать вопрос о его проведении, следует определить его целесообразность в конкретном случае. Для этого нужно подвергнуть анализу следующее: 1) возможность предполагаемым путем

проверить версию; 2) возможность привлечения для его проведения определенных лиц; 3) возможность воссоздания обстановки, необходимой для эксперимента; 4) допустимость проведения эксперимента с точки зрения процессуальных и этических требований. Разрешив названные вопросы, следователь делает вывод относительно целесообразности его производства, что определяется еще и тем, имеется ли возможность проверить или установить конкретное обстоятельство путем проведения других следственных действий.

При определении необходимости производства следственного эксперимента значительное место принадлежит прогнозированию его результатов. Именно определение наиболее вероятного решения задач, проверяемых этим следственным действием, создает уверенность в его необходимости. К данным, которые могут служить основанием для прогнозирования результатов эксперимента, в первую очередь относятся доказательства, характер и взаимосвязи которых создают необходимые предпосылки для предположений. Так, при осмотре места происшествия по делу о краже шерстяной ткани из магазина, совершенной путем пролома стены, у следователя вызвало сомнения то обстоятельство, что рулоны без предварительной размотки были извлечены из пробитого отверстия. Его первым решением было производство следственного эксперимента по предмету определения возможности извлечения рулонов из пролома. Однако более тщательный анализ обстановки происшествия, изучение параметров отверстия в стене, осмотр рулонов шерсти, оставшихся в магазине, привели его к выводу, что такие рулоны свободно могли пройти через пробитое отверстие. Производство следственного эксперимента при таких условиях было бы лишено необходимого для эксперимента содержания, связанного с проверкой предположения, вызывающего сомнения. Кроме того, прогнозируя возможный результат эксперимента, следователь справедливо предполагал, что он будет идентичен выводам, к которым он пришел до его проведения, следовательно, проведение эксперимента нецелесообразно.

Как уже отмечалось, прогнозирование результатов следственного эксперимента тесно связано с анализом имеющихся в распоряжении следователя доказательств. Естественно поэтому, что определение вероятности тех

или иных результатов тем выше, чем глубже и всестороннее проведен анализ доказательств. Прогностическая функция, осуществляемая следователем в отношении эксперимента, избавляет его от ненужного растрачивания процессуальных средств, направленных на обнаружение и проверку доказательств по делу.

К психологической характеристике следственного эксперимента относятся данные, касающиеся воспроизведения обстановки и условий эксперимента, а также возможностей воспроизведения эмоционального состояния (психологического состояния) лица в процессе проведения эксперимента. При рассмотрении этих сторон следственного эксперимента в судебной психологии отдельные авторы излагают его с позиций моделирования объективных и субъективных факторов, а также моделирования опытного действия, события или явления как основных компонентов структуры следственного эксперимента [см. 49, с. 266]. Рассмотрение в таком плане психологической структуры эксперимента может быть принято, за исключением моделирования субъективных факторов, как компонента структуры.

Ранее уже отмечалось, что воспроизведение обстановки события (оно равнозначно моделированию объективных факторов события) носит характер существенного приближения, позволяющего создать объективно необходимые условия для протекания эксперимента. Психологической основой такого воспроизведения является создание обстановки реально и психологически в плане ее оценки испытуемым. В данном случае компонентом, психологически побуждающим субъекта к проявлению при эксперименте, является создание обстановки, приближенной к действительной. Именно это и обеспечивает, как правило, достоверность результатов проводимых опытов. Р. С. Белкин и А. И. Винберг подчеркивают, что по своей сущности и направленности реконструкция — тактический прием, обеспечивающий полностью и достоверность получаемого доказательственного материала [см. 8, с. 99].

Стремление обеспечить достоверность выводов эксперимента повлекло за собой введение такого компонента восстановления обстановки, как макетирование [см. 58, с. 65], которое во многом восполняет обстановку, необходимую для производства эксперимента. Представляет интерес психологическая сторона макетирования, его роль

в субъективном состоянии лиц, участвующих в следственном эксперименте, особенно испытуемого, то есть лица, чьи субъективные данные проверяются. Представляется, что наличие макетов выполняет в этом отношении двоякую роль. Прежде всего оно создает эмоциональную настроенность у лица, которая может соответствовать его состоянию в момент события, а также способствует возникновению ассоциативных связей, которые могут быть использованы для припоминания отдельных обстоятельств, внесения корректив в обстановку эксперимента.

Воспроизведение обстановки и обстоятельств, а также действий определенных лиц при проведении следственного эксперимента составляет его сущность. Поэтому комплексное воспроизведение всех составных частей эксперимента в качестве необходимого условия предполагает восстановление психологического состояния лица, действия, способности и возможности которого проверяются в ходе эксперимента. Однако если требование относительно воссоздания обстановки эксперимента выполнимо, то вопрос о подобных требованиях по отношению к психике вызывает отрицательные суждения [см. 40, с. 267] или сомнения. Действительно, психическое состояние лица, связанное с тем или иным событием, воссоздать в целом невозможно, так как оно обуславливалось целой гаммой ощущений в связи с конкретной обстановкой события. В зависимости от роли лица в происшедшем психическое состояние его различно. Воссоздание в эксперименте психического состояния равного или подобного, имеющему место в момент события, означало бы повторение последнего, что невозможно. В эксперименте повторяются только обстановка и обстоятельства, связанные с событием, следовательно, подоплека, необходимая для создания идентичного психического состояния, отсутствует. Однако создаются известные предпосылки для формирования сходного психического состояния, прибытием на место, восстановлением обстановки события, проведением опытов, связанных с происшедшим ранее событием. Все это способствует возникновению психическую состояния, подобного тому, которое существовало во время происшествия (преступления). Важное значение в этом отношении принадлежит такому моменту, как уведомление, сообщение лицу, принимающему участие в эксперименте, о том, что будет происходить, какова

программа эксперимента, какова сущность и последовательность избранных опытов. Участвующий в эксперименте обязательно извещается о его цели, в противном случае немисливо определение процессуальной роли этого лица. Кроме того, сохранение в тайне целей эксперимента невозможно, так как любой участник, анализируя характер действий, придет к пониманию сущности происходящего. Однако психологические явления, связанные с проведением каждого эксперимента и особенно такого, где проявляются субъективные качества лица, относящиеся к действиям, проверяемым в эксперименте, таковы, что они могут повлиять на ход и результаты эксперимента. Так, ожидание наблюдаемого в эксперименте явления психически подготавливают лицо к его восприятию, поэтому в таких случаях могут иметь место иллюзии, связанные с наблюдением того, чего нет в действительности, что связано с преждевременной (ложной) регистрацией ожидаемого и т. п. Подобного рода явления заставили криминалистов искать пути создания условий, которые бы в известной мере устранили или смягчили действие названных психологических явлений. Одной из таких попыток явилось предложение в целях обеспечения большей объективности результатов эксперимента не ставить в известность о его программе лиц, показания которых проверяются. Представляется, что это требование может иметь смысл только в отношении отдельных опытов и их последовательности. Что же касается общего уведомления о целях эксперимента, то оно должно состояться, являясь известным продолжением гарантии процессуальных прав лица, показания которого проверяются в эксперименте.

Заслуживает внимания рассмотрение вопроса об оценочной деятельности следователя, осуществляемой в отношении эксперимента. Она, как представляется, складывается из трех этапов, соответствующих порядку проведения эксперимента. Первый этап заключается в оценке ситуации, вызванной конфликтным состоянием имеющихся по делу доказательств, определяющих необходимость проверить какое-либо из них или возникшую версию. Второй этап предполагает оценку каждого опыта и всей их совокупности в целях установления их оптимального характера, т. е. способности проверить конкретное обстоятельство в эксперименте. Ядесь процесс оценки может

повлечь за собой действия, направленные на корректирование опытов, их замену, продиктованную ситуацией проведения эксперимента. Третий этап синтезирует оценки предшествующих, определяя доказательственное значение проведенного следственного действия.

Результаты следственного эксперимента в советской криминалистической литературе традиционно рассматриваются как положительные и отрицательные. Такой характер результатов соотносится с версией следователя или с теми следствиями, которые из нее вытекают и проверялись посредством эксперимента. Так, в случаях, когда проверяется возможность лица видеть в определенных условиях те или иные объекты в связи с версией следователя относительно того, что это невозможно, результат эксперимента может быть положительным: лицо в процессе эксперимента видит; и¹ отрицательный: в процессе эксперимента устанавливается, что лицо в данных условиях видеть не может. Доказательственная ценность положительного и отрицательного результата различна. Первый, устанавливая возможность того или иного факта, не указывает на его действительность, на его обязательность в конкретных условиях. Иными словами, он не исключает других результатов. Между тем как второй (например, невозможность видеть в определенных условиях) дает однозначное решение (не мог видеть) со всеми вытекающими отсюда последствиями в определении его доказательственного значения. Вместе с тем отрицательный результат, правда, в значительно меньшей мере, чем положительный, создает возможность и для других оценок, в которых важная роль принадлежит субъективным качествам личности, проявившимся в конкретной ситуации. Нередко проявление этих качеств в конкретной ситуации таково, что позволяет субъекту переступить порог его обычного восприятия, пределы обычных возможностей. Психическое напряжение, создаваемое ситуацией, влечет за собой нарушение обычного режима психических процессов, в результате которого может иметь место притупление или обострение восприятия. Значительное место в такого рода «необычном» восприятии имеет направленность внимания у личности, которая воспринимает эффект ожидания, создающий иллюзию наблюдаемого, и т. п. Следствием таких качеств личности может иметь место восприятие или возможность совершения

определенных действий, которые ввиду отсутствия подобной субъективной ситуации не могут быть повторены при производстве эксперимента. Указанные обстоятельства нередко снимают абсолютный характер отрицательных результатов эксперимента.

Приведем пример. Так, лицо в процессе расследования заявляет, что точно видело участников разбойного нападения, находившихся от него на расстоянии 15 метров, в ночь совершения преступления и называет их. Правдивость такого заявления проверяется производством следственного эксперимента. В ходе его осуществления устанавливается, что свидетель в подобных условиях и обстановке восприятия не в состоянии различить фигуры, их количество, характер одежды наблюдаемых лиц и т. д. Таким образом, результаты эксперимента носят отрицательный характер. Казалось бы, полученные выводы опровергают сделанное лицом заявление. Однако более тщательный анализ субъективного состояния лица в момент наблюдения, периода наблюдения (он ожидал свою девушку и был на этом месте в течение часа), направленности внимания, сопоставление сообщенных им данных с другими доказательствами по делу дают основание рассматривать как более убедительное его заявление, а не результаты следственного эксперимента.

Именно поэтому жесткое разделение результатов следственного эксперимента на отрицательные и положительные и определение их доказательственной ценности не может быть принято безоговорочно. Принимая общее положение о том, что степень вероятности выводов при отрицательном результате эксперимента выше, чем при положительном, следует рассматривать их доказательственную ценность и значение на основании анализа всех доказательств по делу с учетом невозможности точного воспроизведения субъективного состояния лица, вызванной ситуацией наблюдения.

К вопросу об оценке результатов следственного эксперимента примыкает также и вопрос о значении обстановки, в которой происходило проверяемое событие. В этом отношении восстановление обстановки события, именуемое в криминалистике реконструкцией, находится в тесной связи с ходом осуществления, а следовательно, и с результатами эксперимента. Разумеется, при восстановлении обстановки события следователь не может ее по-

вторить во всех элементах ввиду объективных изменений, происшедших на месте преступления. Кроме того, на приближение характера восстанавливаемой обстановки к действительности влияют и субъективные впечатления лиц. Следовательно, известное несоответствие обстановки эксперимента обстановке действительности существует. Поэтому главным в решении этого вопроса является приближение обстановки в максимальной мере к действительному ее состоянию в момент происшествия.

Значительное место рассмотрению этого вопроса в своих работах уделяет И. М. Лузгин, подчеркивая, что реконструкция так или иначе связана с упрощениями, которые допустимы в той мере, в какой они не искажают взаимосвязь выделенных и подлежащих исследованию элементов какой-либо системы, не препятствуют получению новой объективной информации [см. 38, с. 131]. В отношении проведения следственного эксперимента применительно к такому элементу его структуры, как воссоздание обстановки, это означает не обязательную ее идентичность, но такое приближение к действительности, которое сохраняет существенные черты и их взаимосвязь с событием, проверяемым посредством этого следственного действия. Это должно обязательно учитываться при оценке достоверности и доказательственного значения результатов следственного эксперимента.

Психологические основы проверки показаний на месте

Проверка показаний на месте, как отдельное следственное действие, в качестве одной из теоретических основ имеет определенные психологические закономерности, которые во многом влияют на его познавательную ценность. К числу таких закономерностей, по нашему мнению, относятся: 1) способность лица к восприятию и запоминанию обстановки, в которой происходит то или иное событие; 2) пространственная ориентация лица при воспроизведении обстановки в общем или фрагментарном виде, естественном или видоизмененном; 3) психическое воздействие обстановки события на личность, повторно пребывающую на этом месте. Если обратиться к анализу

влияния названных закономерностей на проведение проверки показаний на месте, то мы увидим, как в своих опосредствованных связях они составляют психологические основы этого следственного действия.

Рассмотрим более детально каждую из них. Так, первая психологическая закономерность, лежащая в основе проверки показаний на месте, заключается в установлении способности лица к восприятию и запоминанию обстановки, в которой происходит то или иное событие. Эта способность может быть проверена на предварительном следствии и в исследуемом нами отношении быть предметом судебно-психологической экспертизы. В последней в данном случае нет надобности, так как объем и уровень получаемой при допросе информации вполне достаточен для определения названной способности. Речь идет о получении от допрашиваемого сведений об обстановке места события, которые могут иметь значение проверяющей информации в том случае, если допрашиваемый их воспринял, запомнил и сообщает, а главное, в том случае, если возникает необходимость в проверке его показаний. Всегда ли допрашиваемый может воспринять и запомнить обстановку события? В данном случае понятие «обстановка» акцентируется в связи с тем, что целью проверки показаний на месте является то, какая роль в восприятии и запечатлении принадлежала обстановке события.

Нередко происшествие, в котором допрашиваемый может быть потерпевшим, свидетелем или обвиняемым, воспринимается в комплексе, во взаимосвязи всех обстоятельств. В этом случае при воспроизведении наблюдаемого в процессе допроса следователь вправе ожидать информации и о происшествии и о месте события. В иных же случаях внимание участника события или наблюдателя обладает избирательностью, направленной только на происходящее, остальное же его внимание не фиксирует. Поэтому во время допроса, особенно в тех случаях, когда имеющаяся у следователя или получаемая в показаниях информация дает основание предполагать производство проверки показаний на месте, следует известными тактическими приемами способствовать оживлению в памяти участника события обстоятельств, связанных с пространственной ориентировкой события преступления. Такие данные, будучи зафиксированными в протоколе, впослед-

ствии помогут осуществлению проверки показаний на месте.

Не исключены и такие моменты, когда обстановка события по ряду причин не была запечатлена воспринимающими в достаточной степени для выполнения необходимых функций при сравнении показаний и наличной обстановки в процессе проверки показаний на месте. В этом случае следователь может избирать одно из двух возможных решений: 1) отказаться от производства проверки показаний на месте, используя иные доказательства по делу; 2) проводить проверку показаний на месте, имея в виду возможность узнавания потерпевшим, свидетелем или обвиняемым той обстановки (улицы, дома, участка местности), которая наблюдалась, но не была запечатлена в мере, достаточной для расследующего сопоставления. Нередко в практике расследования лицо, которое дает показания, сообщает, что оно узнало бы дом, улицу, участок местности, если бы ему их показали, называя при этом ориентировочные направления. В этом случае следователи предпринимают попытки установить названное место, выезжая с обвиняемым, свидетелем или потерпевшим в предполагаемых направлениях. Нередко такие попытки увенчиваются успехом: обнаруживается место, новые доказательства, проверяются показания. Психологической основой проведения таких действий является возбуждение ассоциативных связей, относящихся к обстановке произвольно запечатленной, представление о которой содержится в так называемом латентном слое памяти. Напоминание (фрагментарное) обстановки события путем показа строений, участков, бывших в поле зрения у обвиняемого или потерпевшего свидетеля, как раз и является тем побуждающим моментом к оживлению в памяти, который используется при проведении такого следственного действия. Конечно, оно не соответствует точному смыслу и характеристике проверки показаний на месте, однако может рассматриваться как его разновидность, не противоречащая сущности последнего.

Определенное практическое значение имеют и такие возможные случаи, когда лицо воспринимает и запечатлевает, а следовательно, и воспроизводит не всю обстановку события, а только часть, на которой он сосредоточил свое внимание. В таких случаях определение эффективности производства проверки показаний на месте зависит

от того, сколь существенен этот фрагмент, содержит ли он в себе нечто отличительное или характеризуется общими признаками, не относящимися к данному событию, что не позволяет рассматривать их как устанавливающих достоверность показаний. Например, в показаниях сообщается о том, что на углу улицы, где произошло событие, растут два дерева у многоэтажного дома. Такие признаки, носящие весьма общий характер, не являются основой для определения достоверности показаний при проверке их на месте.

Большое значение для восприятия и запечатления обстановки имеет избирательность внимания, связанная с интересами лица или его профессиональными навыками. При этом следует отметить, что избирательность восприятия тесно связана с направленностью внимания лица, что объясняется самыми разнообразными причинами, среди которых: а) интерес к воспринимаемому; б) его значение для осуществления деятельности; в) его связь с предстоящими действиями; г) профессиональная осведомленность и т. п. В зависимости от этих данных восприятие и запоминание лица фиксирует определенные моменты, части обстановки значительно ярче, чем остальные, так называемые фоновые, обстоятельства. Следует знать, что при проверке показаний на месте именно такие «опорные» предметы обстановки являются решающими для оценки правильности показаний лица. Их роль особенно велика, когда запечатление связано с деятельностью обвиняемого (проникновение, разрушение преграды; действия, связанные с событием преступления) или свидетеля, главным образом, его эмоциональным состоянием (удивление, испуг, недоумение, желание рассмотреть незнакомое, желание понять действия другого лица). При оценке проверки показаний на месте следовательно необходимо учитывать эти факторы в своих выводах.

Рассмотрим более детально другой психологический фактор, влияющий на конструкцию и познавательную сущность проверки показаний на месте. К нему относится пространственная ориентация лица при воспроизведении обстановки (повторном восприятии) в общем или фрагментарном виде, естественном или видоизмененном. В психологической литературе [см. 49, с. 274—275] пространственная ориентация определяет как способность лица ориентироваться на местности или в обстановке, в

которой оно когда-либо было, способность достаточно хорошо ее запомнить. Пространственная ориентация зависит от характера профессиональной деятельности, проживания в определенной местности, действий, в связи с которыми запоминается та или иная обстановка и т. и. Так, лицо, проживающее в селе, быстрее ориентируется в сходной местности, горожанин обычно лучше запоминает строения и улицы города и т. п. Профессия водителя автомашины, почтальона позволяет также достаточно четко ориентироваться на местности. Те или иные обстоятельства, связанные с событием преступления и совершением определенных действий, как указывалось ранее, лучше запоминаются и могут служить опорными пунктами при узнавании обстановки в процессе проверки показаний на месте.

Особое значение для пространственной ориентации лица имеет запоминание обстановки события. Оно может быть произвольным и непроизвольным. Первое определяется как преднамеренное запоминание обстановки с определенной целью. Например, преступник, укрыв похищенное, запоминает местность и отдельные ориентиры на ней в целях последующего возвращения на это место. Такое запоминание независимо от того, с какой деятельностью оно соотносится, является всегда более полным. Именно поэтому в тех случаях, когда проверяются показания обвиняемого на месте, следователь вправе рассчитывать на детальное совпадение данных показаний обстановки. Достаточно часто показания свидетеля являются результатом так называемого непроизвольного, непреднамеренного запоминания. Характерной особенностью последнего является то, что оно происходит без всяких усилий со стороны субъекта и уже поэтому носит характер не совсем определенный. Будучи так называемым латентным (скрытым), такого рода запоминание не несет в своем актуальном слое готовой информации о восприятии. Субъект чаще всего на вопрос о том, помнит ли он это место и может ли показать па нем, как и где произошли те или иные события, отвечает отрицательно или неуверенно. При такого рода запоминании даже в процессе допроса важно возбудить ассоциативные связи, оживляющие в памяти непроизвольно запечатленное. Тогда следователь будет иметь в своем распоряжении ин-

формацию, достаточную для организации проверки показаний на месте.

При организации проверки показаний на месте важно иметь представление о том, обладает ли лицо, показания которого будут проверяться, пространственной ориентацией. В этих целях необходимо обращаться к анализу данных ранее показаний и их сопоставлению с известными по делу обстоятельствами, касающимися обстановки события, места происшествия и путей подхода к нему. Нередко пространственная ориентация проверяется путем выяснения субъективного представления лица о том, как оно запоминает обстановку вообще и как оно ее запомнило в конкретном случае. Собственные высказывания лица дают необходимое представление о его пространственной ориентации и помогают решать следователю вопрос о целесообразности организации проверки показаний на месте и ее эффективности в конкретных условиях расследуемого дела. При решении вопроса о проверке показаний на месте не следует забывать о том, что в отдельных случаях у лиц, наблюдавших событие или участвовавших в нем, может иметь место реминисценция, то есть определенное торможение в памяти, в связи с чем некоторые обстоятельства могут воспроизводиться памятью (и довольно ярко) только по истечении определенного времени. Это явление может обуславливать отсрочку проведения проверки показаний на месте, что определяется возможностью через определенный период оживления в памяти тех обстоятельств, которые ранее не считались запечатленными.

В психологической характеристике проверки показаний на месте значительная роль принадлежит психическому воздействию обстановки события на личность, повторно пребывающую на этом месте. Последнее может происходить в нескольких направлениях, имеющих в отдельных случаях и процессуальное значение. Психологическое воздействие обстановки может способствовать оживлению ассоциативных связей и, как следствие этого, восстанавливать более полное представление о событии и его отдельных обстоятельствах, ранее не актуализированных памятью. В этом случае даваемые свидетелем или обвиняемым показания не только подтверждают ранее сообщенное, но и содержат в себе дополнительные сведения, которые могут иметь значение по делу. Нередко такие

сведения могут сопровождаться указанием на отдельные следы, скрытые вещественные доказательства и т. п. Уже поэтому психологическое воздействие, вызванное повторным восприятием обстановки, обладает не только чисто психологическими последствиями, но и существенно влияет на процессуальную структуру проверки показаний на месте, расширяя объем получаемой доказательственной информации.

Психологическое влияние повторно воспринимаемой обстановки может иметь и иные последствия. К ним, в частности, относится уточнение ранее данных показаний, имеющее своей основой более полное уяснение обстановки, позволяющее внести коррективы в даваемые показания. Такое уточнение связано обычно не с сущностью показаний, а с отдельными обстоятельствами происшествия, позволяющими правильно представить событие преступления, его механизм, роль отдельных участников и т. п. Это обстоятельство также имеет процессуальное значение, сущность которого состоит в том, что получаемое более точное и полное представление о происшедшем способствует установлению объективной истины по делу.

Психологическое воздействие вновь воспринимаемой обстановки чрезвычайно сильно тогда, когда воспринимаемое противоречит показаниям, опровергает последние. Обычно такая ситуация возникает в случаях преднамеренной лжи со стороны дающего показания. Пребывание повторно на месте события со всей очевидностью изобличает лицо во лжи, и явное противоречие в показаниях об обстановке с самой обстановкой становится тем психологическим воздействием, которое заставляет обвиняемого или свидетеля сознаться во лжи и объяснить ее мотивы.

§ 6. Психологические проблемы назначения и производства экспертизы

Экспертные версии, их природа и роль в исследовании

Мышление в процессе экспертного исследования обладает спецификой, определяемой, с одной стороны, важностью решения задач для расследования, а с другой

стороны — решением частных задач на уровне применения специальных знаний. Взаимосвязанность названных решений обусловлена целью, которую ставит следователь перед экспертизой — разрешение вопросов, требующих применения специальных знаний. Именно поэтому мышление эксперта при исследовании простирается дальше уровня специальных знаний, охватывая вопросы, связанные с определением роли и значения этих знаний в расследовании преступления.

Познавательная роль в экспертном исследовании принадлежит следственной версии, которая, трансформируясь в различные свои виды (частная версия, экспертная версия), определяет направление исследования. Если в этом плане обратиться к природе экспертной версии, можно обнаружить значительную сложность в ее формировании и глубокую субстанционную взаимосвязь с обстоятельствами, способствующими этому. По своей сущности экспертная версия есть предположение о предмете исследования и связанных с ним обстоятельствах. Так, если задачей исследования является установление личности по почерку, то экспертная версия может рассматриваться как логическое продолжение поставленной задачи: установления того, что рукопись выполнена определенным лицом. В исследованиях, носящих неидентификационный характер, экспертная версия также вытекает из задачи, сформулированной в постановлении о назначении экспертизы следователем или судом. Это позволяет прийти к выводу о том, что одним из источников формирования экспертной версии является версия следователя, определяемая в постановлении о назначении экспертизы. По своей природе такая версия относится к числу частных, преследующих задачу установления определенных обстоятельств, их сущности и взаимосвязей. Наряду с названным источником формирования экспертной версии являются данные, полученные в результате изучения материалов дела, которое в определенных случаях может подсказать эксперту иную версию, не вытекающую из задачи, поставленной перед экспертом следователем. Иногда в своем заключении эксперт выходит за рамки вопросов, указанных в постановлении следователя. Такая ситуация, например, может возникнуть в том случае, когда эксперт, придя к выводу о том, что рукопись выполнена определенным лицом, отвергает авторство предполагаемого лица, утверждая, что

стилистические особенности текста, уровень грамотности и другие характеристики письма свойственны другому автору [см. 12, с. 16].

Источником формирования экспертной версии является также собственно экспертное исследование, позволяющее строить предположения, основываясь на результатах тех или иных этапов исследования. Так, в результате первого этапа исследования — отдельного анализа — эксперт, проводя судебно-баллистическое исследование, устанавливает, что пуля по своим характеристикам не могла быть отстреляна из присланного на экспертизу оружия. Более того, изучение исследуемой пули позволило прийти к выводу, что она отстреляна из оружия другой системы. Названный вывод по своему характеру является экспертной версией и при использовании следователем последней превращается в частную версию, ориентирующую следователя на обнаружение экземпляра оружия иной системы. Как видно из приведенного, возможна взаимная трансформация следственной и экспертной версий, определяемая конкретными ситуациями, возникающими в процессе экспертного исследования. Общей основой следственной и экспертной версий, которую можно именовать субстанциональной, является задача, поставленная следователем для разрешения экспертизы. Следует, однако, оговорить то положение, когда формирование экспертной версии происходит относительно самостоятельно в связи с обстоятельствами, обнаруженными в процессе исследования.

Источником формирования экспертной версии наряду с указанными ранее является опыт экспертной деятельности, комплекс знаний, относящихся к определенной области, обобщение наиболее типичных ситуаций, требующих экспертных решений, их возможная в пределах деятельности исследователя вариативность. Этот источник имеет относительную самостоятельность и может выполнять свои функции вне связи со следственной версией. В этом отношении особый интерес представляет опыт экспертной деятельности в широком смысле слова: как собственный, так и обобщенный опыт экспертиз в данной отрасли, который позволяет прежде всего выделить в результате анализа определенные признаки, свидетельствующие о тех или иных закономерностях их происхождения. Выделение конкретного числа признаков способствует построению системы признаков, своего рода алгоритмов,

определяющих возможные, наиболее типичные ситуации в задачах, разрешаемых экспертом. Наличие такого комплекса признаков и создает предпосылку или основание для выдвижения экспертной версии, которая проверяется в процессе исследования. Важно отметить то, что с позиций психологической характеристики формирования версии она является результатом творческого мышления эксперта, результатом его поиска. И здесь мыслительная деятельность эксперта не ограничивается перебором возможных версий, наиболее типичные случаи возникновения которых дает опыт и практика. Она идет дальше к выдвижению нового предположения, способного объяснить исследуемое обстоятельство. Приведенное можно иллюстрировать примером. На разрешение эксперта был поставлен вопрос о наличии технической подделки подписи и способе ее осуществления. Исследуемая подпись по своему внешнему виду и другим характеристикам была однотипна с подписью распорядителя кредитов, который оспаривал ее действительность. Эксперт, используя свой опыт, оперируя системами признаков, позволяющих определить вид технической подделки, пришел к выводу, что данный случай не соответствует тем наиболее типичным системам признаков и их вариантам, наличие которых явилось бы основанием для выдвижения версии и ее последующей проверки. Обнаруженные при исследовании данные свидетельствовали о возможном копировании подписи, однако такого копирования, который не имел аналогов в криминалистической экспертной практике. Дальнейший анализ ряда признаков подписи привел эксперта к предположению о новом способе копирования: соединении двух пишущих приборов, один из которых синхронно выполняет движения другого, которым производится обводка копируемой подписи. В процессе исследования такая версия подтвердилась.

В определенной зависимости от источников формирования экспертной версии находятся этапы ее возникновения. Во временном режиме эти этапы могут соотноситься с аналитической стадией исследования, сравнительным исследованием (особенно такой его частью, как экспертный эксперимент), они также могут возникать после исследования, если его результат не привел эксперта к достаточно аргументированным выводам. Наряду с возникновением в процессе собственно исследования, эксперт-

нал версия может возникнуть на этапе, предшествовавшем исследованию, когда эксперт в своем распоряжении имеет только задачу, поставленную следователем. Конкретные обстоятельства, указанные в постановлении, могут способствовать построению версии по аналогии или как результата дедуктивного умозаключения. Источник формирования экспертной версии в зависимости от того, когда он начнет выполнять свою функцию, определит время ее появления. После возникновения экспертной версии ее развитие в плане проверки осуществляется в процессе исследования, результат которого либо подтверждает обоснованность предположения, либо опровергает его.

Немалая роль в формировании экспертной версии принадлежит рефлексии эксперта в процессе исследования, особенно при производстве экспертиз по установлению способа подделки подписи, оттиска штампа, печати и др. Иными словами, в такого рода исследованиях, где мыслительная платформа эксперта имеет противодействующую платформу, которая была рассчитана на избрание наиболее изощренных (в пределах возможного) способов маскировки, изготовления и т. п. В этих случаях мысленное проигрывание вариантов деятельности другого лица дает основание для возникновения версии, а иногда и для понимания механизма осуществления того или иного способа. Именно этой ролью рефлексивного мышления объясняется его значение в экспертной практике, связанной с разнообразными видами исследования. Это относится, главным образом, к исследованию документов, трассологическим экспертизам и др. Как видно из приведенного, экспертная версия является тем инструментом познания, с помощью которого эксперт устанавливает конкретную истину.

Наряду с этим экспертная версия способствует выполнению ряда функций. К ним можно условно отнести следующее: а) систематизация материалов в плане направления исследования; б) определение конкретных методов исследования; в) активизация мыслительной деятельности эксперта. Рассмотрим названные функции. Возникновение версии, если рассматривать ее в развитии, влечет за собой выведение следствий, определенная часть которых должна иметь место в материалах исследования. Такие следствия могут выступать в виде определенных признаков, наличия (отсутствия) тех или иных

следов и т. п. Поэтому выдвижение версии заставляет исследователя систематизировать имеющиеся в его распоряжении материалы. Систематизации предшествует мысленный анализ материалов и проверка их связи с выдвинутой версией, что позволяет обнаружить следствия, которые подтверждают исследуемую версию. Выдвинутое предположение при его проверке обеспечивается традиционно существующими методами исследования. Поэтому выдвижение экспертной версии влечет за собой избрание таких методов, которые могут дать наиболее оптимальное решение вопросов. Вместе с тем, иногда возникает такое положение, когда выдвинутая версия требует отхода от традиционных методов исследования. В этих случаях экспертом предпринимается поиск, направленный на обнаружение новых или модификацию имеющихся методов. Не всегда результаты такого поиска находят свое завершение в одном исследовании. Нередко они подсказывают направление научного изыскания в данной области, являющегося основой для разработки конкретных методов. Такое изыскание с достаточно эффективными результатами проводится в целях идентификации гладкоствольного оружия [21], для идентификации личности по почерку с применением электронно-вычислительных машин и установления авторства при исследовании письма с применением специальных разработок для дисплея [30; 12] и т. п. Поиск новых методов имеет своей целью не только облегчение конкретного исследования, но и в известной степени увеличение надежности и способов контроля результатов исследования, а также наиболее всестороннего и совершенного обоснования того внутреннего убеждения эксперта, которое лежит в основе выводов в каждом конкретном случае. В психологическом отношении принятие версии, сформулированной в постановлении следователя, или выдвижение собственно экспертной версии является этапом работы, который аккумулирует для его выполнения интеллектуальные ресурсы. Так, выдвижение версии влечет за собой постановку новых задач, направленных на отыскание путей решения, методов исследования, аппаратуры, комплекса экспериментов и плана их проведения, привлечения достижений иных областей знаний. Другими словами, выдвижение версии влечет за собой создание мысленной программы исследования, которая в свою очередь должна быть обеспечена реальными действиями

эксперта. Все названное требует не только интеллектуальной, но и практической активности эксперта, направленной на проверку выдвинутой версии.

Подтверждение выдвинутой версии данными исследования обычно венчает деятельность эксперта, который формулирует ее результаты в своем заключении. Оценка заключения эксперта следователем в отношении его научной достоверности и доказательственной ценности означает одновременно оценку той мыслительной деятельности, которая осуществлялась экспертом в процессе исследования.

Психология формирования выводов эксперта

Рассмотрение основ формирования выводов эксперта означает в сущности изучение механизма становления его внутреннего убеждения [31; 2]. Внутреннее убеждение зиждется на нескольких основополагающих сторонах деятельности эксперта, которые в своей совокупности позволяют судить об обоснованности убеждения, степени его научной достоверности. К ним относится, главным образом, оценочная деятельность эксперта, проходящая, как представляется, несколько этапов. Значительную роль при этом играет первый этап: оценка исходных материалов, представленных для экспертного исследования, которая распространяется прежде всего на задачу исследования, в плане реальности ее постановки и состояния современного уровня развития определенной отрасли знания, позволяющего приступить к рассмотрению названной задачи. Дальнейшая оценка включает анализ исходных материалов, представленных на исследование, в плане определения их качественных и количественных характеристик, а также достаточности для предстоящей экспертизы. Нередко результатом оценки на этом этапе является вывод о невозможности разрешения поставленной задачи при современном уровне развития науки (это относится к установлению времени производства выстрела, абсолютной давности оставления следов и др.), а также вывод о неполноте и непригодности представленных материалов по причинам отсутствия у них признаков, позволяющих производить исследование (смазанные, нечеткие следы пальцев и др.). Итоги первого этапа оценочной деятель-

ности, являясь основанием для формирования внутреннего убеждения эксперта, могут выражаться в различных решениях эксперта: истребовании дополнительных материалов, отказе от разрешения поставленного вопроса и т. д.

Вторым этапом оценочной деятельности эксперта является раздельный анализ представленных объектов. Такой анализ по своей сущности относится к стадии собственно исследования, поэтому при его проведении экспертом применяются различные методы, подчиненные стадии анализа и направленные соответственно поставленной задаче на обнаружение признаков, позволяющих индивидуализировать объекты. Выделяя в исследуемых объектах эти признаки, эксперт формирует внутреннее убеждение в их принадлежности предмету исследования, идентификационной состоятельности и способности выступать в своей совокупности в качестве идентифицирующих объектов. В этот период исследования формирование убеждения отличается функцией накопления такой суммы знаний относительно исследуемых объектов, которая создает необходимую аналитическую ступень для предстоящих выводов. Важно отметить то обстоятельство, что на стадии раздельного анализа обнаруживается система признаков, далее выступающая как исходная для сравнительного исследования. В этой системе, существующей самостоятельно для объектов исследования, значительная роль принадлежит не только количественным данным, то есть числу признаков, но и качественным характеристикам, позволяющим судить об их идентификационных функциях и возможностях. Обнаружение таких систем и определение их ценности занимают важное место в формировании внутреннего убеждения эксперта.

Сложность и многоэтапность формирования внутреннего убеждения эксперта требует рассмотрения и такого этапа, как сравнительное исследование, которое по своей сущности и результатам несет основную психологическую нагрузку в рассматриваемом процессе. Названное исследование включает в себя оценки, получаемые в результате анализа сопоставляемых объектов, оценки, базирующиеся на определении идентификационной ценности обнаруженного, на его месте в подготовке выводов эксперта. В ходе сравнительного исследования эксперт получает данные для объяснения совпадений и различий (или другие данные, если исследование не носит идентификационного

характера), для установления механизма события (действия) со всей полнотой или фрагментарно, для объяснения изменений, связанных с определением идентификационного периода и т. д. Сравнительное исследование является чрезвычайно ответственным этапом экспертизы, так как во многом обуславливает точность и логическую завершенность выводов эксперта. Последний в процессе исследования нередко ищет данные, направленные на проверку своих умозаключений. Такие данные в большинстве случаев получают в результате экспертного эксперимента, имеющего целью воспроизведение механизма события. Сохраняя некоторый элемент условности (в плане отхода от действительности), эксперимент позволяет получить конкретные данные, убеждающие эксперта в истинности формирующихся умозаключений или их неправильности. Проведение экспертного эксперимента во многом дополняет данные сравнительного исследования и, что очень важно, в известной мере объективизирует выводы, к которым приходит эксперт. В зависимости от результатов эксперимента — положительных или отрицательных в отношении выдвинутой версии, эксперт формирует свое внутреннее убеждение.

Сравнительное исследование, как этап экспертизы, требует значительного интеллектуального напряжения, что в психологическом плане заключается в решении задачи, поставленной перед экспертом. Если этапы (этап), предшествующие сравнительному исследованию, предполагают подход к решению, осмысление возможных путей его, избрание наиболее оптимальных методов решения, то сравнительное исследование в значительной мере определяет точность и правильность методов, их научную и логическую правомерность и состоятельность. Именно поэтому сравнительное исследование в экспертизе может рассматриваться как кульминационный момент, требующий сосредоточения интеллектуальных сил. Одним из этапов, формирующих внутреннее убеждение эксперта, является формулирование вывода, как результата синтеза оценок, имеющих место на стадиях отдельного анализа и сравнительного исследования. Выводы несут в себе психическое отношение эксперта к проведенному исследованию и в соответствии с его результатами они могут иметь положительный или отрицательный характер, а по своей форме — категорический или вероятный. Основное

требование, которое предъявляется к выводам эксперта — это их обоснованность материалами исследования и научная достоверность. Первое означает наличие причинно-следственных связей между исследуемым объектом и результатом исследования, другими словами, логическую правомерность выводов, их строгое соответствие данным, полученным в результате экспертизы. Нарушение логической связи образует противоречие выводов ходу исследования, материалам, на которых базируется заключение.

Требование научной достоверности выводов, которое предъявляется к заключению эксперта, означает обоснованность выводов результатами применения достижений науки в данной области, исчерпывающим исследованием, исключающим использование каких-либо методик, не учтенных экспертом.

Внутреннее убеждение эксперта выражается в его выводах, однако степень такого убеждения взаимосвязана с формой их изложения. В частности, показателями степени убежденности эксперта являются вероятная или категорическая форма выводов. Как это явствует из содержания самого термина, вероятная форма выражает такую степень убежденности эксперта, которая позволяет прийти хотя и к обоснованному, но только предполагаемому выводу. Его информационная ценность определяется впоследствии следователем или судом при оценке всех имеющихся доказательств в их взаимосвязи. Категорическая форма означает такую степень убежденности эксперта, которая исключает другие решения по данному вопросу. Вывод эксперта в форме «не представляется возможным» означает отсутствие необходимой базы для формирования внутреннего убеждения, возможного в других формах. Здесь результатом убеждения эксперта является указание на субъективную невозможность прийти к определенным выводам.

В советской криминалистической литературе психологический процесс формирования убеждения эксперта • отдельными авторами рассматривается с точки зрения системного анализа. В этом отношении структура убеждения представлена в виде следующих элементов: специальные знания, навыки и умения, без которых невозможно исследование объекта экспертизы; ознакомление с поставленным заданием; исследование объекта экспертизы; умозаключение о результатах проведенного исследе-

довапия; психическое состояние уверенности эксперта в истинности сделанных им выводов; формулирование выводов эксперта в его заключении [см. 64, с. 72]. Приведенная структура психологического процесса формирования убеждения представляется логически необоснованной в своей второй части, где такие элементы, как умозаключение о результатах, психическое состояние уверенности эксперта в истинности выводов и формулирование выводов по своей психологической сущности тождественны и не требуют самостоятельного вычленения. Так, умозаключение о результатах проведенного исследования обычно является следствием психического состояния уверенности эксперта в правильности вывода, иначе оно теряет свой смысл как умозаключение. Впоследствии оно может быть оценено с позиций его истинности или ложности, но от этого не утрачивает формы существовавшего вывода. Что же касается такого элемента структуры, как «формулирование выводов эксперта в его заключении», то он по своей сущности является формой умозаключения и в психологическом плане отдельного этапа не представляет, так как не имеет в своей подоплеке самостоятельных психических процессов.

В связи с рассмотрением вопроса о психологических основах формирования убеждения эксперта возникает дискутируемый на протяжении многих лет вопрос о пределах ознакомления эксперта с материалами дела в плане возможного их влияния на процесс исследования. Я. М. Яковлев, обращаясь к этой проблеме, утверждает, что для обеспечения нормального процесса формирования убеждения эксперта достаточно знакомить его с материалами дела только в тех пределах, в каких они непосредственно относятся к объекту экспертизы. В противном случае, по его мнению, может иметь место отрицательное психологическое воздействие, чреватое восприятием чужих оценочных суждений [см. 64, с. 74]. Такое решение вопроса не является убедительным. Эксперт, производя исследование, всегда широко консультируется, и эти консультации имеют разносторонний характер: обращение к специальной литературе, справочникам, данным смежных наук, получение консультаций у коллег и т. п. Таким образом, эксперт не может и не должен быть огражден от накопленного общего опыта и руководствоваться только собственным. Как представляется, рассмотрение и оценка

возможных суждений, в том числе и оценочных, имеющих в материалах дела, способствует более глубокому и разностороннему исследованию представленных объектов. Названные суждения могут выполнять негативную роль внушения только в том случае, если принимаются без критического анализа, осмысливания, что противоречит самому духу исследования. Во всех отраслях знаний соединение собственного и чужого опыта всегда является необходимым и неизбежным в целях исследования, если оно претендует на научность.

Мыслительная деятельность эксперта может протекать в различных формах. Традиционной формой является логическое мышление, использующее законы формальной логики. Вместе с тем последнее не всегда обеспечивает успех мыслительной работы, особенно в тех случаях, когда представленные для исследования материалы не обладают необходимой полнотой и законченностью, позволяющей прийти к определенным выводам, и если предмет исследования не укладывается в рамки известных представлений и опыта эксперта. В этих случаях решение задачи зависит от эвристического мышления эксперта, его способности оценивать складывающуюся ситуацию дня избрания решения, выдвигать версии и плодотворно их проверять [см. 57, с. 91]. Творческое мышление, предполагающее поиск неизвестных до настоящего времени путей решения или комбинирование ранее применяемых путей, не изолировано от логического. Более того, творческое мышление в большинстве случаев является результатом логического и после осуществления своей функции имеет также логическое продолжение, которое объясняет правомерность и истоки творческого мышления. Таким образом, в процессе экспертного исследования находит свое закономерное сосуществование логическое и эвристическое мышление.

Эвристическое мышление, как уже отмечалось, направлено на обнаружение новых путей решения поставленной задачи. Поэтому оно охватывает установление причинных зависимостей, объясняющих механизм образования исследуемого объекта и качественную значимость совокупности признаков, которые позволяют назвать ее идентификационной. Вызывает возражение указание Я. М. Яковлева на то, что эвристическое мышление дает возможность «выявить в предметах, входящих в проблемную ситуацию,

слабо выраженные или скрытые (латентные) признаки. Решение творческой (эвристической) задачи заключается в том, чтобы обнаружить «(выявить) эти скрытые свойства» [65, с. 128]. Как представляется, эвристическая функция мышления простирается дальше установления скрытых признаков и свойств. Ее главная задача заключается в их оценке, объяснении характера, причинной зависимости и роли в формировании вывода эксперта.

Определенное место в решении мыслительных задач экспертом занимает применение алгоритмов. Алгоритмы, как четко установленные решения тех или иных частей задачи, при экспертном исследовании весьма многообразны. По своему характеру они представляют обобщенные типы решений, основанных на практике производства экспертиз и теоретических их характеристиках. Алгоритмы, выполняя функции решения задачи или ее частей, все же ограничены наиболее типичными условиями последней. Именно поэтому их нельзя рассматривать как универсальное средство. В творческом мышлении они занимают подчиненное положение. Роль алгоритмов, как типов заранее определенной схемы решения, нередко выполняют конкретные методики, позволяющие наиболее эффективно решить поставленную задачу. В процессе научных исследований в области экспертологии могут быть предложены определенные алгоритмы, разрабатываемые применительно к исследуемой проблеме. Их действенность определяется экспертной практикой, в частности, той ролью, которую они выполняют в процессе решения поставленной задачи [см. 17, с. 83]. В настоящее время роль алгоритмов в решении экспертных задач возрастает особенно там, где применяются электронно-вычислительные машины или другие технические приспособления, основанные на различных формах кодирования. В формировании внутреннего убеждения эксперта решения задач или их фрагментов ЭВМ играют заметную роль. Однако им не принадлежит роль фактора, заменяющего убеждение эксперта «непогрешимыми» выводами машины, правильность которых в процессе их экспертной оценки, а следовательно, и формирования внутреннего убеждения эксперта должна подвергаться анализу.

При рассмотрении вопроса о повторных экспертизах, где новое решение эксперта противоречит прежнему, возникает проблема конфликта двух убеждений, каждое из

которых несет в себе определенную обоснованность. Конфликт может быть обусловлен несколькими факторами: а) недостаточностью анализа поступивших материалов; б) субъективной (произвольной) интерпретацией признаков; в) нарушением логической связи между выводами и основаниями для них. Обычно при повторном исследовании эксперт или комиссия экспертов указывает на те причины, которые явились источником неправильного вывода, однако аргументация в подобных случаях приводится чрезвычайно краткая и не содержит в себе подробного анализа данных, объясняющих эти причины. Очевидно, что новый вывод, отвергающий прежний, должен более подробно аргументировать не только новое решение, но и отказ от прежнего. Психическая сущность названного акта заключается в формировании нового убеждения, возникающего на базе не только повторного исследования, но и анализа путей возникновения убеждения, лежащего в основе прежнего.

Обращение к структуре внутреннего убеждения эксперта позволяет прийти к выводу, что она соответствует основным моментам формирования убеждения следователя и судьи. Это естественно, так как эксперт, осуществляющий свою деятельность в интересах судопроизводства, имеет в качестве объективных материалов для формирования выводов информацию, тождественную той, которая находится в распоряжении следователя и судьи. Советские процессуалисты, исследующие проблему внутреннего убеждения судьи, определяют его как состояние сознания, которое включает в себя в качестве системных элементов следующее: а) направленность личности судьи; б) его профессиональное правосознание; в) знания, полученные в результате рассмотрения конкретного уголовного дела; г) волевою решимость действовать в соответствии с полученными знаниями в том варианте поведения, который в данной ситуации допускается уголовно-процессуальным законом [см. 18, с. 5]. Приведенные элементы системы не меняют своей сути при перенесении их на содержательную сторону внутреннего убеждения эксперта. Поправка на специфическую область его формирования будет лишь способствовать более конкретному формулированию отдельных элементов.

Значительный интерес в познании закономерностей формирования внутреннего убеждения представляет соог-

ношение в последнем субъективного и объективного. Личное убеждение эксперта в правильности тех или иных выводов, как субъекта познания, обладающего определенными правовыми, профессиональными и нравственными воззрениями, создает необходимые предпосылки субъективной интерпретации суммы фактов, являющихся предметом познания. Вместе с тем было бы неправильным этой стороне формирования убеждения эксперта придавать основное значение, поскольку каждое субъективное убеждение имеет в своей основе (в объекте познания) то объективное, что составляет его сущность. Первое в данном случае не может существовать без второго, в чем оно только и может получить свое выражение. Объективная сторона убеждения является следствием и результатом познания объекта (предмета) исследования в совокупности всех его сторон и характеристик и существует как отражение объективной реальности в сознании познающего субъекта. Субъективная сторона убеждения определяется преломлением личностных (в широком смысле слова) качеств познающего. В зависимости от уровня профессиональных навыков эксперт может при формировании убеждения по-разному соотносить его субъективные и объективные начала. Процент ошибочности убеждения будет тем выше, чем большее преимущество будет принадлежать субъективным моментам.

К психологическим моментам, влияющим на формирование внутреннего убеждения эксперта, относится так называемая профессиональная деформация, рассматриваемая в психологической литературе как косность в решении мыслительных задач. Профессиональная деформация, или, как ее иначе именуют, «отрицательные явления профессионализма» [47, с. 66], в деятельности эксперта проистекает из нескольких причин, к числу которых можно отнести: профессиональную ограниченность; однотипность решаемых задач, создавшую жесткий алгоритм в их решении; убежденность в непогрешимости и законченности методик исследования; уверенность в правильности своих решений, которая отрицательно сказывается на функциях анализа и синтеза в процессе экспертного исследования; отсутствие систематического повышения профессионального образования и т. д. Профессиональная деформация отрицательно влияет на процесс формирования убеждения эксперта, сворачивая его во многих отно-

шениях. Как отмечает Ю. М. Грошевой, «косный стереотип в познавательной деятельности по сути подменяет дискурсивное рассуждение догадками» [19, с. 47]. Представляется необходимым указать на свойственную профессиональной деформации тенденцию, которая связана не только с догадками, заменяющими логику мышления и исследования, но и с подменой логики в исследовании прежним опытом своей деятельности, также отличающимся косностью. Таким образом, профессиональная деформация в деятельности эксперта чревата многими осложнениями, истоки которых зачастую трудно вскрыть, так как они помимо воли эксперта завуалированы его опытом, правильностью прежних решений, известной стабильностью, которая определена однотипностью решаемых задач.

Воздействие на профессиональную деформацию с целью ее исправления можно осуществлять многими путями, в число которых входит и повторное профессиональное обучение в виде повышения квалификации, внедрения новых методик исследования и т. п. Однако следует заметить, что процесс ломки сложившегося стереотипа, создавшего профессиональную деформацию, чрезвычайно сложен и в качестве одного из своих самых эффективных путей имеет подробный критический анализ заключений экспертов, которые были оценены как неправильные, ненаучные, не содержащие в себе исследования в действительном смысле этого слова. Представляется, что значительное число повторных экспертиз является следствием профессиональной деформации, имевшей место при первоначальном исследовании. Именно на это следует обращать внимание при анализе заключений экспертов, отвергаемых следователем в процессе расследования.

В социологической и криминалистической литературе в связи с рассмотрением источников профессиональной деформации обсуждался вопрос о роли узкой специализации. Высказываемые мнения о влиянии профессионализма на деформацию не оправдываются. Глубокое изучение специальности предполагает не только овладение ее характеристиками, но и изучение смежных вопросов, позволяющих лучше овладеть профессией в творческом плане. И такая возможность наиболее полно представлена эксперту. Неравномерное развитие различных областей знаний, используемых в исследовании, не позволяет застывать создаваемым методикам исследования, стиму-

лируя повседневный поиск. В данном случае объективные предпосылки к устранению деформации не всегда совпадают с субъективными требованиями к своей работе у отдельных экспертов. Именно поэтому проявление деформации может иметь место в этой профессии.

Поскольку убеждение эксперта находит свое выражение в заключении, постольку представляет интерес оценки его со стороны следователя и суда. Убеждение эксперта зиждется на анализе определенного числа материалов, требующих для своего исследования специальных знаний. Вместе с тем специфика этих материалов заключается в том, что они не являются строго изолированными, а находятся в процессуальной связи с другими данными дела и в определенной связи с событием, имеющим характер преступления или гражданско-правового спора. Это позволяет рассматривать названные материалы в виде доказательств по делу, истинный характер ценности которых решается и в процессе экспертного исследования. Именно заключение эксперта, рассматриваемое как доказательство, трансформирует обычное убеждение, придавая ему доказательственное значение. Следователь, получая заключение эксперта, оценивает его по существу, анализируя с точки зрения научной достоверности и в совокупности с другими доказательствами по делу. При таком его рассмотрении следователь имеет возможность значительно шире сопоставлять его с другими данными по делу и тем самым подвергать более разносторонней оценке, чем сам эксперт. Этим чаще всего и объясняется несогласие следователя с заключением эксперта, назначение повторной экспертизы, дополнительной экспертизы и др. Сложность оценки заключения эксперта состоит также и в том, что следователь, оценивая убеждение эксперта, формулирует свое собственное — соответствующее оцениваемому или отвергающее его.

Список литературы

1. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с.
2. А р о ц к е р Л. Е. Некоторые вопросы психологии судебного эксперта.— В кн.: Вопросы судебной психологии. М., 1971. 158 с.
3. Б о д а л е в А. А. Восприятие человека человеком. Л., 1965. 276 с.
4. Б о р я г и н Г. И. Некоторые вопросы психологии производства обыска. Научные труды НИИМ, сб. 1, М., 1959. 259 с.
5. Б е л к и н Р. С. Теория и практика следственного эксперимента. М., Юриздат, 1959. 179 с.

6. Белкин Р. С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М., Юриздат, 1964. 283 с.
7. Белкин Р. С. Собираание, исследование и оценка доказательств. М., «Наука», 1966. 235 с.
8. Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., «Юрид. лит.», 1973. 263 с.
9. Бурданова В. С. Использование данных психологии при оценке результатов опознания.— В кн.: Вопросы судебной психологии. М., 1971. 158 с.
10. Васильев А. Н. Следственная тактика. «Юрид. лит.», М., 1976. 196 с.
- И. Васильев В. Л. Психологическая характеристика деятельности следователя. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Л., 1970. 24 с.
12. Вул С. М. Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Харьков, 1975. 24 с.
13. Глазырин Ф. В. Криминалистическое изучение личности обвиняемого. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра юрид. наук. Свердловск, 1973. 35 с.
14. Гранат Н. Л. К проблеме криминалистического мышления.— В кн.: Состояние научных исследований по судебной психологии. М., 1971. 102 с.
15. Гранат Н. Л. О механизмах следственного мышления.— В кн.: Вопросы судебной психологии (Тезисы докладов и сообщений на Всесоюз. конференции по судебной психологии). М., 1971. 158 с.
16. Гранат Н. Л. Характеристика следственных задач и психологические механизмы их решения. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1973. 24 с.
17. Грановский Г. Л. Эвристические приемы в деятельности следователя и эксперта-криминалиста.— В кн.: Вопросы судебной психологии. М., 1971. 168 с.
18. Грошевой Ю. М. Теоретические проблемы формирования убеждения судьи в советском уголовном судопроизводстве. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра юрид. наук, Харьков, 1975. 35 с.
19. Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. ИО «Вища школа», Изд во при Харьк. ун-те, 1975. 143 с.
20. Гукowska Н. И. Следственный эксперимент. М., Госгориздат, 1958. 139 с.
21. Гушин В. Ф. Идентификация гладкоствольных ружей по следам на снарядах. Киев. изд. МВД УССР, 1973. 59 с.
22. Доспулов Г. Г., Мажитов Ш. М. Психология показаний свидетелей и потерпевших Алма-Ата, «Наука», 1975. 166 с.
23. Доспулов Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии. М., «Юрид. лит.», 1976. 110 с.
24. Дракин Л. Я. Конфликтные ситуации и тактика следствия. Материалы Всесоюз. науч. конференции криминалистов и судебных психологов. Алма-Ата, 1974. 213 с.
25. Дулов А. В. Судебная психология. Минск, «Вышэйгаая школа» 1970. 361 с.

26. Дулов А. В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. М., «Юрид. лит.», 1973. 167 с.
27. Дулов А. В. Судебная психология. Минск, «Вышэйшая школа», 1975. 461 с.
28. Идашкин Ю. В. Криминалистика и психология.— В кн.: Вопросы криминалистики. № 1—2. М., Юриздат, 1961. 112 с.
29. Комарков В. С. Тактика допроса. ИО «Виша школа», Изд-во при Харьк. ун-те, 1975. 64 с.
30. Компаниец А. М. Применение электронно-вычислительных машин в почерковедении. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Харьков, 1975. 19 с.
31. Колмаков В. П. О внутреннем убеждении советского судебного эксперта.— В кн.: Вопросы советской криминалистики. М., Юриздат, 1951. 138 с.
32. Колмаков В. П. Следственный осмотр. М., «Юрид. лит.», 1969. 172 с.
33. Колмаков В. П. Идентификационные действия следователя. М., «Юрид. лит.», 1977. 110 с.
34. Кон И. С. Социология личности. М., Политиздат, 1967. 383 с.
35. Котов Д. П., Шиханцов Г. Г. Психология следователя. Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. 133 с.
36. Кузьмин Е. С. Основы социальной психологии. Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. 381 с.
37. Левитов Н. Д. Вопросы психологии характера. М., 1962. 366 с.
38. Лузгин И. М. Реконструкция как разновидность моделирования в расследовании преступлений. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 13. М., «Юрид. лит.», 1971. 178 с.
39. Матусевич И. А. Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. Изд-во Белорусского ун-та, 1975. 142 с.
40. Обуховский К. Психология влечений человека. М., «Прогресс», 1972. 271 с.
41. Пантелеев И. Ф. Некоторые вопросы психологии расследования преступлений. Труды ВЮЗИ, вып. XXIX. М., 1973. 211 с.
42. Панферов В. Н. Роль выразительных движений человека в процессе опознания. — В кн.: Вопросы судебной психологии. М., 1971. 158 с.
43. Панферов В. Н. Восприятие и интерпретация внешности людей. — «Вопросы психологии», 1974, № 2, с. 167.
44. Петровскии А. В. К построению социально-психологической теории коллектива. — «Вопросы философии», 1973, № 12, с. 219.
45. Попов В. И. Аспекты совершенствования осмотра и обыска. — В кн.: 50 лет Советской прокуратуре и проблемы совершенствования предварительного следствия. Л., 1972. 87 с.
46. Порубов Н. И. Научная организация труда следователя. Минск, «Вышэйшая школа», 1970. 276 с.
47. Радутная Н. В. Условия дальнейшего повышения качества деятельности судей. — «Советское государство и право», 1970. № 1, с. 127.

48. Ратинов А. Р. Обыск и выемка. М., Юриздат, 1961. 218 с.
49. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., Изд. Высшая школа МООП СССР, 1967. 289 с.
50. Ратинов А. Р. Вопросы следственного мышления в свете теории информации. — В кн.: Вопросы кибернетики и право. М., 1967. 328 с.
51. Романов В. В. Использование композиционных портретов при расследовании преступлений. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук, Минск, 1973. 22 с.
52. Селиванов Н. Сущность методики расследования и ее принципы.— «Социалистическая законность», № 5, 1976, с. 96.
53. Славская К. А. Детерминация процесса мышления.— В кн.: Исследования мышления в советской психологии. М., «Наука», 1906. 337 с.
54. Смирнова Н. И. О возможности использования паралингвизмов в процессе следствия.— В кн.: Вопросы судебной психологии. М., 1971. 158 с.
55. Сорокин Ю. А., Махнарович А. М. Некоторые психологические параметры ложного высказывания.— В кн.: Вопросы судебной психологии. М., 1971. 158 с.
56. Социальная психология. Под ред. Предвечного Г. П. и Шерковина Ю. А. М., Политиздат. 1975. 373 с.
57. Соя-Серко Л. А. НОТ и определение затрат рабочего времени следователя.— В кн.: Организация работы следователей. М., Юриздат, 1968. 83 с.
- 57 (а). Теоретические проблемы оценки экспертом признаков почерка. Киев, РИО МВД УССР, 1975. 178 с.
58. Ципарский Я. Г. Некоторые приемы реконструкции на месте происшествия для воспроизведения обстановки и обстоятельств события.— В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 2. Киев, 1965. 216 с.
59. Шахриманьян И. К. Общая психологическая характеристика деятельности советского следователя.— «Правоведение», Л., 1965, № 2, с. 129.
60. Шехтер М. С. Некоторые теоретические вопросы психологии узнавания.— «Вопросы психологии», 1963, № 4, с. 167.
61. Шехтер М. С. Проблема симультанного узнавания. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук, М., 1964. 22 с.
62. Шиханцов Г. Г. Профессионально важные психические качества следователя. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук, Минск, 1970. 137 с.
63. Яковлев А. М. Преступность и социальная психология. М., «Юрид. лит.», 1971. 217 с.
64. Яковлев А. М. К вопросу о формировании убеждения судебного эксперта.— В кн.: Правовые и методологические проблемы судебной экспертизы. М., «Юрид. лит.», 1974. 167 с.
65. Яковлев А. М. Психологическая структура экспертной деятельности. Труды Всесоюзного научно-исследовательского ин-та судебных экспертиз, вып. 7. М., «Юрид. лит.», 1973.
66. Мехнер F₄ Kriminal Taktik. Нашьбигц. 1964.